Институт археологии
Российской академии наук

В.С.ФЛЁРОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

V.S.FL'OROV

OSTEUROPAISCHE JURTEARTIGE BEHAUSUNGEN DES FRUHEN MITTELALTERS

МОСКВА * 1996

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук Г.Е.АФАНАСЬЕВ
доктор исторических наук В.А.МОГИЛЬНИКОВ
Е.И.САВЧЕНКО

Утверждено к печати решением Ученого совета
Института археологии РАН 6.05.1994 г.

Флёров В.С.

Раннесредневековые юртообразные жилища
Восточной Европы. М., 1996. 100 стр.

Первое в отечественной и зарубежной археологии монографическое исследование юртообразных построек VII-X вв., происходящих с громадной территории от Волги до Нижнего Дуная и от Среднего Дона до Северного Кавказа и Крыма. Большинство их принадлежало населению Хазарского каганата и Первого Болгарского царства. Среди исследованных — жилища известных памятников — Правобережного Цимлянского городища, Саркела, Маяцкого поселения, а также Болгарии — Плиски, Дуранкулака, Гарвана, Нова Черны и других.

Автор полагает, что юртообразные жилища генетически восходят к кочевнической юрте и появляются в период перехода раннесредневековых кочевников к оседлости.

Для археологов, историков, историков архитектуры, этнографов.

© Флёров В.С., 1996
© Атавина А.А., оформление, 1996

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ВВЕДЕНИЕ

Даже беглое ознакомление с историографией убеждает в том, что многократные обсуждения археологами проблемы оседания раннесредневековых кочевников опирались на весьма скудную базу источников. Этот вывод относится и к процессам седентеризации, проходивших в Восточной Европе во времена и в пределах Великой Болгарии, Хазарского каганата, Первого Болгарского царства, культурное родство которых — давно установленный наукой факт. В значительной степени, если не в первую очередь, этот пробел может быть заполнен изучением жилищ. Действительно, ничто в археологическом плане так ярко не отражает эволюцию от кочевания к оседлости как трансформация жилища. Для указанных государственных образований переход к оседлости находит яркое отражение в появлении так называемых юртообразных жилищ, которые и являются предметом настоящего исследования.

Нельзя сказать, что раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы оставались доныне вне внимания специалистов. Это далеко не так. История их изучения насчитывает уже более пятидесяти лет, но эти годы можно назвать периодом накопления материала. Публикации юртообразных жилищ рассеяны по многочисленным и подчас уже редким изданиям; информация о них как правило маленькими разделами вкраплена в публикации иной или общей направленности. Немногие опыты обобщения базировались по понятным причинам на еще весьма ограниченном числе исследованных памятников.

Основная проблематика в литературе по юртообразным жилищам Восточной Европы эпохи раннего средневековья будет рассматриваться в соответствующих разделах предлагаемой работы. Здесь же я кратко укажу на основные вехи в истории их изучения. Впервые, насколько мне известно, юртообразные жилища были открыты в 1939 г. И.И.Ляпушкиным при раскопках Правобережного Цимлянского городища (Ляпушкин, 1940).

Вторым памятником, где были открыты юртообразные постройки, оказался соседний с Правобережным Цимлянским городищем Саркел (Левобережное городище). Это произошло в ходе раскопок 1949—1951 гг. Позднее они были опубликованы В.Д.Белецким (Белецкий, 1959. С. 42-44).

Важной вехой в изучении юртообразных жилищ явился выход в 1958 г. работы И.И.Ляпушкина "Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона". Во-первых, этот вид жилищ впервые включается в общую и также впервые предложенную классификацию жилищ Хазарского каганата. Во-вторых, И.И.Ляпушкин опять же впервые вводит по отношению к ним термин "юртообразные". Хочу обратить внимание - не юрты, а именно "юртообразные" или "типа юрты" (Ляпушкин, 1958. С. 100, 142). Правда, будучи осторожным и осмотрительным исследователем, И.И.Ляпушкин делает некоторую оговорку ("по-видимому"), а в своей классификации жилищ относит их к категории округлых полуземлянок. С точки зрения формальной типологии это действительно так, но только при формальном подходе. В-третьих, И.И.Ляпушкин прозорливо, хотя не менее осторожно, указал на "намечающуюся связь между овальными полуземляночными жилищами и зливкинским типом погребений" (Ляпушкин, 1958. С.142). Другими словами, на их связь с болгарским этносом. Как мы можем констатировать спустя более трех десятилетий и на несравненно большем материале, он оказался прав. Итак, при том, что И.И.Ляпушкин располагал немногими юртообразными жилищами всего с двух памятников (Правобережное Цимлянское городище и Саркел) и посвятил им в сумме менее страницы текста, его наблюдения и выводы оказались чрезвычайно важными и в значительной мере определяющими для дальнейшего изучения жилищ "типа юрты".

В 1958-1959 гг. раскопки Правобережного Цимлянского городища продолжила С.А.Плетнева. В итоге здесь открыто еще около сорока

юртообразных построек. Подтвердился вывод И.И.Ляпушкина о том, что они действительно являются единственным видом жилищ на этом памятнике. В этом отношении городище уникально - аналогичных памятников с абсолютным преобладанием юртообразных жилищ в Восточной Европе пока не открыто. Материалы раскопок были использованы С.А.Плетневой для написания известной статьи (Плетнева, 1964), а затем легли в основу предложенной ею типологии данных жилищ (Плетнева, 1967. С. 52-58). В настоящее время С.А.Плетнева готовит полную публикацию раскопанных ею участков городища.

В 1987-1988, 1990 гг. раскопки Правобережного городища проводили В.С.Флёров и В.Е.Нахапетян-Флёрова. Было открыто несколько юртообразных построек (Флёров, 1990а), что еще раз подтвердило выводы И.И.Ляпушкина.

В итоге шестилетних раскопок комплекс юртообразных жилищ Правобережного Цимлянского городища стал самым представительным в Восточной Европе.

60-80-е гг. не привели к открытию памятников равных по значению Правобережному Цимлянскому городищу, но зато в эти десятилетия чрезвычайно возросло общее количество памятников с представленными на них юртообразными жилищами. К сожалению, большинство из них неопубликовано или опубликовано весьма неудовлетворительно - без чертежей или с чертежами - миниатюрами; описания предельно краткие или неполные. Из открытых в эти годы памятников с юртообразными постройками отметим лишь наиболее значимые. Это Хумаринское городище на Кубани (Биджиев, 1983), Крымское городище на Нижнем Дону (раскопки Е.И.Савченко в 1960 г., неопубликовано), Дмитриевское селище на р.Короче (Плетнева, 1989), Стецовка на р.Тясмине (Петров, 1963). Большая серия юртообразных жилищ открыта К.И.Красильниковым на Среднем Донце (Красильников, 1980). Они, за исключением одного жилища Новолимаревского поселения, также не опубликованы (Красильников, 1981).

70—80-е гг. ознаменовались открытием юртообразных построек в северо-западном Причерноморье на поселениях Богатое, Шабо (Смиленко, Козловский, 1987) и Этулия (Чеботаренко, Щербакова, 1981).

Для Волжского региона своеобразным событием стало открытие в 1984 г. на городище Биляр одной, но очень выразительной юртообразной постройки, прекрасно опубликованной Ф.Ш.Хузиным (Хузин, 1989).

Особого внимания заслуживает Каладжинское селище на р.Большая Лаба -притоке р.Кубани, раскопки которого в 1990-1991 гг. начал краснодарский археолог В.Н.Каминский, открывший здесь наряду с прямоугольными серию юртообразных жилищ. Есть основания предполагать, что по распространенности на селище юртообразных построек это в настоящее время - самый представительный памятник на Северном Кавказе. В 1992 г. молодой талантливый ученый погиб, работы на Каладжинском селище прервались.

Итак, в период с конца 60-х гг. и до начала 90-х гг. в результате возросшего объема полевых археологических исследований была открыта целая серия новых местонахождений юртообразных построек. В географическом отношении они зафиксированы от Волги до Поднестровья и от Среднего Дона до Кубани. Вместе с тем, юртообразные постройки остаются как бы за пределами внимания специалистов. Им не было посвящено ни одной специальной работы, если не считать небольшой заметки автора (Флёров, 1992а). Часть исследователей ограничилась публикацией, как правило, предельно краткой, другие простым упоминанием раскопанных ими юртообразных построек. Некоторые жилища остались лишь в полевой документации. На этом фоне выделяется работа Л.Г.Нечаевой, небольшой раздел которой посвящен жилищам салтово-маяцкой культуры, в том числе юртообразным (Нечаева, 1975. С.21—32). В целом работа не потеряла своего значения и по настоящее время. Однако из памятников интересующего нас круга она затронула лишь уже известные Правобережное Цимлянское городище и Саркел.

К 60-м гг. относится открытие юртообразных построек в Болгарии. Исследование их шло вне связи с работами в прежнем СССР, тем более, что конструктивно постройки Болгарии зачастую отличались от раскопанных к тому времени на Правобережном Цимлянском городище и в Саркеле. Перечислю лишь основные исследования.

Одним из первых, если не первым, стало юртообразное восьмеркообразное в плане жилище, открытое Ст.Станчевым (Ваклиновым) на поселении Кладенци в ходе раскопок 1960—1966 гг. (Станчев, 1964. С. 42). В этой небольшой работе Ст.Станчев при классификации раннесредневе-

ковых жилищ VIII—X вв. впервые выделяет легкие наземные юртообразные постройки - "колиби" (Там же. С. 23).

В 1964—1980 гг. Ж.Выжарова проводит крупномасштабные раскопки на ныне широко известном поселении Гарван, где ей удается выявить не менее семи юртообразных построек с грунтовыми котлованами. До сих пор это самая большая серия жилищ данного типа в Болгарии (Въжарова, 1986).

Уникальное юртообразное жилище с ямками для каркаса за пределами котлована было исследовано в 1967 г. Дм.Димитровым на поселении Блысково. Это едва ли не единственная заглубленная юртообразная постройка Болгарии, в которой отсутствуют признаки местного славянского влияния (Димитров, 1973).

Совершенно иного характера жилища — с каменными печами — были открыты в 1967—1969 гг. на поселении Нова Черна (Милчев, Ангелова, 1970).

Из более поздних открытий упомянем два наиболее значительных. В 1976—1981 гг. под руководством Х.Тодоровой было раскопано поселение Дуранкулак — памятник, не имеющий аналогов в Восточной Европе. Раскопано не менее 14 юртообразных построек с котлованами, облицованными камнем, и около 10 наземных типа "колиби" (Тодорова, 1989; Флёров, 1992б).

Второе — раскопки Р.Рашевым монументальной деревянной постройки в Плиске. До настоящего времени она — единственная известная в Восточной Европе юртообразная постройка общественного назначения (Рашев, Дочева, 1989).

Как видно даже из этого предельно краткого перечня, относительно широкие полевые исследования юртообразных построек в Болгарии в целом начались примерно на десятилетие ранее, чем в бывшем СССР, если не считать Правобережное Цимлянское городище и Саркел. Но и в Болгарии они не стали предметом специальных исследований. При всем том, что они неоднократно упоминаются и используются для некоторых историко-археологических построений в трудах многих болгарских археологов (Ж.Выжарова, Ст.Ваклинов, Р.Рашев, Ст.Витлянов и др.). Только Дм.Ил.Димитров осуществил два удачных для своего времени опыта классификации юртообразных жилищ. В 1973 г. он, используя всего лишь два жилища, Кладенцов и Блыского, разделил их на два типа, при этом он ко второму типу отнес и жилища Правобережного Цимлянского городища (Димитров Дм., 1973). В 1975 г. он уточнил и развил свою систему, разделив жилища на наземные и углубленные с несколькими разновидностями. При этом уже были привлечены постройки поселений Гарван, Виница, Нова Черна (Димитров Дм., 1975). Как ни один другой исследователь Дм.Ил.Димитров широко использовал юртообразные постройки в связи с решением разных проблем в своем капитальном исследовании по праболгарам Причерноморья (Димитров Дм., 1987).

Всего в Восточной Европе к началу 90-х гг. исследовано более 30 поселений и городищ конца VII—X вв., где в разном соотношении с другими видами жилищ представлены и юртообразные. Как правило, они составляют незначительное меньшинство, а часто просто единичны. Исключение — Правобережное Цимлянское городище, где они являются массовым видом жилищ. Заметную долю составили только на Каладжинском селище в Прикубанье и на поселении Дуранкулак на Нижнем Дунае. Но как раз сам факт единичности встречаемости юртообразных построек на отдельных памятниках при их общей широкой распространенности от Волги и до Дуная отражает историческую реальность и требует объяснения. Следует также иметь в виду, что на громадных пространствах степи и лесостепи Восточной Европы раскопкам подвергались буквально единичные поселения. Это на фоне сотен только разведанных. На многих территориях не проводились и целенаправленные разведки. Мало того, из всех праболгарских и аланских поселений Восточной Европы полностью раскопано только одно — Дуранкулак. На большинстве остальных вскрытая площадь едва достигает нескольких процентов. Исключение составляют только Саркел и Правобережное Цимлянское городище. Таким образом, можно безошибочно прогнозировать, что по мере раскопок новых памятников и продолжения уже начатых работ количество открываемых юртообразных жилищ и их значение в праболгарской археологии будут постоянно возрастать в масштабах, которые трудно предугадать.

Прежде чем переходить к основному изложению рассматриваемой темы, сделаю несколько предварительных замечаний и пояснений. Все привлеченные к исследованию в настоящей работе жилища я рассматриваю как праболгарские по их происхождению и в большинстве по принадлежности. При этом надо иметь в виду,

что в пределах Хазарского каганата и в Прикубанье юртообразные жилища безусловно использовались не только болгарами, но и хазарами, а также аланами. Последним, вероятно, принадлежали юртообразные постройки Дмитриевского селища в бассейне Северского Донца (Плетнева, 1989. С. 35—39). О праболгарской принадлежности основной части юртообразных построек юга Восточной Европы свидетельствуют в совокупности география их распространения и хронология.

Следует сказать и о принятом мною определении "юртообразные" жилища. В отношении данного вида жилищ в литературе можно встретить самые разные определения: овальные полуземлянки, бесстолбовые постройки, круглые и овальные жилища, жилища типа юрты, круглоплановые и просто "юрты". Последний термин следует исключить без всяких сомнений: все праболгарские юртообразные постройки, даже наземные, имеют определенные признаки стационарного строения. Это котлованы земляные, котлованы обложенные камнем, заглубленные в грунт жерди каркасов и т.д. Кочевническая юрта, как известно, является легким переносным жилищем, которое не может оставить археологически прослеживаемых следов. Даже следы очагов, располагаемых в юртах над- или- в почвенном слое, быстро исчезают под воздействием естественных факторов (почвенные процессы, ветер, осадки, не говоря о распашке).

Приемлемым можно признать термин "круглоплановые". Он достаточно нейтрален и по сути относится к области формальной типологии. Но он внеисторичен и в равной степени может быть отнесен к круглым жилищам любой культуры и эпохи, в том числе к жилищам бронзового и раннежелезного веков, а также примитивным современным постройкам. Круглоплановыми являются и болгарские жилища.

Термин "юртообразные" более узок, историчен и конкретен. Многолетняя работа с данными постройками привела меня к выводу, что их прототипом являются кочевнические юрты. Отсюда, как указание на их генетическую связь с предшествующим типом жилищ, я считаю возможным определять их как юртообразные[1]. Ссылка на других авторов не может считаться в данном случае аргументом, однако должен указать, что этой точки зрения придерживаются все авторы, писавшие о праболгарских юртообразных жилищах, начиная с И.И.Ляпушкина (С.А.Плетнева, В.Д.Белецкий, А.Т.Смиленко, А.В.Гадло, К.И.Красильников, В.К.Михеев, Л.Г.Нечаева, Х.Х.Биджиев и другие; в Болгарии: Ж.Выжарова, Ст.Станчев (Ваклинов), А.Милчев, С.Ангелова, Дм.Димитров, Р.Рашев, Ст.Витлянов). Исключением является только точка зрения Г.Е.Афанасьева (Афанасьев, 1987. С. 40—52). К сказанному о юртообразности надо добавить следующее: жилища кочевников праболгар могли быть не только и не обязательно решетчатыми, а и иных, более простых конструкций. К этому мы еще вернемся.

При подготовке данной работы передо мной было две определенные задачи: 1. Составить сводку и карту праболгарских юртообразных построек Восточной Европы. Я ориентировался при этом на доступные публикации и архивные данные. К сожалению, и те, и другие неравнозначны. В публикациях часто отсутствуют шкалы масштабов и указания самых необходимых замеров, чертежи разрезов. Это не могло не сказаться и на предлагаемой сводке. 2. Изложить ряд предварительных наблюдений, касающихся распространения, конструкции, типологии и региональных особенностей юртообразных жилищ.

Тема по всей своей полноте рассматривается впервые, многое осталось невыясненным и по завершению работы. Это вполне закономерно. Следует также иметь в виду, что здесь не поднимаются вопросы происхождения самой юрты, не рассматриваются юртообразные постройки иных регионов и хронологических пластов. Последние лишь упоминаются по мере необходимости.

Я, естественно, не мог обойтись без привлечения данных этнографии. Обращение к ним археологов в последнее время вызывает определенный скептицизм, не всегда оправданный, особенно для эпохи средневековья. Я не разделяю этого скепсиса, но, тем не менее, этнографические параллели и аналогии использовались лишь в тех случаях, когда, как мне казалось, или были необходимы, или не вызывали явных сомнений. Попутно отмечу, что проблема происхождения юрты и юртообразных построек не решена пока и этой родственной археологии наукой, однако описания юрт нового времени археология игнорировать не должна. Надо полагать, что формирование юрты шло не в одном центре и не по одной схеме, а сами раннесредневековые юрты были определенное время достаточно разнотипны, пока не появились два устойчивых вида, известных как тюркская и монгольская.

К сказанному следует добавить, что в отношении того вида жилища, который большинство современных этнографов называют "юрта", изредка и только для отдельных регионов использовался еще в трудах XVIII в. и в служебной переписке и документации того времени термин "кибитка". В частности, это и поныне относится к калмыцкой "кибитке", которая является просто разновидностью монгольской юрты (Эрдниев, 1985. С. 156—157; Эрендженов, 1990. С. 47—50). Для нашей темы эта двойственность терминологии значения не имеет, хотя среди археологов такие вопросы изредка возникают. Стоит напомнить, что еще в трудах Н.Н.Харузина термины "решетчатая юрта" и "кибитка" выступают как равнозначные (Харузин, 1896. С. 21).

ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПИСАНИЕ, КОММЕНТАРИИ

В основу предлагаемого свода положен региональный принцип. Всего при картировании местонахождений юртообразных жилищ вполне определенно выделяется семь регионов: 1. Дон — Северский Донец, 2. Волга, 3. Кубань, 4. Крым, 5. Днепр, 6. Северо-Западное Причерноморье, 7. Нижний Дунай (Рис. 1). Не трудно заметить, что этим географическим зонам соответствуют определенные культурные образования или районы расселения праболгар. Бассейн Дона и Северского Донца — это территория салтово-маяцкой культуры. Для Волги — это Волжско-Камская Болгария. Прикубанье — территория относительно компактного расселения болгар в предгорьях Северного Кавказа. Находка одного юртообразного жилища в укреплении Кордон-Оба в Крыму подтверждает проникновение болгар, что установлено и по иным данным, в Крым. Юртообразные жилища, обнаруженные на среднем Поднепровье — дополнительное свидетельство контактов пеньковского и волынцевского населения Среднего Поднепровья с праболгарами. Несколько сложнее пока установить роль и вес праболгарского населения в формировании раннесредневековой культуры в междуречье Днестра и Дуная, но сам факт их присутствия здесь установлен наукой давно. Что касается правобережья Нижнего Дуная, то речь идет о памятниках Первого Болгарского Царства. Не вызывает удивления, что основные районы исторического расселения и формирования основных очагов культуры праболгар дали и наибольшее количество юртообразных жилищ: бассейн Дона — Северского Донца и Нижний Дунай; несколько в меньшей мере Прикубанье. Но следует иметь в виду другое. Я уже отмечал малую исследованность поселений праболгар в Восточной Европе. По мере же открытия новых памятников белые пятна на карте распространения юртообразных жилищ будут заполняться, а такие регионы как Дон и Прикубанье сольются. Достаточно напомнить открытие еще двадцать лет назад А.В.Гадло поселений с типично салтовской керамикой в Ставрополье (Гадло, Найденко, 1973). Выяснением новых памятников салтово-маяцкого типа в Ставрополье в последние годы результативно занимается Н.А.Охонько (Охонько, 1986. С. 46).

И все же, при перспективе постоянного возрастания числа вновь открываемых местонахождений юртообразных жилищ наметившиеся центры их распространения в целом останутся неизменными, будет уточняться лишь интенсивность этого распространения, в том числе в хронологическом срезе.

ДОН — СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

Обзор юртообразных жилищ этого региона проводится от низовий рек к верховьям, что соответствует и путям исторического расселения праболгар в этом бассейне.

ЗАПЛАВСКАЯ СТАНИЦА, ПОСЕЛЕНИЕ

Расположено в низовьях р. Дона у г.Новочеркасска. Открыто и исследовалось в 1962 г. А.В.Гадло (Гадло, 1978). В культурном слое толщиной 20—30 см на расстоянии друг от друга в 5,0—7,0 м выявлены золистые пятна диаметром 50—60 см. Никаких наземных или заглубленных конструкций около них не оказалось, хотя проводился целенаправленный поиск. Это дало основание А.В.Гадло, ссылаясь на опыт С.А.Плетневой, придти к заключению, что золистые пятна являются следами "кострищ" от "жилищ типа неуглубленных в землю юрт". Если это предположение верно, то перед нами

первые зафиксированные на Нижнем Дону юрты праболгар, датируемые, вероятно, не позднее VIII в. Принять, на мой взгляд, следует именно эту дату, а не выдвинутую автором — "середина IX — середина X" — на основании фрагментов амфор. Углубленная разработка амфор в Северном Причерноморье для средневековья фактически началась только в последние годы (А.И.Романчук, А.В.Сазанов). На предложенную мной дату указывает абсолютное преобладание на поселении лепной керамики (81,2%), представленной преимущественно горшками и котлами с внутренними ушками. Столь значительная доля лепной посуды для более поздних памятников салтово-маяцкой культуры не характерна.

Опыт раскопок А.В.Гадло у ст.Заплавской показал, что поиск следов жилищ на степных кочевьях и поселениях имеет значительные перспективы. К сожалению, такого целенаправленного изучения путем раскопок позднее не проводилось.

В 500 м от кочевья у ст.Заплавской находился грунтовый могильник (уничтожен при строительстве), на котором в частности зафиксировано погребение человека "на спине" с расположенным рядом скелетом коня. При погребении был салтовский кувшин. Наличие грунтового могильника позволяет говорить об определенной степени оседлости "заплавского" населения.

ГОРОДИЩЕ У ХУТОРА КРЫМСКИЙ

Расположено вблизи слияния Северского Донца с Доном в Усть-Донецком районе Ростовской обл. В 1969 г. Е.И.Савченко открыл на городище одно чрезвычайно выразительное юртообразное жилище (Савченко, 1970)[2]. Толщина культурного слоя на месте его обнаружения составляла до 0,75 м. Само жилище выявлено на глубине 0,70 м, частично оно врезано в материк.

По форме это овально-вытянутая постройка с котлованом глубиной около 25 см (Рис. 2). Стенки котлована чуть наклонны, пол горизонтален. Длинной осью жилище ориентировано по линии ССЗ-ЮЮВ. По размерам оно невелико — 2,80x2,40 м. Самой яркой его особенностью является серия из пятнадцати лунок от опор каркаса, расположенных чрезвычайно равномерно по периметру пола. Расстояние между ними колеблется в пределах 35—45 см. Диаметр лунок — 7 см, глубина — 15—17 см. Судя по представленному в полевом отчете разрезу, жерди каркаса стен стояли вертикально. По столь равномерному распределению лунок по периметру жилища крымская постройка пока не имеет аналогий в бассейне Дона - Северского Донца, но прямой аналогией ей по данному признаку является постройка с городища Первомайского из Прикубанья (см.далее).

Отсутствие лунок жердей каркаса в северной половине котлована указывает на расположение входа именно здесь, на что обратил внимание и сам исследователь (Савченко, 1969. С. 5). Как известно, вход в юртах кочевников традиционно устраивался с восточной или южной стороны. Смещение его на северную сторону жилища явно свидетельствует о том, что традиция в данном случае уступила место рациональности в условиях конкретной планировки городища. С аналогичной картиной мы будем сталкиваться не раз и на других поселениях.

Очаг располагался у противоположной южной стены жилища. Он обычен для юртообразных жилищ: круглый, так называемый блюдцеобразный (тарелкообразный). Его диаметр 80 см, глубина в центре — 15 см. Сильный прокал свидетельствует о достаточной долговременности существования жилища. В 1969 г. на городище были найдены еще два аналогичных очага, но жилищ около них не было выявлено. Не исключено, что они действительно, как полагает Е.И.Савченко, находились вне построек.

Датировать юртообразную постройку Крымского городища по найденному в ней фрагментированному керамическому материалу с желаемой точностью невозможно. Расположенный рядом с городищем могильник Е.И.Савченко достаточно обоснованно датировал в пределах середины VIII — первой половины X в. (Савченко, 1986. С. 97). Что касается ранней даты, то она вполне согласуется с находками как на самом могильнике, так и на городище лепной керамики. Представлены на городище и котлы с внутренними ушками. Последние не уточняют его дату, но характеризуют культурный облик.

ПРАВОБЕРЕЖНОЕ ЦИМЛЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Как уже говорилось, по представительности юртообразных жилищ городище уникально не только для салтово-маяцкой культуры, но и для всей Восточной Европы.

Несмотря на большие раскопки, проведенные на городище И.И.Ляпушкиным в 1939 г., С.А.Плетневой в 1958—1959 гг., В.С.Флёровым и В.Е.Нахапетян-Флёровой в 1987—1988,

1990 гг. (Флёров, 1991), подавляющее большинство юртообразных построек до последнего времени оставались неопубликованными. Заметное исключение составляет только использование С.А.Плетневой построек городища при классификации жилищ салтово-маяцкой культуры, при этом автор опубликовала впервые в достаточно крупном масштабе планы десяти жилищ (Плетнева, 1967. С. 54—55). Следует, однако, иметь в виду, что в данной публикации заметно превалирует элемент реконструкции: на рисунках сохранены изображения только тех лунок жилищ, которые расположены вдоль стен. Все же прочие лунки, усеивавшие полы жилищ, не воспроизведены. Достаточно хотя бы сравнить изображения жилища № 7 на публикуемом чертеже-реконструкции и на фотографии (Плетнева, 1967. С. 54, рис. 11, 4; С. 56, рис. 12, 1). В реконструированном виде это жилище изображено и в другом издании (Степи Евразии, 1981. С.157, рис. 43).

Ни одного жилища из своих раскопок не опубликовал И.И.Ляпушкин. Два жилища (№№ 41 и 43) с подробным описанием из раскопок 1987 г. опубликованы мною (Флёров, 1990а). В настоящее время С.А.Плетнева и я подготовили полные публикации раскопок на городище, в том числе юртообразных жилищ. Это делает излишним описание в настоящей работе каждого из них[3].

Всего в ходе раскопок 1958—1959, 1987—1988, 1990 гг. на городище зафиксировано 49 жилищ, из которых 40 открыто С.А.Плетневой. Юртообразные постройки с предельной плотностью занимали все пространство Правобережной крепости, за исключением привратного отсека.

Достаточная многочисленность жилищ Правобережного Цимлянского городища позволяет вновь поставить вопрос об их классификации, но без стремления придать ей строго формализованный вид. Во-первых, исследование памятника, вероятно, будет еще продолжено. Во-вторых, и главным образом, по той причине, что и само население крепости не выработало стандартных типов юртообразных построек. Среди жилищ крепости нет и двух полностью идентичных. Очертания весьма немногих приближаются к правильной окружности. В большинстве же случаев линия стен котлована неровная, ломанная, а сами котлованы предельно асимметричны. Различна и их глубина. Однако важнейшим показателем нестандартности правобережных жилищ является полное отсутствие сложившейся системы в сооружении каркасов стен, о чем можно судить по оставшимся от них лункам. В одних жилищах лунки у стен отсутствуют вовсе, в некоторых чередуются через 10—50 см, но не сплошной цепочкой. У большинства же определенной системы лунок вообще нет. Такая же бессистемность господствует и в лунках на полах жилищ — от нескольких до многих десятков. Предназначение большинства из них определить невозможно, хотя в принципе ясно, что они относятся не к опорам, а к каким-то объектам интерьера. В редких случаях можно с достоверностью определить расположение входа. Наконец, весьма различно и качество обработки стен и полов котлованов. За редким исключением выполнены они очень неумело. Не возникает сомнений в том, что население крепости не имело не только глубоких строительных традиций, но и простого опыта землеройных работ. Итак, указанная нестандартность жилищ Правобережной крепости требует достаточной гибкости в системе их классификации. Трудности в разработке классификации вызваны и недоследованностью около половины из зафиксированных С.А.Плетневой построек. Зная нечеткость планировки полностью вскрытых жилищ, трудно быть уверенным в правильности реконструкции не только частично, но даже и наполовину раскопанных[4]. Всего для типологизации пригодно около 30 жилищ городища.

В основу предполагаемого деления жилищ на группы положена их планировка. Прочие признаки, прежде всего глубина котлованов и система лунок, неустойчивы. По планам котлованов из всего массива жилищ хорошо выделяются две наиболее представительные группы: округло-овальные и подпрямоугольные. Группа округло-овальных включает четырнадцать построек: №№ 3, 6, 14, 21, 31, 32, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 47, 48 (Рис. 3; 4; 5, 1; 6, 1, 3—4; 7). Очертания многих из них действительно близки к правильной окружности. Примером таковых являются жилища №№ 40, 41, 47 (Рис. 3, 3—4). Другие имеют заметную тенденцию приближения к окружности: №№ 14, 32, 42, 44 (Рис. 4; 6, 4). Ряд жилищ имеет в основе своих планов достаточно правильные овалы: №№ 3, 21, 39 (Рис. 3, 2). Прочие жилища группы имеют в очертаниях стен заметные изъяны: неровности, прямые участки, выступы или впадины. Уверенно можно сказать, что в каждом жилище данной группы просматривается явное стремление к плану в виде геометрической окружности, в крайнем случае к правильному симметричному овалу.

Пожалуй, в наибольшей степени к "идеалу" приблизились очертания жилища № 40 (Рис. 3, *4*). Разница между его большим и малым диаметрами (3,10 и 2,85 м) составила всего 25 см или 8%. Меньше разница между диаметрами (2,80 и 2,70 м) у жилища № 32 — около 5%, однако его очертания оказались менее правильными: восточная и южные стенки "распрямлены" (Рис. 6, *4*).

Нечеткость контуров жилищ позволяет предполагать, что жители крепости не пользовались даже таким примитивным инструментов для построения окружности как вбиваемый в землю колышек с привязываемой к нему веревкой. Эстетическая сторона в сооружении собственных жилищ их явно не интересовала.

Размеры котлованов округло-овальных жилищ достаточно стабильны (Табл. 1) и подразделять их по признаку "диаметр котлована" вряд ли целесообразно, хотя максимальные диаметры колеблются от 2,80 и до 5,70 м. Средний показатель для группы составляет 3,60 м. Четырех метров достигают в диаметре только два жилища: № 31 и 39, пяти метров -только жилище № 14. Для прочих же средний показатель составляет всего 3,15 м. Именно его и надо принять за существовавший в крепости основной стандарт диаметра юртообразного жилища. Особняком стоит только жилище № 6, диаметр которого достигает 5,7 м (Рис. 7). Объясняется это его своеобразной конструкцией: оно состоит из основной углубленной части и более мелкой, охватывающей ее со всех сторон. Как отметила С.А.Плетнева, разделять это жилище на два разновременных, большое и малое, нельзя, поскольку оба помещения "связаны следами одного пожара" (Плетнева, 1967. С. 57). Диаметр меньшего помещения составляет 3,00 м, что близко среднему размеру округло-овальных жилищ.

Средняя площадь округло-овальных жилищ около 8 кв.м. Они явно рассчитаны на одну малую семью. По данным У.Э.Эрдниева в калмыцкой кибитке площадью в 18—22 кв.м могло жить до 8—12 человек (Эрдниев, 1985. С. 156). Правобережные юрты в два-три раза меньше по площади и были рассчитаны, видимо, не более, чем на 4—5 человек. Разумеется, это не говорит о численности семьи, так как члены одной семьи могли занимать несколько жилищ. Однако приведенный расчет при условии выделения синхронных построек может дать примерные сведения о демографической ситуации в крепости.

Таблица 1

Округло-овальные жилища Правобережного Цимлянского городища

№№ жилища	котлован	
	размеры (в м)	глубина (в см)
3	3,00 x 2,65	40
6	5,70 x 5,00	60
14	5,00 x 3,70	40
21	3,25 x 2,90	40
31	4,00 x 4,00	25
32	2,80 x 2,70	60
39	4,00 x ?	20
40	3,20 x ?	80
41	3,70 x 3,60	40
42	3,10 x 2,85	70
44	2,80 x 2,60	20
46	3,00 x ?	45
47	3,60 x 3,00	55
48	3,25 x ?	50

Не является дискретным и такой признак округло-овальных жилищ Правобережного Цимлянского городища как глубина котлованов. Мало того, к нему следует подходить с определенной осторожностью, так как в большинстве случаев фиксируется не реальная, а прослеженная глубина. Реальная ее заметно превышала. Данные о прослеженной глубине приведены в таблице 1. Исключая крайние случаи, средняя глубина составляет около 48 см или, округляя, — 50 см.

Важно подчеркнуть, что нет определенной зависимости между диаметрами котлована и его глубиной. Так самым глубоким оказался котлован среднего по размеру жилища № 40: 80 см. В то же время глубина самых больших жилищ № 6 и 14 составила всего 60 и 40 см соответственно. Неустойчива она и у самых маленьких котлованов № 32 и 44: соответственно 60 и 20 см. Вполовину меньше средней глубина третьего по величине жилища № 31. При диаметре 4 м она составила всего 25 см.

Большинство котлованов зафиксировано в предматериковом слое или в материке. Самые мелкие не достигали материка и врезались только в покрывавший его на городище слой поселения эпохи бронзы. Чем же объяснить отсутствие сложившегося стандарта в заглубленности котлованов и зависимости между его диаметром и глубиной? Полагаю, такими простыми факторами как погода в момент сооружения жилища и микрорельеф выбранного для него места; сроком, который поселенец предполагал пробыть в крепости; наконец, даже характером, настойчивостью и прилежанием самого хозяина строящегося жилища. Считаю необходимым особо подчеркнуть, что ни о каком учете трудозатрат речь не шла: разница во времени при сооружении котлована глубиной в 20 или в 50 см составляла всего несколько часов, даже при участии в работе всего двух — трех человек. Любой котлован мог быть сооружен в течение одного — двух дней, даже если грунт приходилось выносить за пределы крепости. Разумеется, помимо указанных, главную роль в нестабильности глубин играло уже отмечавшееся отсутствие опыта оседлого быта, в том числе и сооружения стационарных жилищ.

Именно последним, вероятно, надо объяснять появление таких совершенно нестандартных в плане жилищ № 15, 18, 20 (Рис. 6, *2*; 8), которые надо рассматривать как разновидность округло-овальных, но у которых идея круглого жилища получила наиболее неудачное воплощение. К тому же и по своим параметрам они оказались самыми маленькими среди жилищ группы:

Жилище № 15 — 2,80 х 2,40 м, глубина котлована 30 см

Жилище № 18 — 3,00 х 2,40 м, глубина котлована 40 см

Жилище № 20 — 3,00 х 2,60 м, глубина котлована 20 см

Вероятно, эти жилища были рассчитаны на небольшую семью, состоящую из одного — двух поколений. В жилище № 20 были обнаружены кости трех детей в возрасте 7—8, 8—10 и 10 лет, погибших при разгроме крепости. Можно предположить, что здесь обитала семья из пяти человек: отец, мать и трое детей. Площадь жилища составляла около 6 кв.м. Таким образом, высказанное перед этим предположение о рассчитанности среднего по параметрам жилища Правобережного Цимлянского городища примерно на пять человек находит себе некоторое подтверждение.

Я не склонен считать, что эти три небольшие жилища принадлежали социально приниженной группе населения крепости. От наименьших округло-овальных жилищ они отличаются только небрежностью планировки, по размерам не уступают жилищам № 32, 42, 44, а их площадь меньше средней в группе всего на 2 кв.м. В связи с вопросом о сложности определения социальной стратификации населения крепости стоит указать, что весьма значительный по ценности клад монет был найден в жилище № 2, которое по своей площади не выделяется среди прочих жилищ крепости.

К числу овальных должно отнести и средних размеров (3,60х2,50 м, глубина котлована 40 см) несколько удлиненную с очертаниями асимметричного овала постройку № 43 (Рис. 5, *2*). Выполнена она предельно небрежно, стенки неровные, пол бугристый. Планировка внутреннего пространства этой постройки: наличие большого хозяйственного отсека около западной стенки, смещение очага к стенке, устроенная под восточной стеной хозяйственная яма, — заставляет предположить, что постройка была не жилого, а хозяйственного назначения. Возможно, она предназначалась для хранения небольшого запаса продовольствия и приготовления пищи. Юрты-кухни хорошо известны и по этнографическим данным.

Вторую достаточно представительную группу юртообразных жилищ Правобережной Цим-

лянской крепости образуют жилища подпрямоугольных очертаний со скругленными и даже несколько выступающими углами. В эту группу включены полностью или почти полностью раскопанные жилища №№ 2, 5, 7, 11, 29 (Рис. 9—12, *1*). Кроме того сюда же отнесены неполностью раскопанные постройки, которые, однако, с большой степенью вероятности реконструируются как подпрямоугольные, а кроме того они обладают и рядом других признаков жилищ этой группы: жилища № 8 (Рис. 10, 1), 13, 17 (Рис. 12, *2*), 28.

Ярко выраженными образцами этой группы являются жилища № 7 и 29 (Рис. 11) с несколько выпуклыми углами и неполностью раскопанные жилища № 5 и 11 (Рис. 10, *2*; 12, *1*). В планировке жилищ группы подпрямоугольных сказывается явное стремление вчерашних кочевников преобразовать привычное округлое юртообразное жилище в более приспособленное для оседлого быта прямоугольное. При этом, однако, продолжает сохраняться жердевая основа стен, небольшая заглубленность котлованов и традиционный круглый очаг, располагаемый обязательно в центре жилища. Таким образом, мы имеем пока уникальные образцы переходного типа жилищ от юртообразных к жилищам типа прямоугольных полуземлянок, широко известным по многим исследованным памятникам салтово-маяцкой культуры. Конечно, в этом опыте сказывается откровенное стремление максимально сохранить основные признаки привычной округлой юртообразной постройки, напоминающей привычную юрту. Главное же, не был сделан решающий шаг в переходе к настоящей полуземлянке: переход от жердевого к столбовому каркасу. Последний в своем наиболее распространенном варианте предполагает установку столбов-опор по углам, которые, соответственно, должны стать прямыми, и минимум по одному столбу в середине каждой стены. Такая конструкция поселенцами Правобережного городища освоена не была, что предполагает отнесение жилищ этой группы, также как и округло-овальных, к юртообразным.

Второй характерный признак ряда жилищ группы — двухкамерность. Речь идет об овальных выступах, примыкающих к одному из углов основного помещения. Примечательно, что двухкамерность совершенно не характерна для округло-овальных построек крепости, во всяком случае, для полностью исследованных. Из девяти включенных в группу подпрямоугольных жилищ "двухкамерными" оказались шесть: №№ 2, 5, 7, 8, 11, 17 (Рис. 9—10; 11, *1*; 12, *2*).

Третий заметный признак, кроме планировки основного помещения и двухкамерности, — размеры построек. Как по линейным параметрам, так и по площади они превосходят большинство округло-овальных (Табл. 2). Небольшими размерами среди них выделяется только уже упоминавшееся жилище № 2. Оно же было и самым мелким, из-за чего не был полностью прослежен его контур. Максимальные размеры осей прочих жилищ превышают четыре метра, а у жилища № 29 размеры близки к четырем метрам — 3,80 м. Размеры же прочих удивительно стабильны: от 4,00 до 4,50 м. Средняя площадь

Таблица 2

Подпрямоугольные жилища, однокамерные и двухкамерные

№№ жилищ	Размер основного помещения (м)	Глубина котлована (см)	Размер малого помещения (м)
2	3,00 x 2,60	10	2,40 x 1,60
5	4,00 x 3,80	30	3,30 x 3,10
7	4,15 x 4,15	40	2,65 x 1,80
8	4,50 x ?	40	2,20 x 1,20
11	4,00 x 3,80	35	1,30 x 1,10
13	более 4,00 x 3,00	50	—
17	3,80 x 3,80	30	3,10 x 2,27
28	4,40 x ?	20	—
29	4,20 x 3,90	15-	—

основного помещения подпрямоугольных жилищ составляет около 15 кв.м, т.е. почти в два раза превышает среднюю площадь округло-овальных. Разница весьма существенная, чтобы остаться незамеченной. Мало того, пять жилищ имели и значительные по площади вторые помещения. У жилищ №№ 5, 7, 8, 17 они по площади не уступают средним и небольшим кругло-овальным жилищам. Только у жилища № 11 овальный отсек относительно невелик.

Каково назначение этих вторых помещений в двухкамерных жилищах? Раскопки прямого и однозначного ответа не дают. В жилище № 17 во втором и достаточно большом помещении, как и в основном, находился очажок, что дает основание считать оба помещения жилыми. В круглой пристройке жилища № 5 была вырыта не совсем типичная для крепости хозяйственная яма — цилиндрическая (глубина 1,2 м, диаметр 0,7 м). Эти два примера показывают, что назначение выступов было различным, за исключением культового. Последнее С.А.Плетнева предполагала для жилищ № 2 и 8 лишь на том основании, что выступы были расположены в северной части жилища (Плетнева, 1967. С. 53), то есть против входа, который предполагается в таком случае на юге. Возникает вопрос, почему выступающими терами снабжены только два из нескольких десятков открытых на городище жилищ? Кроме того надо отметить, что выступающих теров не имели и более архаичные по планировке округло-овальные жилища. Не обнаружено ни в одном овальном помещении и предметов культового назначения или иных следов культовых действий. Выступающих теров вообще не имела ни одна из известных мне юртообраных построек Восточной Европы. Этнография свидетельствует, что наличие тера или божницы отнюдь не предполагало пристройку к юрте дополнительного помещения. Так, по данным по Алтаю В.В.Радлова, божница действительно находилась против входа, но не прямо, а на мужской половине юрты, при этом фигурки божков висели у стены (Радлов, 1989. С. 140, рис. 6; С. 141, 162, рис. 8). Тезис о том, что небольшой овальный выступ может быть "алтарем" выдвинул в отношении жилища из Блысково (Рис. 23, *1*) Дм.Ил.Димитров (Димитров Дм., 1973. С. 104), но также не имея археологических оснований.

В связи с возникающим вопросом о происхождении второго овального помещения у подпрямоугольных жилищ стоит вспомнить, что ряд округло-овальных жилищ имели внутри хозяйственные ямы либо около стен, либо выступающие за границы пола частично или даже полностью. Это жилища № 6, 21, 32, 39, 47. Позволю себе высказать предположение, что у жилищ второй группы с более выраженной стационарностью практика устройства хозяйственных ям получила дальнейшее развитие в виде создания для них дополнительного помещения. Кстати, небольшой овальный выступ у жилища № 11 совершенно аналогичен таким же выступам у округло-овальных жилищ. Подпрямоугольные жилища с овальными отсеками являются, во всяком случае среди известных ныне памятников с юртообразными постройками, особенностью исключительно Правобережного Цимлянского городища, в то время как наличие хозяйственных ям в округло-овальных жилищах зафиксировано и на других памятниках.

Особое место в переносном и прямом смысле занимает среди юртообразных построек городища жилище № 12 (Рис. 13). Оно выделяется прежде всего относительно большими размерами: 7,30x5,00 м. Эта условно называемая "ханская юрта" находилась в центре основного отсека Правобережной крепости в окружении шести других, преимущественно двухкамерных. Весь комплекс подробно описан С.А.Плетневой (Плетнева, 1964). Жилище № 12 С.А.Плетнева неоднократно воспроизводила в своих публикациях, но в достаточно стилизованном виде, без обозначения всех имеющихся на полу жилища лунок, что создавало несколько искаженное о нем представление. Жилище не обладает той стройной системой лунок от опорных жердей по периметру пола, которая столь явно выражена на опубликованном исследовательницей чертеже (Плетнева, 1964. С. 136, рис. 3). В связи с этим возникает вопрос о достаточно уродливой форме этого жилища, если судить по очертаниям его котлована. Столь нечетких очертаний не имело ни одно из известных юртообразных жилищ Восточной Европы, включая и само Правобережное Цимлянское городище. Вызывает некоторое сомнение предложенное С.А.Плетневой определение двух выступов на южной стороне жилища как двух входов. Я полагаю, что в силу особенности грунта и малой заглубленности самого котлована, всего на 20 см, проследить весь первоначальный контур котлована не удалось. С.А.Плетнева сама подметила, что у котлована "края часто расплывчатые, особенно у южных "лепестков" (Плетнева, 1958. С. 31). На рис. 13 предлагается реконструкция плана жилища, основанная на

том, что прослеженный в ходе раскопок котлован хорошо вписывается в почти правильную окружность диаметром около 7,30 м. Если мой вариант реконструкции верен, то снимается проблема двух входов. Вход в жилище № 12 действительно мог располагаться с южной стороны, но приходился он, вероятнее всего, на впадину между двумя южными "лепестками". Соглашаясь с С.А.Плетневой в том, что жилище принадлежало владетелю крепости (возможно, просто начальнику гарнизона, поставленному от лица кагана), должен отметить, что по своим размерам оно ненамного превосходило обычные жилища крепости, а по этнографическим параллелям может быть отнесено к средним. Не отличается оно и конструктивными особенностями, а его котлован относится к числу самых мелких. Таким образом, пример с жилищем № 12 подтверждает уже выдвигавшееся мною положение о том, что социальная дифференциация в Хазарском каганате была достаточно умеренной (Флёров, 1990. С. 86; Он же, 1993а), особенно в воинской среде, где общественное положение определялось не столько происхождением и богатством, сколько личным мужеством, талантом и удачливостью предводителя.

Единственная заметная особенность жилища № 12 — это оснащение его тремя очажками. Судя по размерам (диаметры до 60 см при глубине всего 3—5 см) они явно не предназначались для приготовления пищи, а служили лишь для обогрева. Пища приготовлялась, вероятно, в других постройках и приносилась в эту представительную постройку уже в готовом виде.

Подведем некоторые итоги. Итак, совершенно определенно на Правобережном Цимлянском городище удается вычленить две основные группы юртообразных жилищ: округло-овальные и подпрямоугольные, большинство из которых к тому же двухкамерные. За пределами классификации остается более четверти открытых жилищ. Это раскопанные неполностью. Несмотря на то, что типологически удается определить около тридцати жилищ, составляющих две группы, это совершенно недостаточно для окончательных выводов и обоснованной статистики. На нынешнем этапе исследования городища можно говорить лишь о некотором преобладании округло-овальных жилищ. Пытаться предлагать более дробное членение на основе имеющегося числа жилищ городища вряд ли целесообразно. При сугубо формальном подходе можно было бы предложить деление групп на подгруппы, типы, виды и т.д. (например, разделить округлые и овальные жилища, обособить двухкамерные и однокамерные в группе подпрямоугольных и пр.), однако это не приведет к появлению новой информации о жилищах городища и лишь искусственно усложнит типологию. Главное же возражение против этого движения по пути наукообразности состоит в том, что все без исключения юртообразные постройки Правобережного предельно единообразны по своей конструкции и внутренней планировке. Особенно это касается расположения в них лунок различного назначения. К проблеме конструкции и интерьера правобережных жилищ мы и переходим.

Прежде всего необходимо отметить, что при раскопках не зафиксировано никаких данных, по которым можно было бы судить об использовавшихся для строительства стен материалах. Ни разу не отмечена какая-либо обработка стен самих котлованов (побелка, обмазка глиной); для укрепления их стенок никогда не использовался камень, кирпичи или кирпич-сырец. Что касается наземной части стен, то отсутствие их следов заставляет предполагать использование очень недолговечных материалов. Не исключается использование войлока — традиционного для кочевников материала. Войлок мог использоваться прежде всего в наименее заглубленных, т.е. похожих на обычную юрту жилищах.

Можно предположить использование в качестве основы стен тонких стволов деревьев или плетней, которые затем обмазывались не глиной, а простым замесом серого грунта или же обкладывались дерном. Глина в котлованах жилищ не обнаружена. Что касается замеса серого грунта, проще говоря грязи, то она использовалась, в частности, в качестве связующего материала в кладке сырца, обнаруженной нами в 1990 г. К сожалению, выявить остатки такой облицовки в ходе раскопок невозможно и ее применение следует допустить лишь в качестве хотя и реального, но все же предположения. Использование дерна и двойного плетня, набиваемого землей и навозом зафиксировано Н.Н.Харузиным у киргизов Акмолинской области (Харузин, 1896. С. 55). Дерн использовали в круглых постройках типа шошалы казахи (Маргулан, 1964. С. 3).

Допустимо предположить использование в качестве основного или дополнительного покрытия стен камыша, который в изобилии мог добываться в пойме текшего у стен крепости Дона. Применение камыша в жилищах кочев-

ников также зафиксировано этнографией. В дельте Сыр-Дарьи в XIX в. его использовали казахи (Востров, Захарова, 1989. С. 39). Нижнюю часть жилища покрывали камышевыми циновками представители группы "тюрк" у узбеков (Кармышева, 1960. С. 20) и азербайджанцы — кочевники в Мильской и Мурганской степях (Кобычев, 1957. С. 73—74). Заслуживает внимания и засвидетельствованное этнографами утепление жилищ путем зарывания в землю или обкладки землей основания юрт на зимнее время. Так действовали казахи (Востров, Захарова, 1989. С. 35), азербайджанцы (Кобычев, 1957. С. 74) и другие народы. Археологически засвидетельствованы казахские юртообразные полуземлянки XV—XVII вв., заглубленные в землю на 50—60 см (Жолжасбаев, 1978). Именно такой глубины достигали в среднем котлованы правобережных юртообразных жилищ.

Итак, к сожалению, необходимо признать, что прямых данных для установления материала стен и крыш правобережных жилищ нет. Это касается подавляющего большинства юртообразных построек всей Восточной Европы. Взятые из этнографии примеры представляются мне достаточно надежными, но все же они требуют подкрепления археологическими материалами. Один из возможных путей в этом направлении — более тщательное исследование заполнения жилищ и непосредственно прилегающей к ним территории[5].

Самым распространенным элементом, отражающим конструкцию юртообразных жилищ Правобережного Цимлянского городища являются лунки или ямки в полу. Они представлены буквально во всех жилищах кроме № 48, которое, вероятно, было просто недостроено. В нем не было и очага.

Подавляющее большинство лунок довольно стандартны по размерам. Их средний диаметр 5—6 см при средней глубине 10—15 см. Есть лунки как глубиной в несколько сантиметров, так и достигающие 20—30 см. Последние встречаются редко. За единичными исключениями лунки имеют вертикальный ствол, что указывает и на вертикальное положение стоявших к них кольев, жердей и т.п. Лишь очень немногие имеют форму овала или асимметричное сечение. Такими они могли быть изначально или стать в результате расшатывания стоявших в них опор. Если по своим размерам, особенно диаметрам, лунки довольно стандартны, то их количество и расположение в полу никаких устойчивых схем не имели. Число их колеблется от нескольких до сотни и более. Для примера укажу количество лунок в жилищах, раскопанных в 1987——1988 гг.: жилище № 41—46, жилище № 42—111, жилище № 44—28, жилище № 46 — более 80, жилище № 47 — более 60.

Количество лунок совершенно не зависело от размера или типа жилища. Так к числу с минимальным количеством лунок принадлежат как самые малые жилища № 15, 18 (Рис. 8), так и одно из самых больших — № 17 (Рис. 12, 2). Несравнимо количество лунок в совершенно однотипных и близких по размерам жилищах № 7 и № 29. В первом из 278, во втором 85 (Рис. 11). Еще большая разница в числе лунок у близко расположенных округлых жилищ № 42 и 44, соответственно 111 и 28 (Рис. 4). Читатель может продолжить сравнение по прилагаемым чертежам[6].

В связи с лунками встает важнейший вопрос об их назначении. Прежде всего отмечу, что распределение их на полах жилищ крайне бессистемно. Нет и пары жилищ, в которых бы расположение лунок было бы более или менее идентичным. Это относится прежде всего к лункам, рассеянным по всей площади полов. Они могут при большой численности занимать всю площадь пола или большую ее часть, как это имеет место в жилищах № 5, 6—8, 11, 12 (Рис. 7; 10, *1*; 11; 12, *1*; 13). Они могут столь же бессистемно концентрироваться на одной половине пола как в жилищах № 44 и 21 (Рис. 4; 6, *3*). Часть лунок могла явно относиться к приочажным конструкциям. Яркий пример тому дает жилище № 29, очаг которого буквально окружен лунками (Рис. 11, *2*). У многих жилищ около очага тоже без наличия единой системы могло располагаться от одной до нескольких лунок. С другой стороны, около очагов некоторых жилищ лунок не оказалось вообще (Рис. 6, *2, 3*). Что интересно, так это наличие лунок под самими очагами (Рис. 3, *1, 4*; 4, *2*; 7; 11 и др.). Вероятно, это указывает на то, что какое-то время после постройки жилища, если это происходило в теплое время года, очага в не вообще не было, а приготовление пищи шло за пределами жилища под открытым небом. Очаг устраивали лишь с наступлением холодов.

Сложно, а в большинстве случаев практически невозможно определить назначение конструкций, оставивших лунки, рассеянные на полах, между очагами и стенами котлованов. Вероятнее всего они относились к сооружениям бытового назначения: подставкам для раскладки или развешивания имущества, оружия, кон-

ской упряжи, припасов. Часть могла принадлежать примитивной мебели, в частности по археологическим данным известно бытование в Хазарском каганате, а также на Северном Кавказе трехногих столиков. Следует иметь в виду, что ямки на полах жилищ могли быть и не одновременны. Особенно это относится к жилищам с самыми многочисленными лунками, которые буквально усеивали пол, совершенно не оставляя свободного места (Рис. 7; 11—13). В жилищах, безусловно, происходили перестановки, ремонт, меняла место "мебель". Перемещения помимо прочего могли вызываться и тем, что грунт на городище весьма рыхлый, насыщенный песком, а это заставляло постоянно подправлять положение объектов интерьера. Таким образом, можно предположить, что жилища с самыми многочисленными ямками были и наиболее долговременными, и наоборот. К числу долговременных по этому признаку должна быть отнесена и центральная постройка № 12. О том, что лунки в таких жилищах разновременны свидетельствует и различное их заполнение, что было замечено мною в ходе раскопок 1987—1988, 1990 гг. Некоторые лунки на полах образуют сплошные цепочки и явно принадлежали каким-то выгородкам. Так в жилище № 44 такая выгородка отделяла отсек с небольшой ямкой хозяйственного назначения около западной стены (Рис. 4, *2*). Цепочки лунок заметны на полу основного помещения жилища № 5. Перегородки отделяли овальные пристройки у ряда подпрямоугольных жилищ: № 2, 5, 8 (Рис. 9, 10). Сплошная линия из двадцати пяти лунок хорошо видна у северной стенки жилища № 12 (Рис. 13). Варианты реконструкций выгородок можно с разной степенью уверенности предлагать для интерьера многих жилищ[7].

В связи с проблемой конструкции стен особое внимание, конечно, должны привлечь лунки, расположенные непосредственно вдоль стен. И в этом мы тоже сталкиваемся с рядом не всегда преодолимых трудностей. Прежде всего укажу, что расположение одной или нескольких лунок в полу около стенки котлована еще не свидетельствует о том, что они непременно должны относиться к каркасу жилища. Приведу некоторые поясняющие это утверждение примеры. Явно нельзя считать основаниями жердей каркаса редкие лунки, разбросанные вдоль стен построек № 31 и 39 (Рис. 3, *1*—*2*). Нет никаких оснований считать каркасными несколько близкорасположенных лунок у северной стены жилища № 41 (Рис. 3, *4*). Интересно, что около других стен этого жилища лунок вообще нет. Совершенно невозможно разделить по назначению лунки, разбросанные по всему полу, и пристенные лунки в жилищах № 42 (Рис. 4, *1*) и № 12 (Рис. 13). Таких примеров множество. На их фоне все же можно выделить несколько жилищ, у которых лунки преднамеренно расположены около стен котлованов. Принадлежат эти жилища к разным видам, имеют различную глубину и диаметры. Укажу на наиболее выразительные образцы такого расположения лунок. Жилище № 20, у которого большинство лунок примыкает к стене котлована, преимущественно к восточной (Рис. 6, *2*). Серия лунок довольно равномерно вытянулась вдоль западной стенки котлована жилища № 5 (Рис. 10, *2*). Явно пристенной является линий лунок вдоль участков стен жилища № 11, особенно юго-западной (Рис. 12, *1*). Такие отдельные участки или отдельные стены котлованов с идущими вдоль них лунками можно найти и в других жилищах, но в целом они составляют незначительное меньшинство. Опять же необходимо отметить, что никакого постоянства или системы в расположении лунок у стен котлованов нет. Лунки могут могут примыкать к стене котлована или отстоять от нее на несколько сантиметров. В ряде случаев складывается впечатление, что лунки идут в два ряда. Например, у южной стенки жилища № 18 (Рис. 8, *2*), в жилищах № 11, 19.

Лунки рассеяны не только на полах основных помещений юртообразных жилищ, но и в овальных отсеках двухкамерных. Картина их распространения здесь та же, что и в однокамерных жилищах или в основных помещениях двухкамерных. Так, в овальном отсеке жилища № 2 на основном пространстве пола лунок вообще не было. Они здесь зафиксированы только около задней стенки и на границе обоих помещений (Рис. 9). Последние явно принадлежали перегородке. Наибольшее число лунок рассеяно по полу отсека в жилище № 17 (Рис. 12, *2*), зато в жилищах № 5, 7, 8 (Рис. 10; 11, *1*) их до нескольких десятков. В овальном отсеке жилища № 7 (Рис. 11, *1*) внимание привлекают многочисленные лунки, особенно густо расположенные около его южной стенки. Расположенные с интервалом всего в несколько сантиметров, они, вероятнее всего, принадлежали не каркасу стен, возвышавшемуся над котлованом, а в облицовке котлована. Итак, пристенные лунки жилищ Правобережного Цимлянского городища характеризуются главным образом

полным отсутствием какой-либо регулярности в своем расположении. Нет постоянства ни в их числе, ни в расстоянии между ними. Для сравнения укажу на лунки, расположенные с определенными интервалами в жилищах уже описанного городища Крымского и городищ Первомайского, Биляра, Каладжинского селища (о них см.далее) и ряда других памятников. Даже в тех жилищах, где пристенные лунки есть, они располагаются либо у отдельных стен или только на их небольших участках. Многие жилища вообще не имели пристенных лунок. И наконец, что особенно важно отметить, пристенные лунки ни по глубине, ни по диаметру не отличаются от прочих, разбросанных по площади пола.

Естественно, при такой ситуации с пристенными лунками выводы могут носить сугубо предположительный характер. Безусловно, какая-то часть лунок могла принадлежать жердям каркаса стен или просто подпоркам крыши. В тех случаях, когда пристенные лунки образуют довольно протяженные цепочки, как, например, вдоль отдельных стен в жилищах № 11 и 29 (Рис. 11, *2*; 12, *1*), они могли принадлежать как жердям каркаса стен, так и просто облицовке, плетневой или камышевой, самого котлована. Как уже говорилось, грунт на городище весьма рыхлый и укрепление стен было не только желательным, но зачастую и необходим.

Отсутствие пристенных лунок в большинстве жилищ подтверждает ранее сделанный вывод: население крепости, вчерашние кочевники, не имело опыта и устоявшихся приемов обустройства нового для них стационарного жилища.

Некоторый свет на проблему конструкции стен жилищ городища проливает открытие лунок вдоль краев котлована. Регулярная цепочка таких лунок выявлена только на северном краю жилища № 6 (Рис. 7). Расстояние между ними колеблется в основном в пределах 40—60 см, что напоминает систему лунок в жилище Крымского городища и подобных. Вот эти лунки, на мой взгляд, единственные, которые можно считать принадлежавшими жердям каркаса стен. Три лунки выявлены у южной стороны жилища № 20 (Рис. 6, *3*). К сожалению, лунки у краев котлована оказались в культурном слое и после гибели городища затягивались тем же культурным слоем. Выявить их трудно, а в большинстве случаев и невозможно[8]. И все же, несмотря на то, что ругулярная цепочка лунок выявлена только около одного жилища, я полагаю, что это указывает на то, что стены правобережных жилищ стояли не на полу, а на верхнем крае котлована. Расположение стены за пределами котлована диктовалось прежде всего защитой от проникновения в него воды, что в условиях местного климата представляло серьезную проблему. Даже если жерди каркаса могли опираться не пол котлована, то сам массив стены должен был лежать на его краях. На практике защита от проникновения в жилище воды могла решаться по разному, в том числе путем подсыпки грунта вокруг стен. Для конкретизации данных пока нет.

Итак, надо признать, что, несмотря на то, что по количеству исследованных юртообразных жилищ Правобережное городище не сравнимо ни с одним памятником Восточной Европы, реконструкция их стен невозможна из-за слишком скудных данных. Уверенно можно говорить только о применении в них жердей диаметром около 5—6 см. Что касается выдвинутого С.А.Плетневой положения о том, что стены правобережных жилищ были решетчатыми (Плетнева, 1967. С. 52), то оснований для него, на мой взгляд, нет. Свой вывод С.А.Плетнева обосновывает тем, что в полу по периметру жилищ прослеживаются ямки от кольев каркаса. Но, как уже неоднократно здесь отмечалось, в подавляющем большинстве жилищ ямок у стен котлованов вообще нет, либо они единичны, либо просто нерегулярны. Решетчатая конструкция, кроме того, вообще не предполагает устройства жердевого каркаса. Использованию решеток противоречит и совершенно неправильная форма многих котлованов; не предполагает решеток очертание подпрямоугольных жилищ и тем более двухкамерных. Наконец, сама стационарность правобережных жилищ исключала и делала нецелесообразным использование сложной в изготовлении решетчатой конструкции. Разумеется, дискуссия по этому вопросу может быть продолжена, причем не только в отношении жилищ Правобережного Цимлянского городища. Но при этом следует иметь в виду: археологически зафиксированных данных о решетчатых стенах жилищ на данном памятнике пока нет.

Еще меньшими данными, чем для стен, мы располагаем для реконструкции кровли. Большинство жилищ Правобережной Цимлянской крепости погибло в пожаре и, судя по отсутствию заметных следов остатков перекрытий на полах, кровля была достаточно легкой, вероятнее всего, камышевой на жердевой основе. Не исключено, что внутри жилищ устраивались для

поддержания кровли дополнительные опоры-столбы. Можно предположить, что некоторые круглые ямки на полах жилищ оставлены именно такими столбами. Они хорошо выделяются среди жердевых лунок и ямок хозяйственного назначения. Речь идет о круглых, реже овальных ямках с вертикальными стенками. Глубина их 7—30 см, диаметр 12—25 см. В жилище № 31 одна такая ямка расположена у юго-западного края очага (Рис. 3, *1*). Три круглые ямки глубиной 18—20 см сделаны по одной линии и на равном расстоянии между собой вдоль восточной стенки жилища № 41 (Рис. 3, *4*). Южная из них могла иметь отношения ко входу, который отмечен выступом — ступенькой в восточной стенке. Не совсем понятно назначение еще двух ямок этого жилища, располагавшихся на месте очага. Одна из них, западная, достигала 30 см в глубину, вторая — всего 12 см. Остается предположить, что в них стояли лишь временные вспомогательные опоры в момент сооружения кровли, затем убранные. Две овальные в сечении ямки находятся также у восточной стены жилища № 40 (Рис. 3, *3*). Возможно, они имели отношение к конструкции входа. Круглая ямка глубиной 22 см находится непосредственно у восточного края очага жилища № 44 (Рис. 4, *2*). Прямо в центре постройки № 43 расположена овальная ямка глубиной 35 см (Рис. 5, *2*). Между очагом и юго-восточным углом жилища № 32 круглая ямка глубиной 7 см при диаметре 25 см (Рис. 6, *3*). Две круглые ямки есть в жилище № 6 у южного края очага и к западу от него (Рис. 7). Аналогичные ямки можно выделить и в некоторых других жилищах.

Надо признать, что интерпретация конкретно каждой из называемых мною столбовыми ямок в качестве столбовых действительно, остается под вопросом. Основным возражением может быть указание на отсутствие постоянства в их расположении, но, с другой стороны, это вполне согласуется с неразвитостью домостроительного дела в крепости в целом. Она проявилась, в частности, в такой же нестандартности распределения пристенных лунок. Что касается формы перекрытия, то она, скорее всего, была конической, позаимствованной у юрты. Такой форме крыши полностью соответствует и центральное расположение очагов.

Не менее сложной задачей является определение в каждом жилище места расположения входа. Сразу надо отказаться от мысли, что входы в юртообразные жилища крепости должны находиться непременно с юга или востока, как того требует кочевническая традиция. В условиях замкнутого, окруженного крепостной стеной и до предела застроенного пространства ориентация входа определялась иными факторами: взаиморасположением жилищ, расположением жилища по отношению к основным маршрутам передвижения, а особенно к крепостным стенам, а также родственными отношениями обитателей соседящих жилищ. Если самые первые жилища и могли возводиться с традиционным для тюрок направлением входа к востоку, то для возникавших позднее такой возможности уже не было.

Архитектурно вход не выделен ни в одном правобережном жилище. С некоторой долей вероятности сторона жилища со входом может определяться следующим образом: она не должна быть занята хозяйственной ямой, мелкими ямками хозяйственного назначения (о них см.далее), жердевыми ямками. Понятно,что, чем менее площадь жилища, особенно пристенные пространства, занята указанными объектами, тем меньше шансов определить вход. Фактически предлагаемый способ позволяет не столько указать на место входа, сколько на те стороны жилища, где его расположение сомнительно. Рассмотрим некоторые наиболее выразительные примеры.

В жилище № 42 (Рис. 4, *1*) свободным от жердевых лунок было пространство только у юго-восточной стены. В жилище № 43 (Рис. 4, *2*) все ямки и очаг сосредоточены в южной половине жилища; восточным краем жилище примыкает к крепостной стене; свободными для входа остаются северный и северо-западный сектор. В жилище № 47 (Рис. 5, *1*) свободными от лунок, хозяйственной ямки и очага оказались восточный и южный сектора. С востока, однако, у котлована имеется овальный выступ — кладовка вполовину менее глубокий, чем котлован. В жилище № 6 (Рис. 7) расположение входа, вероятнее всего, приходится на самый восточный выступ.

Еще труднее определить расположение входа в прямоугольных жилищах. В первую очередь это касается жилища № 7 (Рис. 11, *1*), где пол довольно равномерно усеян многочисленными жердевыми лунками. В подпрямоугольном жилище № 29 (Рис. 11, *2*) лунки сосредоточены только в северо-восточном секторе, на южном выступе находится хозяйственная яма. С уверенностью указать место входа для этого жилища трудно. Еще более сложно определить вход в жилище № 17 (Рис. 12, *2*), где лунок на

полу вообще очень мало. Что касается "ханского жилища" № 12 (Рис. 13), то, судя по расположению в нем очагов, хозяйственных ямок и хозяйственного северного отсека, место входа наиболее вероятно на юге.

В большинстве же исследованных жилищ определить местоположение входа невозможно, не говоря об исследованных неполностью. Итак, при всем том, что входы в жилища археологически не выделяются, можно отметить, что все-таки существует некоторая тенденция к размещению их на южной или восточной половине жилища. В какой-то мере это подтверждает правильность выше приведенных определений.

К сооружениям хозяйственного назначения в юртообразных правобережных жилищах относятся собственно хозяйственные круглые ямы, небольшие чашевидные ямки в различных местах пола, выступы-кладовочки в стенах котлованов.

Образцами круглых хозяйственных ям могут служить расположенные в жилищах № 39 и 41. Яма в жилище № 39 почти полностью выходит за контур жилища (Рис. 3, *2*) на его северной стороне. Ее параметры: глубина 0,8 м, диаметр устья 1,4 м, диаметр дна — 1,6 м. Яма в постройке № 43 лишь частично выходит за стену котлована своеобразным подбоем. В данном случае она расположена на восточной стороне котлована (Рис. 5, 2). Ее глубина всего 0,4 м, но в полу сделано круглое углубление на 15 см. Диаметр устья — 0,8 м, диаметр дна — 1,1 м. Глубокие хозяйственные ямы могли находиться и непосредственно в полу жилища около стен, не выступая за них, как в жилище № 32 (Рис. 6, *4*) и в недоследованных жилищах № 33, 36 и 37. Такая же яма находилась у восточной стенки "двойного жилища", № 6 (Рис. 7). Ее параметры: глубина — 0,9 м, диаметр устья — 0,95 м, диаметр дна — 1,2 м.

Все описанные хозяйственные ямы относятся к широко распространенному на памятниках салтово-маяцкой культуры типу конусовидных. Они во множестве встречены между жилищами самого Правобережного Цимлянского городища.

По такому же принципу, т.е. за контурами котлованов устроены круглые или овальные кладовки в стенах жилищ № 3, 8, 11, 18, 47 и др. (Рис. 5, *1*; 6, *3*; 8, *2*; 10, *1*; 12, *1*). Диаметры их могут достигать метра и более. Главное их отличие от первых состоит в том, что они, как правило, не достигают дна котлована или равны с ним по глубине. Эти ниши являются, фактически одной из модификаций хозяйственных ям.

Часто такие мелкие ниши-кладовочки приобретают совершенно неопределенные очертания. Это ниша в северной стенке жилища № 41, где обнаружен целый горшок (Рис. 3, *4*), ниша также в северной стенке жилища № 3 (Рис. 6, *1*).

Устройство хозяйственных ям в жилищах Правобережного Цимлянского городища лишний раз указывает на их стационарное назначение. Особенно это касается такого приема как вынос хозяйственной ямы за пределы основного контура жилища. Переносная решетчатая юрта кочевников, чьи модификации многократно описаны этнографами, таких хранилищ не имела. Да и наличие самой решетки никак не предполагало вынос за ее пределы каких-либо дополнительных пристроек жилого или хозяйственного назначения. Сооружение хозяйственных ям внутри юртообразных жилищ было явно позаимствовано обитателями Правобережной крепости у групп населения Хазарского каганата, имевших к началу IX в. достаточно устойчивые традиции оседлой жизни (Винников, 1984). Попутно должен подчеркнуть, что ямы, выходящие за пределы котлованов, не могли служить водосборниками: грунт городища совершенно не удерживает воду, а облицовки эти ямы не имели.

Помимо больших хозяйственных ям в постройках Правобережного Цимлянского городища встречаются ямки гораздо меньших размеров, но также хозяйственного назначения. Они чрезвычайно разнообразны по своим очертаниям и общей форме. Они могут быть овальными, вытянутыми, подтреугольными и так далее. В разрезе они чашевидные, мешковидные. Сами разрезы, как правило, не симметричны, дно провисающее или с наклоном в одну из сторон. Столь же непостоянны и их размеры и местоположение. Их можно встретить в любой части жилища. В качестве примера предлагается описание лишь некоторых из них, наиболее характерных как по форме и размерам, так и местоположению.

Сразу три таких ямки открыто в жилище № 42 (Рис. 4, *1*). Первая расположена около северо-восточной стенки, самая большая — 45 x 70 см при глубине около 20 см. Аналогичная, но меньшая — лежит к юго-западу от очага, ее размеры 25 x 40 см, глубина 12 см. Обе ямки в разрезах чашевидные. Третья, овальная, находится около южной стенки. Ее размеры 20 x 30 см, глубина же достигает 40 см. Она от-

носится к типу мешковидных с небольшим подбоем с одной стороны. Ямка в виде овала с одной вогнутой стенкой примыкает к юго-западной стене котлована в жилище № 44 (Рис. 4, *2*). Ее размеры 40 х 50 см, глубина же всего 12 см. В разрезе также чашевидная. Две чашевидные ямки глубиной по 10 см расположены в северной половине жилища № 47 (Рис. 5, 1). Размеры восточной 35 х 40 см, западная значительно больше — 65 х 85 см. Одна ямка расположена в северной части жилища № 43 (Рис. 5, *2*); ее размеры 50 х 75 см, глубина 25 см. В этом же жилище вдоль западной стенки прослежена целая серия ямок, которые в конечном итоге слились в один "ровик". Надо полагать, именно здесь находился хозяйственный отсек этого жилища (подробнее см: Флёров, 1990а).

Назначение описанных и подобных им ямок могло быть самым разнообразным. Среди прочего они могли использоваться для установки в них сосудов с запасом продуктов или приготовленной пищей и напитками. В частности, в них могли устанавливаться котлы с внутренними ручками или круглодонные амфоры.

Завершая этот маленький раздел, напомню, что некоторые ямки в жилищах С.А.Плетнева отнесла к обогревательным, поскольку в их заполнении оказались зола и уголь. В частности, это цилиндрическая ямка (диаметр 40 см, глубина 60 см) восточнее очага жилища № 31 (Рис. 3, *1*). В качестве другой указана конусовидная, аналогичная хозяйственным, яма в жилище № 32 (Рис. 6, *4*). Мне представляется, что угли и зола могли попасть в эти ямы при пожаре, либо они просто служили для складирования золы из очага. Кроме того, вряд ли было целесообразно размещать обогревательное приспособление в жилище № 32 непосредственно у стены — в этом случае половина тепла вообще уходила бы за пределы жилища[9].

Подведем основные итоги по юртообразным жилищам Правобережного Цимлянского городища:

1. По планировке они подразделяются на две довольно устойчивые группы: округло-овальные и подпрямоугольные. Разновидностью последних являются немногочисленные двухкамерные.

2. В отношении конструкций все жилища очень единообразны. Основанием всегда служит котлован. Материалом для стен служили, вероятнее всего, плетни или камыш с обмазкой "грязью" или навозом. Камыш, надо полагать, использовался и для крыш. Совершенно не исключается использование также войлочных покрытий. Нет оснований предполагать использование в котлованных жилищах Правобережного городища складных решеток.

3. Будучи стационарными, жилища крепости сохранили основные принципы построения кочевнической юрты — округлость, расположение очага в центре, стремление ориентировать вход на восток или юг. 4. Особо надо отметить, что во всех жилищах просматривается отсутствие достаточного опыта домостроительства. Это сказалось в неустойчивости глубин и контуров котлованов, бессистемном расположении пристенных жердей каркаса и вообще полном отсутствием каких-то устоявшихся норм строительного дела. В Восточной Европе VIII—X вв. можно встретить значительно более совершенные постройки юртообразного типа. Надо полагать, обитатели Правобережной крепости очень недавно стали переходить к оседлости. Не исключено, что исследованные постройки были их первым опытом подобных сооружений, в которых стремление к сохранению традиционного жилища превалирует.

На основе имеющегося материала трудно сделать достаточно убедительную архитектурную реконструкцию правобережных жилищ. В данном случае предпочтительнее указать на этнографические примеры, в которых для сооружения юртообразных стационарных жилищ применяются упоминаемые материалы. Так крымские ногайцы, по записям поляка М.Броневского, строили во второй половине XVIII в. зимние жилища из тонких деревьев, обмазанных тиной, грязью и навозом, а покрывали камышом (Броневский, 1867. С. 337). Аналогичные постройки ногайцы использовали и позднее в Прикубанье и Дагестане. Внешний облик правобережных жилищ до некоторой степени может быть представлен на примере казахских построек "шошала" с плетневыми стенами и конической крышей (Востров, Захарова, 1989. Фото на с. 40, 44) и азербайджанских уже упоминавшихся "дая" и "каракеча". Разумеется, приведенные аналогии не следует воспринимать как безусловные. Кроме того, средневековые юртообразные жилища отличались от более поздних обязательным сооружением котлована.

Правобережное Цимлянское городище датируется достаточно узко, в пределах первой половины IX в. (Флёров, 1996. С. 111), т.е. временем расцвета салтово-маяцкой культуры и активного процесса оседания населения Хазарского каганата.

САРКЕЛ

По данным В.Д.Белецкого в этой, самой известной крепости Хазарского каганата зафиксировано около 1017 жилых построек различных типов (Белецкий, 1959. С. 40). Из них только около 7% дошли до нас в относительно хорошей сохранности. Возможно, именно по причине большой перекопанности Саркела и нарушенности ранних слоев более поздними ямами к постройкам "со стенами на жердевом каркасе" исследователь смог отнести только семь, из которых лишь три на основе опубликованных рисунков и предельно краткого описания я могу отнести к юртообразным[10]. Это жилища № 58, 59, 64, расположенные компактной группой около западной угловой башни крепости. Источником для их описания служит информация В.Д.Белецкого и три малоформатных рисунка к ней (Белецкий, 1959. С. 42—44).

Из трех жилищ наиболее выразительным и лучшим по сохранности является овальное в плане жилище № 58 (Рис. 14, *1*). Его размеры 3,20 х 2,50 м, глубина котлована 0,60—0,80 м. Вдоль стен, но с удалением от них примерно на 15 см довольно равномерно шли лунки жердей диаметром 4—6 см, причем некоторые имели наклон к центру котлована. Расстояния между лунками составляли около 30 см. Всего их восемнадцать. У восточной стенки цепочка лунок прерывается двумя овальными ямками хозяйственного назначения. Между ними располагалась меньшая, диаметром 13 см, которую В.Д.Белецкий связывает с конструкцией входа, что вызывает сомнение. Еще одна, возможно, столбовая ямка находилась несколько западнее центра жилища, примерно в 30 см от очага. К сожалению, глубины этих ямок не указаны, что затрудняет их интерпретацию.

Несколько южнее центра жилища — очаг необычной для юртообразных жилищ удлиненной формы (очаг публикатором не описан; судя по рисунку в нем находились четыре овальных камня). Длина очажной ямы 50 см, ширина — 30 см.

В целом конструкция стен и крыши этого жилища определяется В.Д.Белецким как жердевая, а само жилище, по его заключению, имело "вид юрты, восходящей в своей конструкции к более древним типам построек, связанным с иным (может быть кочевым) образом жизни их обитателей". И далее в качестве аналогий указываются жилища Правобережного Цимлянского городища (Белецкий, 1959. С. 42). Для своего времени аналогия приведена совершенно верная, тем более, что размеры жилища № 58 аналогичны средним размерам жилищ Правобережной крепости. Теперь же, спустя более тридцати лет после публикации В.Д.Белецкого, можно говорить о принципиальном различии в системе пристенных каркасных лунок обоих памятников. По этому признаку саркельское жилище № 58 сходно с постройками городищ Крымского в устье Северского Донца и Первомайского в Прикубанье.

Действительно аналогичным по всем признакам жилищам Правобережного городища можно признать саркельское жилище № 59 (Белецкий, 1959. С. 44, рис. 2). В плане его котлован глубиной 45 см имеет очертания овала с неровной линией стенок. Размеры котлована приблизительно 3,20 х 2,80 м. Круглый очаг несколько смещен от центра к востоку. Около него -несколько лунок. Еще несколько лунок зафиксировано у восточной и южной стенок. Северная стенка уничтожена перекопом.

Значительно повреждено перекопами и жилище № 64 (Белецкий, 1959. С. 44, рис. 2). От жилищ № 58, 59 и всех жилищ Правобережного городища его отличает заметная прямолинейность стен. Даже его углы не скруглены, скорее срезаны. Такая форма возникла, вероятнее всего, под влиянием многочисленных в Саркеле прямоугольных построек полуземляночных типов. Об этом же говорит и значительная глубина его котлована — 1,02 м. Но с юртообразными постройками Правобережного его сближают размеры котлована, центральное расположение очага, две овальные ямки хозяйственного назначения и несколько бессистемно разбросанных лунок.

* * *

Благодаря многолетним работам украинского археолога К.И.Красильникова, районом значительного распространения юртообразных построек можно считать среднее течение р.Северского Донца с его притоками в пределах современной Луганской обл. Украины. По мнению К.И.Красильникова, "домостроительство Среднедонечья ведет свое начало от наземных юрт", а сами юртообразные жилища составляют по его подсчетам около 7% от построек, исследованных им на ряде памятников: Новолимаревка, Подгаевка, Рогалик (Красильников, 1980. С. 9).

К.И.Красильников предпринял попытку систематизировать открытые им памятники по схеме "стойбища — кочевья — поселения" и да-

же датировать их. Распространение же юртообразных жилищ он связывает с появлением ранних кочевников (Красильников, 1981. С. 115). Что касается стойбищ, то "характеризуются они наземными постройками, имеющими вид традиционной кочевнической юрты" (Там же. С. 122). Что под этим подразумевается, собственно юрта или юртообразная постройка, до полной публикации материалов судить трудно. Что касается постулируемой К.И.Красильниковым связи между типом поселения и распространением юртообразных построек, то таковой, судя по известным местонахождениям Восточной Европы нет. Во всяком случае прямолинейной. Хотя юртообразные жилища стадиально и являются более ранними, чем прямоугольные полуземлянки, оба типа жилищ могут сосуществовать на всем протяжении эволюции праболгарского жилища. Построения К.И.Красильникова позднее были повторены в небольшой публикации Л.В.Дземан (Дземан, 1992).

НОВОЛИМАРЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Из юртообразных жилищ, исследованных К.И.Красильниковым доступным оказалось только одно, с поселения Новолимаревка на р.Деркул — левом притоке Северского Донца. К сожалению, опубликовано оно без описания (Красильников, 1981. С. 118, рис. 6, *1*).

Это довольно большое жилище, приблизительно 6 х 5 м, которое может быть определено как округлое с заметной тенденцией к угловатости (Рис. 14, *2*). Глубина котлована достигает 1 м, что относит его к числу наиболее глубоких для юртообразных жилищ салтово-маяцкой культуры. По периметру пола — около двадцати лунок опор каркаса. Распределены они довольно равномерно, преимущественно, только вдоль западной и северной стенок с интервалами примерно в 30—70 см, но не столь равномерно, как в жилище Крымского городища. Юго-восточный отрезок стены котлована занят округлым выступом хозяйственного назначения, уже известным нам по описанию жилищ Правобережного Цимлянского городища. Перед выступом -пять лунок от закрывавшей его оградки. Наиболее свободна от лунок восточная стена, что позволяет предполагать расположение входа именно с этой стороны. Среди пристенных лунок выделяются три, явно столбовые, расположенные в западном, южном и юго-восточном углах. Несколько восточнее центра — круглая ямка очага с грудой камней у северного края. Северо-западнее очага в полу сделаны два углубления хозяйственного назначения, также известные в ряде жилищ Правобережного Цимлянского городища.

Итак, в новолимаревском жилище проявляться заметная тенденция применения в юртообразной постройке элементов полуземлянки: угловатость и заглубленность котлована, столбы в трех углах, использование в очаге камней.

МАЯКИ, СЕЛИЩЕ

Археологический комплекс Маяки в составе городища, двух селищ и четырех могильников расположен на правом берегу р.Северский Донец, южнее от впадения в него р.Оскол. Исследовался в период с 1963 по 1978 гг. археологами Харьковского университета.

По данным В.К.Михеева на селище № 2 среди прочих жилищ исследовано четыре "юрты". От трех сохранились "очаги тарелкообразной формы от 50 х 60 до 80 х 90 см". Описание четвертой (Рис. 14, *3*) за его краткостью при не совсем понятном чертеже приведу полностью: "Лучше сохранились остатки четвертой юрты (жилища 5), которая представляла собой однокамерное круглое помещение диаметром 3 м с тарелкообразным очагом (50 х 80 см) в центре, углубленным на 10 х 15 см. Основание юрты можно определить по остаткам сгоревшего каркаса, слегка углубленным в культурный слой" (Михеев, 1985. С. 13, 113, рис. 4, *1*). Судя по опубликованному и воспроизводимому здесь рисунку, очертания жилища прослеживались не очень четко. К сожалению, ничего не сказано о лунках в полу, в частности, около стен.

НЕТАЙЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение у с.Нетайловка на левом берегу Северского Донца восточнее г.Харькова исследовал одновременно с известным Нетайловским ямным могильником в 1959—1961 гг. Д.Т.Березовец. К сожалению, материалы раскопок поселения остаются неопубликованными. В настоящее время я располагаю лишь единственным упоминанием об открытие на селище "сооружений юртообразного типа с центральным столбом и пятнами очагов около него" (Гопак, Сухобоков, 1975. С. 165). В принципе, юртообразные постройки не предполагают в своей конструкции центральный опорный столб, тем более, что он несовместим с центральным расположением очага. До публикации отнесение этих жилищ Нетайловского поселения к юртообразным следует оставить под вопросом.

ДМИТРИЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

на левом притоке верхнего течения Северского Донца — р.Короче (Шебекинский р-н Белгородской обл.). Исследовано С.А.Плетневой в период 1957—1973 гг. в комплексе с одноименным городищем и катакомбным могильником (Плетнева, 1989). Всего на поселении открыто 18 жилищ, преимущественно прямоугольных полуземлянок. Три жилища по своим чрезвычайно правильным овальным очертаниям должны быть отнесены к классическим образцам юртообразных — это жилище № 11, 12 и 13. Они были использованы С.А.Плетневой при разработке классификации жилищ салтово-маяцкой культуры, при этом небольшой чертеж одного (№ 11) был опубликован (Плетнева, 1967. С. 55, рис. 11, 10). Позднее С.А.Плетнева осуществила полную публикацию результатов раскопок поселения, в том числе подробно описав и дав крупномасштабные чертежи трех указанных юртообразных построек (Плетнева, 1989. С. 35—40).

Все три жилища достаточно единообразны, относятся к типу округло-овальных и различаются только в размерах и деталях (Рис. 14, *5—7*). Самое крупное среди них жилище № 11 (4,15 х 3,60 м, глубина котлована 75 см). Очертания достаточно правильные, стенки вертикальные, лишь в западной стороне с небольшим подбоем у дна. В центре — большой, диаметром 1,20 м, углубленный очаг в окружении нескольких лунок. У стен, за исключением одной, жердевых лунок нет. Можно согласиться с предположением С.А.Плетневой о том, что колья каркасов стен были вбиты в дерн по внешнему краю котлована (Плетнева, 1989. С. 37).

Несколько меньше по размерам котлована (3,70 х 3,10 м), но более заглублено, до 90 см, жилище № 12. В центре расположен круглый очаг-блюдце с небольшой выемкой с южной стороны и жердевой ямкой с северной. Серия ямок, образующих две-три цепочки зафиксирована на полу также северного очага. Несколько ямок было западнее него. Большой интерес представляет пристенное пространство. Если вдоль северо-восточной стены зафиксированы жердевые лунки, то вдоль западной и, вероятно, южной (здесь котлован не сохранился) проходит ложбинка, заменяющая разрозненные лунки и служившая, как и они, для установки каркаса. Возникает, однако, вопрос: не свидетельствует ли такое конструктивное решение о том, что и сама канавка и жердевые лунки предназначены не для установки жердей каркаса стен, а лишь для облицовки стен самого котлована? При этом каркас стен должен был стоять вдоль внешнего периметра котлована, как в жилищах № 11 и 13. Третье овальное жилище, № 13, Дмитриевского поселения оказалось наименьшим (2,90х2,60 м) и самым мелким: глубина его котлована всего 10 см. Эта предельно небольшая глубина котлована и полное отсутствие пристенных лунок, как впрочем, и других, еще более убеждает в правильности предположения о выносе стен за внешний край котлована. В южной стенке жилища № 13 устроен полуовальный выступ хозяйственного назначения, аналогичный выступам или хозяйственным ямам жилищ Правобережного Цимлянского городища и других памятников.

ЮТАНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

на р.Оскол —— левый приток р.Северский Донец (Волоконовский р-н Белгородской обл.). Исследовал Г.Е.Афанасьев в 1981—1984 гг. Из раскопанных здесь жилищ разных типов привлекает внимание овальная постройка № 14 (Афанасьев, 1987. С. 44, рис. 28,1). Ее диаметр 3 м, глубина котлована более 20 см. Вдоль западной стены проходит канавка, аналогичная такой же в жилище № 12 Дмитриевского поселения. В той же западной стороне постройки находится выступающая за пределы котлована хозяйственная яма. Очага в постройке № 14 не оказалось. При всей схожести данной постройки с юртообразными в перечень и карту юртообразных построек Восточной Европы я включаю ее условно. Более точно типологическую принадлежность постройки № 14 можно будет определить при возможном открытии на Ютановском городище аналогичных, но с отопительным сооружением. В настоящее же время можно констатировать, что такой строительный прием, как установка облицовки котлована, а может быть и каркаса стен в канавке, не был особенностью только дмитриевского жилища № 12, но имел определенное распространение, по крайней мере на памятниках лесостепи. Обращает внимание полное отсутствие в ютановской постройке каких-либо лунок как у стен, так и на площади пола.

МАЯЦКОЕ СЕЛИЩЕ

на правом берегу р.Тихая Сосна при ее впадении в Дон (Лискинский р-н Воронежской обл.). Селище раскинулось вокруг известного Маяцкого городища. Исследовалось в период 1975—1982 гг. преимущественно А.З.Винниковым.

Среди нескольких десятков прямоугольных полуземлянок он открыл две выразительные юртообразные постройки (Винников, 1980. С. 65—70), которые и публикуются здесь с его любезного разрешения. Это постройки №№ 38 и 41 (Рис. 15), находившиеся в нескольких метрах друг от друга. Предваряя их описание отмечу, что "материком" на селище является сплошной массив белого известняка. В связи с этим важно указать, что юртообразные постройки были заглублены лишь в древний почвенный слой, при этом их полы оказались на поверхности известняковой скалы, но не врезались в нее, в то время как подавляющее большинство полуземлянок углублены в скальный массив. Это обстоятельство дополнительно указывает на различные строительные традиции бытовавшие на селище.

Постройка № 38 (Рис. 15, *1*). Почти круглая, диаметр около 2,5 м. Вдоль контура пола прослежено восемь лунок, из которых шесть круглых с северной стороны. На южной половине только две, но необычной удлиненной формы с сечением 12х22 см при глубине 8—9 см. Кроме указанных вблизи северной стены находилось еще две овальных и одна у восточной. Сечение овальных лунок постройки 10-14 см, глубина 3—8 см. Надо учитывать, что в условиях крошащейся скальной поверхности диаметр лунок мог существенно превышать диаметры стоявших в них опор. Интервалы между северными пристенными лунками 30—60 см.

Судя по сосредоточенности лунок вдоль северной стены, вход вероятнее всего находился в южной половине жилища, но конструктивно он не выделен. Не исключено, что с ним связана выемка в форме боба около юго-восточной стены.

Вся центральная часть пола занята каменной хорошо уложенной вымосткой 1,85 х 2,00 м. Почти в центре вымостки свободное пространство размером 34 х 50 см предназначенное для очага.

Постройка № 41 (Рис.15, *2*) также имеет округлые, но менее правильные очертания, 3,7 х 3,9 м. Контуры стен прослеживались исключительно по лункам каркаса. Таких лунок оказалось одиннадцать, преимущественно круглых диаметром 10—15 см. Лишь самая западная достигала в диаметре 20 см. Глубина лунок колеблется в пределах 1—9 см. Вновь обращает внимание большая лунка, расположенная на этот раз у северной стены. В юго-восточном секторе пола ложбинка длиной 1,30 м. Назначение ее неясно.

Пристенные лунки в данном жилище, не считая близколежащих, имеют между собой интервалы от 0,80 до 1,80 м.

Почти в центре жилища очаг диаметром 70 см и глубиной 3 см. С его восточной стороны еще одна круглая лунка явно от приочажного устройства. С западной — небольшая каменная вымостка, вероятно хозяйственного назначения.

Непосредственно над очагом на высоте 20 см лежали череп и несколько костей быка. Вне всякого сомнения это следы обряда, связанные с оставлением жилища его обитателями, возможно после смерти хозяина. Это иная тема, но напомню, что особенностью Маяцкого селища являются многочисленные жилища и хозяйственные ямы с погребениями, погребения в катакомбах и ямах, жертвенники (Винников, Афанасьев, 1991). С погребальной обрядностью надо связывать и тризну над очагом постройки № 41.

При различии размеров обе постройки совершенно однотипны. Их котлованы не заглублены в материк. Сами котлованы не были прослежены по условиям грунта, но их глубина не превышала 25—50 см. Не следует думать, что строителей этих жилищ остановила именно скальная порода. Напомню, что котлованы соседних полуземлянок, а также хозяйственных ям и катакомб врублены в известняк, плотность которого в данном регионе близка плотности писчего мела.

Определяющими признаками построек №№ 38 и 41 следует считать тенденции к правильной окружности планов и равномерному распределению вдоль стен лунок каркаса. А.З.Винников высказал предположение, что ему не удалось проследить все пристенные лунки. Причиной этого, на мой взгляд, могла быть крошащаяся поверхность скалы. В таком случае становится понятным почему, особенно в жилище № 41, интервалы между отдельными лунками достигают почти двух метров. Надо полагать распределение несущих опор стен было более равномерным, чем это представилось в результате раскопок. По этому признаку данные жилища близки жилищам городищ Крымского и Первомайского. Впрочем, до новых раскопок можно сравнивать лишь отдельные интервалы, но не всю систему лунок юртообразных жилищ Маяцкого селища и других памятников.

Кроме двух юртообразных жилищ А.З.Винников выделил на Маяцком селище несколько жилищ, которые он определяет как "близкие к

юртообразным". Среди них лучше сохранились постройка № 10 (Винников, 1984. С. 96—97)[11]. По плану она напоминает полуземлянки, но имеет сильно скругленные углы и незначительную заглубленность, но, главное, в ней нет столбовой конструкции (Рис. 14, 4). Ее размеры 2,6х2,4 м. В ней не оказалось (или не удалось проследить?) пристенных лунок. Постройку № 10 надо рассматривать как одну из форм, в которой предпринята попытка совмещения элементов юртообразного жилища (очаг в центре, стремление к округлости) и полуземлянки (приближение плана к прямоугольнику). Широкое распространение это явление получило в Северо-Восточной Болгарии (см. далее).

Итак, бассейн нижнего и среднего течения р.Дона и бассейн его крупнейшего притока р.Северский Донец от истоков до соединения с Доном дали серию памятников разных типов от кочевий до крепостей, на которых в разном соотношении с другими типами жилищ представлены и юртообразные постройки. Хочу обратить внимание на тот факт, что карта донских юртообразных жилищ полностью отражает степень исследованности разных регионов салтово-маяцкой культуры. Логично сделать вывод, что по мере новых раскопок поселений и обследования менее изученных районов культуры карта доно-донецких юртообразных построек будет постоянно пополняться новыми местонахождениями. Базируясь на этом прогнозе, можно с полной уверенностью считать территорию салтово-маяцкой культуры зоной сплошного распространения юртообразных построек.

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

Бассейн среднего течения Волги, включая Волжскую Болгарию и прилегающие территории, пока отмечен одной достоверной находкой юртообразного жилища на городище Биляр. Упоминаются юртообразные жилища на Болгарском городище (Хлебникова, 1987. С. 49), но они остаются, кажется, неопубликованными.

В литературе можно встретить также упоминания "сходных с юртами глинобитных жилищ городища Хулаш X—XII вв., расположенного на правом берегу небольшой речки Кильмы, притоке р.Свияги, правого притока Волги (Тетюшский р-н Татарии). Городище исследовалось В.Ф.Каховским в 1962—1965 гг. Вот как описывает их сам исследователь: "По конструкции они сходны с юртами, стенки их были сделаны в виде каркасной опоры из плетня, обмазанного глиной. У входа в дом (у дверей) и по углам массивные столбы (диаметром 25—30 см) поддерживали всю конструкцию дома; между основными столбами были вбиты столбы меньшего диаметра (10—15 см в диаметре), которые являлись опорой плетневых стен. Иногда мелкие столбы и колья забивали для прочности глинобитных стен в два ряда (раскоп XV, сооружение 12)... Эти наиболее простые по конструкции и ранние по времени бытования дома сложились на основе прототипов -юрт кочевников" (Каховский, Смирнов, 1972. С. 21). Из приведенного описания совершенно ясно следует, что речь идет о домах с ярко выраженной столбовой конструкцией (столбы диаметром 25—30 см по углам!), не имеющих никакого отношения к юртам, даже как к прототипам. Приведенное описание не проиллюстрировано, не удалось обнаружить юртообразных жилищ и в отчетах о раскопках городища (Каховский, 1962). Совершенно неправомочна ссылка В.Ф.Каховского на якобы аналогичные глинобитные дома Семендера. Как показали раскопки в Дагестане (о них далее) глинобитные строения эпохи Хазарского каганата там не были столбовыми, но имели совершенно иную конструкцию, которая, кстати, тоже не связана с юртами.

БИЛЯР

В 1984 г. здесь открыта юртообразная, почти правильной округлой формы постройка (Хузин, 1986. С. 158), впоследствии опубликованная Ф.Ш.Хузиным (Хузин, 1989. С. 65, 69). Котлован постройки (4,80х4,40 м) углублен на 20—25 см (Рис. 16). С южной стороны котлован имел выступ длиной 1,40 м при ширине 1,20 м, который публикатор трактует как вход. С этим мнением стоит согласиться, поскольку перед этим выступам нет жердевых лунок, протянувшихся по всему периметру постройки. Косвенно оно подтверждается и обращенностью выступа к югу. Очага в постройке не оказалось, а вся ее северная половина занята тремя неглубокими, 40—60 см, ямами. Назначение их определить трудно. Само наличие этих ям, занявших поло-

вину площади постройки, и отсутствие очага заставляет отбросить предположение об использовании постройки в качестве жилища. Самая отличительная черта билярской постройки — серия из очень равномерно распределенных вдоль стен котлована более сорока жердевых лунок. Расстояние между ними всего лишь 10—30 см. Диаметр их около 10 см (глубина в публикации не указана, но судя по их разрезу, около 12 см). Две лунки по краям входа более крупные — до 15 см в диаметре. Хочу обратить внимание, что цепочка лунок не примыкает непосредственно к стене, но отстоит от нее на 10—20 см. Думаю, это прямое указание на довольно толстую облицовку котлована. Автор в качестве аналогии ссылается суммарно на юртообразные жилища ряда памятников салтово-маяцкой культуры, но именно эта цепочка близко расположенных ямок одновременно и отличает эту постройку от подавляющего большинства салтово-маяцких. Аналогичную систему лунок, расположенных с интервалом 10—20 см имела только постройка № 5 Саркела (Сорокин, 1959. С. 196—197), в прочих же жилищах бассейна Дона расположение ямок, как правило, бессистемно, а количество неустойчиво.

Явно под влиянием С.А.Плетневой, на труд которой дана соответствующая ссылка, Х.Ш.Хузин посчитал пристенные лунки принадлежащими решетчатому каркасу. Трудно, однако, понять, что автор подразумевает под решетчатым каркасом. Неопределенность в это понятие внесена все же не им, а С.А.Плетневой, которая писала: "Стены у решетчатых юрт состоят из поставленной по кругу решетки. К ее вертикальным (! — В.Ф.) жердям привязывались жерди перекрытия..." (Плетнева, 1967. С. 52). Итак, решеткой названа конструкция с вертикально установленными жердями, которые соответственно должны переплетаться горизонтальными. Такая конструкция не может называться решетчатой. В этнографии установилось определенное и однозначное понятие решетки. Это в большинстве случаев складная конструкция, в которой все жерди находятся в наклонном положении, что собственно и позволяет складывать каждое звено решетки в компактный короткий "пакет". Надеюсь, достаточно указать на казахскую юрту (Востров, Захарова, 1989. С. 26—30). Во-вторых, решетка никогда не вбивалась в грунт и не оставляла следов в виде лунок. В-третьих, решетчатая юрта никогда не устанавливалась в котловане. Не буду распространяться далее. Ясно, что билярская постройка не может быть названа решетчатой. Она стационарная, действительно юртообразная с характерным для таковых каркасом из вертикальных достаточно массивных кольев.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Единственным районом Северного Кавказа, где к настоящему времени выявлены юртообразные постройки, является Верхнее Прикубанье. Активное проникновение сюда тюркского степного элемента отмечается давно. Так, обобщая итоги исследования средневековых памятников Центрального Предкавказья И.М.Чеченов пишет: "...особенно активным и стабильным проникновение тюрок (болгар, половцев и др.) в район Пятигорья и междуречья верховьев Кубани и Баксана было в хазарский (конец VII—X вв.) и предмонгольский (XI—XII вв.) периоды. В числе прочих источников на это указывают и археологические материалы: определенная часть наскальных и грунтовых могильников, курганы, остатки ю р т, рунические надписи, глиняные к о т л ы с внутренними ушками..." (разрядка моя — *В.Ф.*) (Чеченов, 1986. С. 8, 9).

Юртообразные постройки открыты на городищах Первомайском и Хумаринском, селище Каладжинском, возможно, на городище Кизиловая балка. Наверняка этот список будет расширяться.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ

расположено на водораздельном хребте между правыми притоками р.Большой Лабы — рр.Бешеной и Безымянной. Исследовалось в 80-е гг. И.В.Каминской и В.Н.Каминским (Каминский, Каминская, 1986а, 1986б). В 1988 г. И.В.Каминская открыла в слое, датированном ею по керамическому набору X в., одну юртообразную постройку (Каминская, 1988. С. 207), от которой сохранились только лунки по периметру. Не исключено, что постройка была наземной, но, что более вероятно, котлован ее был слишком мелкий и не зафиксирован в многослойном

памятнике (Рис. 17). Лунки позволили определить размеры постройки. Всего оказалось девять лунок глубиной от 5 до 48 см, из которых семь очень равномерно распределяются вдоль северной стороны. Интервалы между ними 35—40 см, и лишь в одном случае 65 см. Одна лунка отмечена на юго-востоке и одна на южной стороне. Вероятнее всего, остальные лунки просто не удалось выявить в ходе раскопок. По овальным очертаниям, системе расположения лунок и расстоянию между ними прямой аналогией для данной постройки является уже описанное жилище Крымского городища на Нижнем Дону. Очага в постройке не оказалось, не поддается определению место входа[12].

ХУМАРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Расположено на правом берегу р.Кубани рядом с аулом, давшим ему название, и в 11 км к северу от г.Карачаевска. Городище широко известно по многочисленным публикациям. Последние большие раскопки проводил на городище Х.Х.Биджиев в 70-е гг., когда здесь были открыты шесть юртообразных построек, сконцентрированных перед главными воротами крепости. К сожалению, опубликованы они с обобщенным, предельно кратким описанием и воспроизведением планов только трех из них (Биджиев, 1983. С. 36, 37). Все хумаринские жилища являются наземными.

Жилище № 2 (Рис. 18, *3*) неправильных овальных очертаний, размером 3,4 х 3,4 м. Контур восстанавливается по расположенным по периметру ямкам. В отличие от ямок большинства уже описанных юртообразных жилищ, ямки данного имеют неправильные очертания и значительные размеры — от 10 до 40 см в поперечнике. Неправильную форму ямок, на мой взгляд, стоит объяснять их неоднократным использованием при замене старых стоек каркаса новыми. Всего по периметру расположено 15 ямок и, если не считать совершенно рядом расположенные пары, то расстояние между ними в среднем 40—60 см. Глубина ямок — до 15 см. Очаг сдвинут от центра к северо-востоку. Представляет собой круглую яму диаметром 50 см и глубиной 25 см с почти отвесными стенками. Овальный выступ с восточной стороны очага Х.Х.Биджиев трактует как приочажную площадку. Выскажу другое предположение: на мой взгляд это место первоначального очага. В ходе перестройки очаг был передвинут подальше от стенки. В заполнении очага — обломки горшков и амфор VIII—X вв.

Жилище № 3. Сохранился только его северо-западный сектор, тем не менее, эта находка представляет громадный интерес — здесь четко прослеживаются два строительных периода. На первом этапе стены были каркасными (Рис. 18, *2*). От опор сохранились девять конических лунок диаметром 10—12 см и глубиной до 30 см. Судя по форме лунок, колья каркаса заострялись. Интервал между лунками меньше и более постоянен, нежели у жилища № 2 — в среднем 23—30 см. Если лунки с такой же частотой располагались и по несохранившейся линии стен, то их могло быть около 30—36. Сохранился и круглый, со слегка заглубленным дном очаг диаметром 80 см. Реконструируемый диаметр постройки — около 3,5 м.

На втором этапе (Рис. 18, *1*) старая стена жилища была разобрана, а по ее периметру прямо над лунками убранного каркаса устроена кладка из камня — плиточника. Судя по находкам вокруг постройки кусков обожженной глины, она была турлучной. Среди камней — кости и череп барана.

Жилище № 5 (Рис. 18, *4*) удлиненно-овальное, размером 2,65 х 2,50 м. Периметр обозначен двенадцатью лунками диаметром до 20 и глубиной до 15 см. Расстояние между лунками нестабильно, но в целом они распределяются по окружности довольно равномерно. Круглый очаг смещен несколько к югу от центра. Пол плотно утрамбован. Аналогична описанным была и четвертая постройка, снабженная хозяйственной ямой.

Итак, при некоторых различиях описанные постройки отражают одну строительную традицию, состоявшую, во-первых, в использовании в качестве основы стен достаточно массивных опор, каких мы не встречали у жилищ степной и лесостепной зон. Во-вторых, в относительно равномерном рассредоточении опор каркаса по всему периметру построек, хотя и не так равномерно как у жилища Первомайского и Крымского городищ.

Каркас этих жилищ был вертикальным. В двух других постройках (пока не опубликованы) опоры каркаса, судя по лункам, имели наклон к центру. Надо полагать, с ними связана несколько иная строительная традиция.

Юртообразные постройки не единственные на городище. Помимо них здесь открыты полуземлянки и наземные турлучные постройки. В целом же судить о соотношении различных типов жилищ на этом памятнике пока невозможно. Городище отнесено к VIII—X вв., но эта дата требует уточнения.

КИЗИЛОВАЯ БАЛКА, ГОРОДИЩЕ

Расположено на правом берегу р.Кубани в окрестностях г.Армавира. В 1982 г. Х.Х.Биджиев обнаружил здесь "остатки турлучной постройки, имеющей в плане круглую форму диаметром 5 м. По периметру постройки сохранились ямки от кольев. Диаметр кольев — 5—7 см, глубина 10—12 см. Пол постройки ровный хорошо утрамбованный и был подсыпан глиной. Ближе к южному углу постройки обнаружен очаг открытого типа ... чашеобразной формы ... В пользу того, что открытое сооружение представляет собой остатки турлучной постройки, свидетельствует обилие обожженной глины со следами турлука ... Их особенно много было по периметру постройки" (Биджиев, 1983. С. 120, 121). Судя по упоминанию "угла", постройка, вероятно, имела не "круглые", а неправильные очертания (план жилища не опубликован). Аналогией кизиловскому жилищу Х.Х.Биджиев считает жилища Хумаринского городища, но последние имели каркасные ямки значительно большего диаметра.

Частично вскрыта и вторая постройка с ямками от кольев, но без следа турлука. По керамике городище датировано Х.Х.Биджиевым VIII—X вв. (Кроме указанной публикации других сведений об описанных жилищах обнаружить не удалось, что заставляет относиться к их типологическому определению Х.Х.Биджиевым с определенной настороженностью).

КАЛАДЖИНСКОЕ СЕЛИЩЕ

Расположено на правом берегу р.Лабы в районе одноименной станицы. Открыто в 1990 г. краснодарским археологом В.Н.Каминским. В 1991 г. он провел на селище большие раскопки. Памятник многослойный, со сложной стратиграфией. Общая толща напластований от 0,80 до 2,10 м. Дата селища — X—XII вв., но как отметил сам исследователь, датировка памятника при дальнейшем исследовании может измениться. Результаты раскопок Каладжинского селища изложены В.Н.Каминским в двух прекрасно выполненных и снабженных крупномасштабными чертежами жилищ полевых отчетах (Каминский, 1990, 1991)[13].

Всего на селище открыто 25 жилищ различной планировки и конструкции, из которых восемь, т.е. треть, являются овальными юртообразными. Все они наземные и выявлены по пристенным лункам каркаса, уплотненному полу и отдельным камням по линии стен. Каладжинские юртообразные жилища поразительно единообразны (за исключением отдельных деталей), что отражено в их планировке, размерах, системе расположения и размерах лунок от каркасных жердей стен (Рис. 19—20). Это не вызывает сомнений даже при том, что четыре жилища сохранились наполовину.

Все жилища имели не совсем правильную овальную планировку, при этом в них нет угловатости или спрямленных участков стен. При некоторой нестандартности в очертаниях они чрезвычайно близки в размерах: максимальные диаметры варьируют в пределах всего 60 см — от 3,00 до 3,60 м (Табл. 3).

Периметр стен определяется прежде всего по лункам опор каркаса. В их количестве и размерах также проявляется заметно постоянство. Судя по полностью сохранившимся постройкам, число опор составляло 10—13 при достаточно равномерном их распределении по линии стен. Интервал между ними составлял от 30 до 100 см, но чаще всего 40—60 см. Еще более постоянны размеры лунок — глубина от 6 до 15 см, сечение — 6—9 см. Особенностью каладжинских жилищ является появление наряду с круглыми и овальными лунками прямоугольных и квадратных. В постройке № 1 они вообще составили большинство — восемь из десяти (Рис. 19, *1*). Другая особенность — это полное отсутствие каких-либо лунок или ямок на полах жилищ. Исключения редки.

В пяти жилищах зафиксировано применение в основаниях стен необработанных обломков камня-плитняка. Несмотря на очевидную принадлежность этих камней стенам, определить их назначение трудно. При всем том, что они лежат на уровне пола, ни в одной постройке камни не образовывали сплошной кладки, что было зафиксировано в одном из жилищ Хумаринского городища. Наоборот, заметно, что камни преднамеренно клались порознь с определенным интервалом. В.Н.Каминский предполагал, что камни придерживали полог "юрты", как он назвал эти жилища.

Еще одна особенность каладжинских юртообразных построек: в шести из восьми не было очагов. Большой тарелкообразный очаг оказался только в жилище № 4 (Рис. 19, *4*) и небольшой очажок, выложенный галькой, — в жилище № 5 (Рис. 20, *1*). В то же время, в юртообразных постройках без очагов нет никаких признаков указывающих на их назначение, кроме жилого. Должен отметить, что круглые очажки применялись и в иных типах каладжин-

Таблица 3

Постройки Каладжинского селища

№№ построек	Размеры построек (м)	Лунки по периметру стен					Камни вдоль стен
		Количество лунок		Глубина (см)	Сечение (см)	Интервалы между лунками (см)	
		всего	в т.ч. прямоугольных				
1	3,00 x 2,45	10	8	—	8,5	40—80	нет
2	3,30 x ?	более 6-ти	1	6	8	30—70	есть
3	3,25 x 2,80	13	—	6—13		40—100	есть
4	3,55 x 3,12	10	1	8—15	7—9	40—130	есть
5	3,43 x ?	более 7-ми	?	6—10	6—7	40—100	нет
6	3,30 x ?	более 6-ти	1	6—9	7—8	30—70	есть
10	? x2,75	более 3-х	?	8—10	8—10	?—80	есть
12	3,60 x3,30	11	—	8—15	6—9	45—120	нет

ских жилищ, в том числе прямоугольных. В мою задачу не входит их описание, но стоит упомянуть, что в них, как и в юртообразных, обнаружены лунки тех же размеров, но всегда сделанные в углах. Таким образом, использование в качестве каркаса круглых жердей, а для отопления и приготовления пищи открытых очагов объединяет все типы жилищ селища одной традицией.

Каладжинское селище по мощности культурного слоя и концентрации разнотипных, взаимопересекающихся, но в то же время объединенных едиными строительными приемами жилищ должно быть отнесено к числу наиболее примечательных памятников Прикубанья. Нет сомнений, что юртообразные постройки были здесь массовым типом жилища, что пока не отмечено для других поселений региона. При некотором сходстве с юртообразными жилищами Хумаринского городища они все же довольно своеобразны. Обобщая результаты двухлетних работ В.Н.Каминский писал в Отчете: "В качестве предположения можно сказать, что селище оставлено одним из тюркских племен, проникшем в горы не ранее IX в. и установившем тесные отношения с аланскими племенами региона. Подтверждением тому является посуда с селища, имеющая массу аналогий среди керамики аланских городищ, расположенных южнее по долине р.Лабы". Это мнение исследователя вполне может быть взято в качестве отправной точки при дальнейшей интерпретации этого пока уникального памятника, разумеется, с учетом его замечания о необходимости уточнения хронологии. Что же касается керамического комплекса памятника, то бросается в глаза отсутствие в нем котлов с внутренними ушками. Впрочем, находки керамики на селище немногочисленны и нельзя исключить, что котлы здесь будут обнаружены при новых раскопках.

* * *

Перейдем от верховий р.Кубани к более восточным районам Северного Кавказа.

В 1975—1976 гг. В.Б.Ковалевская раскопала на ранее известном средневековом городище "Указатель" (левый берег р.Аликоновки, притока р.Подкумка, окрестности г.Кисловодска) две круглые постройки, называемые ею "юртами" (Ковалевская, 1976, 1977). Постройки однотипны. Это котлованы глубиной около 50 см и диаметрами около 2,5 и 3,0 м. Стены котлованов обложены вертикально поставленными необработанными каменными плитами, а по краям котлована идет нерегулярная кладка из таких же плит, уложенных горизонтально. Предварительная дата этих сооружений по В.Б.Ковалевской VII—IX вв. Я не склонен безоговорочно относить их к юртообразным. Назначение их не совсем ясно, тем более, что в них не оказалось ни очагов, ни иных элементов, которые более точно указывали бы на характер их использования[14]. Возможно, некоторую ясность внесет полная публикация данных раскопок городища "Указатель". До этого к постройкам этого городища целесообразнее применять нейтральный термин "круглоплановые".

В археологической и этнографической литературе стало общим местом кочующие из рабо-

ты в работу ссылки на восточных авторов (ал-Истахри, ал-Мукаддеси, ибн-Русте, ибн-Хаукал), у которых по разным поводам упоминаются хазарские (как и мадьярские) жилища типа палаток или шатров из войлока, а также глинобитные сооружения. Особенно популярны эти ссылки в связи с вопросом о распространении юртообразных построек в Приморском Дагестане, в частности в Семендере: "Постройки этого города войлочные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины" (ал-Истахри, 1901. С. 41) или "жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом, крыши у них остроконечные" (ал-Мукаддеси, 1908. С. 5). Данные восточных источников о жилищах хазар и иных кочевников собраны Б.Н.Заходером (Заходер, 1962, 1967), что избавляет от необходимости перечислять их более подробно.

Безусловно, эти сведения о жилищах чрезвычайно важны, но следует иметь в виду, что в них нет никаких данных, указывающих на то, что эти постройки имели форму юрты. Существует и проблема перевода источников: насколько лексика оригиналов соответствует используемым в переводах терминам "шатер", "палатка".

Тема о юртообразных постройках Хазарии на территории Приморского Дагестана нашла отражение в работах двух исследователей — А.В.Гадло, исследовавшего разрушающийся памятник Хазар-кала, и М.Г.Магомедова, проводившего раскопки на нескольких памятниках Дагестана.

ХАЗАР-КАЛА,

городище и селище с тремя периодами существования на р.Ярык-су, с.Новокули Новолакского р-на Дагестана. Исследовалось А.В.Гадло в 1966, 1967, 1969 гг., что нашло отражение в обобщающей публикации (Гадло, 1974). На первом этапе существования поселения (I в. до н.э. — IV в. н.э.) здесь, по полевым наблюдениям раскопщика, существовали "стабильные турлучные постройки", от которых сохранились лишь "аморфные пятна обгорелых земляных полов" и "легкие, возможно (! — *В.Ф.*), округлые хижины" (Там же. С. 143). "Легкие конструкции типа хижин" (само введение такого определения говорит, что тип жилища для автора остался неясен — *В.Ф.*) продолжали возводиться и на втором этапе вплоть до VII в. Сохранились остатки одной глинобитной, круглой, диаметром 2 м, с семью слоями подмазки пола постройки (Там же. С. 144). Последнее наблюдение чрезвычайно важно: перед нами явно долговременное жилище, отнюдь не кочевнического населения.

На третьем этапе (VIII—IX вв.) происходит смена населения, появляется керамика салтово-маяцкого облика, каменные кладки. "Вместе с этим здесь появилось легкое округлое сооружение типа юрты. В слое этого периода открыты остатки такого жилища диаметром 3 м с пристройкой (характер пристройки не указан — *В.Ф.*). От его деревянного каркаса сохранились ямки по периметру глубиной 10—15 см. Обнаружены следы ямки-очажка и яма-погреб. Ни многослойного глиняного пола, ни глинобитного основания стен, что было характерно для второго периода, здесь не отмечено" (Там же. С. 148). Итак, в этом кратком описании приведен перечень признаков, которые отмечались мною у многих юртообразных построек Восточной Европы, в частности, Подонья. Аналогичное описание памятника и его построек дано А.В.Гадло и в другой публикации (Гадло, 1975). К сожалению, автор не сопроводил описание чертежами этой единственной постройки Хазар-калы, трактуемой как юртообразная. Данное обстоятельство заставляет с некоторой осторожностью подойти к типологическому определению этого жилища. Как мне представляется, в приведенное описание жилища внесен значительный элемент реконструкции. В список и карту юртообразных построек Восточной Европы данное жилище селища Хазар-кала я вынужден внести условно. Распространение в Дагестане построек подобных описанной требует подтверждения в новых раскопках.

Совершенно категорично по проблеме юртообразных построек в Дагестане высказывается М.Г.Магомедов в своем обобщающем труде, посвященном Хазарскому каганату: "юрты и юртообразные сооружения были здесь наиболее распространенным типом жилья" (Магомедов, 1983. С. 146). Данное утверждение автор обосновывает тем, что в Терско-Сулакском междуречье почти не обнаружено каменных или сырцово-глинобитных остатков жилья, что, по его мнению, "не оставляет сомнений, что наиболее распространенным типом жилья в городах были легкие наземные постройки, плетеные из дерева и покрытые войлоком или обмазанные глиной". И далее добавляет: "Очертания и внутреннее их устройство проследить очень трудно" (Там же. С. 146). В качестве примера он тут же приводит прослойки глинобита толщиной до

10—25 см на городище Тенг-кала, которые "очевидно (! — *В.Ф.*), являются остатками юртообразных полов". Глинобитные полы овальных очертаний открыты им и на городище Верхний Чир-юрт. Данные примеры явно противоречат первоначальной посылке автора, в которой он глинобитные постройки противопоставляет легким наземным. Кроме того наличие толстого глинобитного пола прямо указывает на длительную стационарность, долговременность жилища. Никаких характерных признаков собственно юртообразных жилищ с этими полами не обнаружено.

По крайней мере странным является объявление юртообразными прямоугольных полуземлянок и прямоугольных удлиненных наземных жилищ II—III вв. городища Андрей-аул (Там же. С. 146—148, рис. 54, 57). Еще более странным является обращение М.Г.Магомедова к прямоугольным с каменным основанием, выложенным по системе "елочка", на городище Чир-Юрт, которые он выделяет в качестве "усложненного варианта юртообразных жилищ" (Там же. С. 150, рис. 58).

Нельзя согласиться с мнением М.Г.Магомедова о том, что открытые овальные очажки, зафиксированные во многих памятниках Приморского Дагестана, непременно свидетельствуют о заимствовании их от юртообразных жилищ кочевников. На мой взгляд, глинобитные жилища, в том числе и с глинобитными полами, и жилища с каменной кладкой оснований по системе "елочка" связаны с домостроительными традициями местного дохазарского населения. Уходят они в глубокую древность, о чем, в частности, свидетельствуют материалы раскопок городища Андрей-аул, и не имеют никакого отношения к пришлому для Терско-Сулакского междуречья кочевническому элементу эпохи Хазарского каганата. Приходится констатировать, что на исследованных М.Г.Магомедовым городищах Тенг-кала, Верхний Чир-Юрт, Андрей-аул, Некрасовском и других юртообразные постройки, во всяком случае до настоящего времени, не обнаружены. В итоге следует признать, что единственной юртообразной постройкой Дагестана эпохи Хазарского каганата, возможно, является упоминавшаяся постройка городища Хазар-кала. Разумеется, нельзя отрицать того, что хазары Дагестана, как и донских степей, широко пользовались обычной юртой. Однако, в отличие от степей, где хазары как и болгары не застали старых прочных традиций оседлого домостроения, в Дагестане перед ними оказались прекрасные образцы жилищ оседлого населения, которые они и восприняли. Полагаю, вопрос о широкой распространенности в Дагестане юртообразных построек следует оставить открытым.

КРЫМ

В отличие от бассейна Дона и Северного Кавказа степень распространенности юртообразных жилищ в Крыму до настоящего времени не определена. В какой-то мере это обусловлено сосредоточением усилий археологов на изучении многочисленных средневековых городов и крепостей, а также могильников в прибрежных и горных районах Крыма в ущерб степным. Кроме того на домостроительстве раннесредневекового Крыма, как отметил А.Л.Якобсон, сказывались местные особенности социально-экономического развития и влияние позднеантичной и византийской традиций (Якобсон, 1970. С. 120).

Мне удалось найти упоминание лишь одной постройки с некоторыми признаками юртообразности. Это постройка укрепления Кордон-Оба.

КОРДОН-ОБА,

укрепление на юго-восточном побережье Крыма в районе пос.Курортный. Здесь в 1980 г. И.А.Баранов выявил "основание круглой в плане юрты". По описанию И.А.Баранова (постройка опубликована без чертежа) "края юрты были обложены крупным бутом, вероятно, придерживавшим кошму. С внутренней стороны юрты в обмазанном глиной полу по периметру юрты обнаружены основания жердевого каркаса. В центре постройки ... тарелкообразны очаг диаметром 0,7 м, обложенный мелким плитняком и заполненный на глубину 0,3 м пеплом и углями" (Баранов, 1990. С. 35, 36). Из приведенного перечня признаков с юртообразности данной постройки может свидетельствовать только упоминание жердевого каркаса и расположение очага по центру. К сожалению, без знания си-

стемы кладки бута (сплошная или разрозненные камни), размеров постройки в целом, размеров лунок каркаса, их числа и расстояний между ними характеризовать эту постройку трудно. Применение же камня и обмазка пола глиной — это могли быть и элементы местного крымского домостроения. По стратиграфии постройка Кордон-Оба датируется до первой половины VIII в. и связывается автором с приходом в Крым "приазовских тюрок" во второй половине VII в. (Баранов, 1990. С. 45).

Юртообразные постройки И.А.Баранов рассматривает и в своей докторской диссертации (с полным ее текстом я не имел возможности ознакомиться), в том числе и с Кордон-Обы, относя это поселение к стойбищам второй половины VII в. (Баранов, 1994. С. 11). Таким образом юртообразное жилище Кордон-Обы, вероятно, относится к самым ранним подобного типа построек Восточной Европы. Отмечу только, что применяемый к жилищу термин "юрта" автору следовало бы заменить термином "юртообразное". За отсутствием в моем распоряжении чертежа этого жилища я отношу его пока просто к круглоплановым и в карту юртообразных построек включаю до времени условно. В качестве аналога И.А.Баранов упоминает и круглую постройку из Илурата, о которой я также не располагаю подробной информацией.

В связи с нашей темой упомяну круглоплановые каменные постройки, известные по округе Херсона. Две такие постройки Гераклейского полуострова опубликованы Г.М.Николаенко. Первая, с надела № 25, круглая с массивными стенами из бутового камня и входом, обращенным к югу. Внешний диаметр постройки 6,60 м, высота каменной кладки, имеющей некоторый наклон к центру — 1,10—1,20 м, толщина 0,90 м. Пол земляной, справа от входа — зольное пятно (очаг — ?). Вторая постройка, с надела № 53, аналогична по конструкции, но несколько меньше: внешний диаметр 6,0 м. Обе постройки входят в систему других каменных помещений. Как отмечает Г.М.Николаенко, назначение этих сооружений неясно (Николаенко, 1988. С. 209, 210). Что касается предложенной даты — IV—V вв., то, по мнению А.В.Сазанова, предпринимающего в последнее время усилия по уточнению хронологии амфорных находок в Крыму, оба сооружения должны быть отнесены к третьей четверти VI в.[15]. И все же, несмотря на предлагаемую дату, у нас нет объективных данных для увязки круглоплановых гераклейских построек с проникновением в район Херсонеса кочевников, в частности, болгар из Приазовья. Круглоплановые постройки Гераклейского полуострова требуют специального изучения.

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

Среднее Поднепровье раннего средневековья известно прежде всего как регион, представленный десятками памятников славянской по этнической принадлежности пеньковской культуры. Вместе с тем в ходе полевых исследований установлены факты достаточно активного внедрения в местную славянскую среду заметных групп населения, оставивших как целые памятники, так и элементы материальной культуры болгаро-хазарского и аланского облика. Достаточно упомянуть поселение Канцерку, Пастырское городище, Малое Перещепино и Новые Сенжары. Это проникновение определяется прежде всего самим географическим положением Среднего Поднепровья, оказавшегося на путях миграции праболгар к Дунаю, а также активизацией Хазарского каганата в западном направлении. Эта тема, неоднократно обсуждавшаяся в научной литературе, требует новых специальных исследований. В русле же настоящей работы нас прежде всего интересуют открытые на ряде памятников пеньковской культуры жилищ, которые уже традиционно и, кажется, единогласно трактуются как юртообразные. Это постройки овальной конфигурации на поселениях Луг I, Стецовка, Богатое, Осиповка, Чернеччина[16].

Вопрос о юртообразных постройках на памятниках пеньковской культуры возник сразу после открытия ставших уже классическими поселений Луг I и Стецовка. Осветить всю историографию овальных построек на этих памятниках здесь за отсутствием места не представляется возможным. Упомяну мнение лишь некоторых авторов. Все они достаточно близки. Так, по мнению Е.А.Горюнова, "округлая наземная юрта, открытая в Стецовке" является свидетельством неоднородности населения Поднепровья и проникновения сюда кочевнических групп (Горюнов, 1973. С. 110). Аналогична

точка зрения по отношению жилища Стецовки Л.М.Рутковской: "Это несомненно остатки юрты" (Рутковская, 1974. С. 24). В качестве кочевнического элемента, наряду с другими, считает округлые жилища пеньковских памятников А.Т.Смиленко (Смиленко, 1980). Как свидетельство "проникновения кочевнического населения в пеньковскую среду" отмечает "юртовидные жилища" поселений Богатое, Чернеччина, Осиповка, Стецовка и других О.М.Приходнюк (Археология УРСР. С. 165). Появление в Среднем Поднепровье упомянутых жилищ поселений Луг I и Стецовки объясняет влиянием салтово-маяцкой культуры И.П.Русанова. Сами эти сооружения она характеризует как "близкие юртам — жилищам кочевников донских степей", а появление их в регионе связывает с проникновением алано-болгарского населения (Русанова, 1976. С. 100, 101). Подобные трактовки появлялись и в последующее время (Белинская, 1990).

На фоне приведенных высказываний выделяется лишь толкование построек Луг I и Стецовки, предложенное три десятилетия назад П.Н.Третьяковым: "Яркой особенностью культуры верхневолжских балтов в I тыс. н.э. являлись святилища, представляющие собой круглые площадки, иногда несколько углубленные в землю. В центре такой площадки стоял, по-видимому, деревянный идол, по краям — столбы или идолы меньших размеров ... почти такие же святилища, таких же точно размеров, оказались на славянских поселениях VI—VII вв. на Тясмине. Одно из них — сооружение № 18 на селище Луг I около с.Пеньковки — не вызывает сомнений (! — *В.Ф.*). Оно почти полностью повторяет святилища верхнеднепровских балтов ... По-видимому, такое же сооружение, очень плохо сохранившееся, оказалось и на другом тясминском поселении — на Стецовке". (Третьяков, 1966. С. 271, 272). Вопреки категоричному утверждению П.Н.Третьякова, предложенная трактовка все же вызывает сомнения, особенно по линии балтского влияния. Кроме того, автор явно не хотел заметить коренные отличия обеих построек. Что же касается трактовки постройки № 8 Стецовки как святилища, то, в принципе, она может стать предметом обсуждения. Впрочем, достаточно веских аргументов в ее пользу я не вижу.

Итак, обратимся непосредственно к овальным жилищам пеньковского ареала.

ЛУГ I, ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение исследовал и опубликовал Д.Т.Березовец (Березовец, 1963. С. 166). Расположено на правом притоке Днепра р.Тясмин. На поселении открыто 28 прямоугольных полуземлянок с печами-каменками. На их фоне выделяется постройка № 18, от которой сохранился котлован размерами 6x5 м и глубиной до 45 см (Рис. 21, *2*). Форма котлована близка к овальной, но нельзя не заметить, что сам овал образован несколькими довольно спрямленными отрезками стен. Центр постройки несколько понижен (в большинстве праболгарских юртообразных жилищ он плоский). Стенки довольно пологие и, как мне представляется, судя по некоторым замечаниям автора и чертежу, прослеживались плохо. В геометрическом центре постройки — яма глубиной 60 см от столба с диаметром около 40 см. Установка столь мощной центральной опоры указывает на значительную тяжесть крыши. По заметно выделяющимся углам и по середине каждой стены сохранились ямки каркаса стен. Глубина их от 15 до 27 см. Стоявшие в них столбы также достаточно массивны -диаметры до 25 см. По глубине и диаметру среди них выделяется ямка на середине северо-восточной стены. Только на северном отрезке стены установлен дополнительный столб. Реконструкция (моя — *В.Ф.*) дает столбовую постройку размером 5,0 x 4,5 м, т.е. почти прямоугольную, если бы не небольшой выступ на восточной стороне и скошенность северного угла. Нельзя не отметить, что по планировке и системе расположения столбов (по углам и в середине каждой стены) постройка № 18 аналогична прочим четырехугольным постройкам поселения, но несколько превосходит их по размерам, в том числе рядом с ней расположенные жилища № 16 и 17 (Березовец, 1963. С. 204, рис. 28). Отличает жилище № 18 и две другие особенности — наличие массивного столба в центре и отсутствие отопительного сооружения. Заметно меньше его глубина.

Массивный центральный столб допускает два варианта реконструкции крыши: двускатная и шатровая восьмискатная. Кроме того, тот же массивный столб делает обоснованным предположение о значительной высоте постройки. Не исключено, что она имела какое-то общественное значение.

Что касается входа, то Д.Т.Березовец предполагал, что он находится на месте скошенного северного угла сооружения. Возможно. Возникает вопрос: а каковы же в данной постройке

признаки кочевнического жилища? В качестве таковых можно указать лишь на небольшую глубину котлована и выпуклость его стен. Ясно, что это совершенно недостаточно для отнесения его к юртообразным. Таким образом, типологическое определение постройки № 18 поселения Луг I должно быть оставлено под вопросом. На поселении были найдены фрагменты горшков салтовского типа, но керамический набор в целом в этом жилище мне не известен, за исключением упомянутых автором лепной керамики и биконического пряслица.

СТЕЦОВКА, ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение исследовалось в 1956—1958 гг. (Покровская, Ковпатенко, 1959). Расположено как и поселение Луг I на р.Тясмине. Обширная публикация принадлежит В.П.Петрову (Петров, 1963). На поселении обнаружена одна постройка, причисляемая к юртообразным — № 8 (Рис. 21, *3*).

От постройки № 8 сохранилось немногое — кольцевая канавка, показывающая ее не очень правильные овальные очертания. Размеры кольца 7,2х6 м. Глубина канавки 10—15 см, ширина 30—40 см, а на восточной стороне до 70 см. С западной стороны она имела небольшой отросток. Полное отсутствие жердевых или столбовых лунок показывает, что кольцевая канавка собственно и служила основанием стены. Что касается материала стен, то косвенно о нем можно судить по покрывавшей пол саже и золе, среди которых не отмечено ни крупных остатков дерева, ни турлучной обмазки. Стены и крыша были явно достаточно легкими. Данных об очаге нет. Я не исключаю, что он мог быть просто не замечен в процессе раскопок. В свое время Л.М.Рутковская именно по наличию канавки посчитала постройку № 8 решетчатой (Рутковская, 1974. С. 25). Но именно присутствие канавки в основании стен и противоречит этому предположению. Этнографически зафиксированные решетчатые юрты никогда в землю не заглублялись, да они и не нуждались в дополнительных мерах для сохранения устойчивости стен.

Итак, при всем том, что описанные постройки поселений Луг I и Стецовки происходят из одного микрорегиона, между ними нет ни одного общего признака, за исключением, может быть, только значительных размеров. Этим они превосходят как средние пеньковские жилища, так и подавляющее большинство юртообразных построек Восточной Европы. В отличие от луговского жилища стецовское все же имеет явно овальные очертания и предположительно может быть отнесено в юртообразным. Следует напомнить, что канавка зафиксирована и в одном из явно юртообразных жилищ Дмитриевского поселения, причем в сочетании с лунками жердевого каркаса (Рис. 14, *б*). Надо полагать, этот строительный прием имел более широкое распространение, чем это представляется по раскопанным на данный момент поселениям.

Не углубляясь в проблематику хронологии и периодизации памятников пеньковской культуры, в том числе и поселений Луг I и Стецовка, отмечу, что в ней заметны некоторые расхождения. Так по В.В.Седову, "памятники типа Пеньковки в целом датируются VI—VII вв." (Седов, 1982. С. 26). О.М.Приходнюк вторую, позднюю, фазу культуры относит к началу VI — второй половине VII вв. (Археология УССР. С. 163). Д.Т.Березовец датировал Луг I концом VII — первой половиной VIII вв. (Березовец, 1963. С. 190—192). Л.М.Рутковская постройку Стецовки датирует концом VII—VIII вв. (Рутковская, 1974. С. 22—28), а О.М.Приходнюк поздней датой Луг I определяет первую половину VII в., а Стецовки — IX в. (Приходнюк, 1980. С. 111). Не буду продолжать этот перечень. Для нашей темы важнее присутствие на обеих поселениях салтово-маяцкой керамики, что неоспоримо подтверждает культурно-хронологические связи данных поселений с ее носителями. Абсолютные же даты слоев с рассмотренными жилищами, надо полагать, еще неоднократно будут подвергаться корректировке.

Информация о юртообразных постройках других поселений ареала пеньковской культуры довольно отрывочна. Это, в частности, касается расположенных на левом притоке Днепра — р.Орель поселений Осиповка, Богатое, Чернеччина.

ОСИПОВКА, ПОСЕЛЕНИЕ

Исследовано Д.Я.Телегиным в 1972—1974 гг. Краткое описание и небольшой чертеж юртообразной постройки с поселения опубликовал О.М.Приходнюк, прямо отнесший эту постройку к "домам кочевнического облика" и назвавший ее "юртой" (Приходнюк, 1990. С. 78, 93—94, 101, рис. 6).

Это овальная постройка размером 4 х 2,8 м. Глубина ее котлована точно не определена — 1,1 м от современной поверхности. С южной стороны котлован имеет выступ внутрь жилища: возможно, это место расположения входа. В

центре "прослеживаются следы очажного пятна" (на опубликованном чертеже, воспроизведенном здесь на рис. 21, *1* его нет). Итак, по форме жилища, его размерам, наличию котлована и центральному расположению очага данное жилище может быть отнесено к юртообразным со значительной долей уверенности. Примечательно, что наряду с пеньковской керамикой в жилище найдены фрагменты глиняных котлов с внутренними ушками.

ЧЕРНЕЧЧИНА[17], ПОСЕЛЕНИЕ

Правый берег р.Орели (Магдалиновский р-н Днепропетровской обл.). Исследовалось гг. С.П.Юренко и О.В.Сухобоковым, которые и опубликовали о найденном здесь в 1974 г. жилище № 10 следующую информацию: "Жилище вытянуто-округлой формы (6,8 х 3,0 м) с ямками от столбов по периметру. В центре его находилась ямка (диаметр 0,35 м), вблизи которой зафиксирован очаг. Глубина жилища 0,2 м от дневной поверхности" (Юренко, Сухобоков, 1975. С. 377). О.М.Приходнюк относит данное жилище поселения Чернеччина как и жилище с расположенного на противоположном берегу Орели поселения Богатое (данными о нем я не располагаю) к "юртовидным" (Археология УССР. С. 159).

Позднее М.В.Любичев опубликовал план и предельно краткое описание жилища (номер не указан) из Чернеччины, исследованное, судя по ссылке на отчет С.П.Юренко в 1973 г. (Юренко, 1975): "Сооружение из Чернеччины имело в плане округловытянутую форму диаметром 6,3 м (судя по чертежу его размеры 6,30 х 6,15 м, а план скорее округлый с выступом с одной стороны — *В.Ф.*), 14 ямок для жердей по кругу, 3 столбовые ямки по центру. Большую часть его площади занимало возвышение на 0,05 м, возле которого находились остатки очага в виде тарелкообразного пятна размеров 1,05 х 0,85 м с восемью ямками от кольев по периметру. Размещение ямок для жердей показывает, что очаг находился напротив входа" (Любичев, 1994. С. 90, 95). В этом описании даже при наличии чертежа (Рис. 21, *7*) не все понятно. Так по сделанному разрезу не совсем ясно соотношение очага и "возвышения". Не ясно также, что имел в виду публикатор, указывая, что очаг находился "напротив входа". Вероятно, имеется в виду ближняя к очагу северо-восточная стенка между группами из двух и семи пристенных лунок для жердей. Должен отметить, что непосредственно у входа очаг в юртообразных постройках обычно не располагался. Вход, на мой взгляд, мог находиться на противоположной стороне жилища, южной или восточной.

Особенностью этого жилища является довольно равномерное расположение лунок около очага. По группировке же каркасных лунок лишь в отдельных местах периметра стен оно напоминает постройки Правобережного Цимлянского городища, но значительно превышает последние своими размерами.

Подводить итоги касательно степени распространенности юртообразных построек на памятниках пеньковской культуры, их хронологии и конструктивных особенностях на базе имеющегося материала явно преждевременно. Типологически они довольно разнообразны, но в целом несомненно свидетельствуют о проникновении на Среднее Поднепровье элементов в самом широком смысле "салтовского" домостроительства, которое сопровождается здесь и находками образцов собственно салтово-маяцких типов керамики, среди которой особое внимание привлекают котлы с внутренними ушками. Подобные котлы распространены буквально во всех регионах салтово-маяцкой культуры бассейна Дона, а также на синхронных памятниках Северного Кавказа (Флёров, 1993в).

Вместе с тем подход к каждому причисляемому к юртообразным жилищам пеньковских памятников должен быть предельно осторожным. Это касается не только известного жилища с поселения Луг I. Так, нет оснований для отнесения к "домам кочевнического облика ... прямоугольной полуземлянки" с поселения Будище, предложенное О.М.Приходнюком. По своим очертаниям, округлости углов и выделенному входу она ничем не отличается от типично пеньковских жилищ (Приходнюк, 1990. С. 100, рис. 4).

Не могу согласиться и с предложенным М.В.Любичевым построением "эволюционного ряда" от "близкого к юрте сооружения Осиповки" до "сложного интерьера жилища из Чернеччины". Это всего лишь два вида жилищ, существовавших фактически одновременно (об этом далее).

Заключая краткий обзор по Среднему Поднепровью, напомню, что между тясминской и орельской группами поселений и на той же широте найдены известные погребения Новые Сенжары и Малое Перещепино, единодушно относимые всеми исследователями к кочевническим древностям. Делаются попытки и конкретизировать этническую принадлежность этих находок. Так Малую Перещепину И.Вернер до-

статочно убедительно увязывает с праболгарами времен Кубрата, датируя серединой VII в. (Вернер, 1988. С. 36, 37). Менее убедительно выглядит попытка отнести Малую Перещепину к хазарским древностям (Круглов, 1992). Впрочем, для нашей темы эти разногласия значения не имеют. Важно другое: Малое Перещепино является бесспорным доводом в пользу пребывания в Среднем Поднепровье кочевников, по крайней мере с середины VII в.

В литературе встречаются упоминания круглых жилищах Битецкого городища на р.Псел — левом притоке Днепра. Памятник относится к волынцевской культуре и датируется VIII в. На городище отмечено наличие элементов салтовского проникновения (Приймак, 1993. С. 11). К ним относят и постройки круглой формы глубиной 0,3—0,5 м и площадью около 40 кв.м с ямками из нетолстых жердей по периметру. В центре пола открытые очаги на глиняной или каменно-черепичной вымостке (Сухобоков, Юренко, 1993. С. 8). Среди перечисленных признаков обращает внимание большая площадь, значительно превосходящая площадь большинства юртообразных жилищ Восточной Европы. К сожалению я не располагаю более детальным описанием и чертежами круглых жилищ Битцево. Желательна информация о составе керамики в них, в том числе из вымосток под очагами, а также о наличии или отсутствии на городище котлов с внутренними ушками. До появления всей необходимой информации я воздержусь от включений этих построек в список юртообразных жилищ Восточной Европы.

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Речь идет о Днестро-Дунайском междуречье, где к настоящему времени исследовано, судя по опубликованным данным, всего три юртообразные постройки. Открыты они на юге Одесской обл. на поселениях Богатое и Шабо и на известном поселении Этулия в Молдавии. Я не буду останавливаться на проблеме этнокультурной ситуации в этом регионе в VIII—IX вв. — по ней существует обширная и достаточно известная литература. Здесь же отмечу, что присутствие в регионе салтовского, или точнее болгарского, элемента не отрицается, кажется, ни одним исследователем. В качестве такового следует рассматривать и юртообразные сооружения.

ШАБО, ПОСЕЛЕНИЕ

На юго-западном берегу Днестровского лимана, ставшее известным по работам А.Т.Сми»ленко и А.А.Козловского (Смиленко, Козловский, 1987). Среди нескольких квадратных полуземлянок здесь обнаружена одна юртообразная постройка (Рис. 21, *5*). Она имела форму довольно правильного удлиненного овала с характерным для юртообразных построек Восточной Европы заглублением котлована — 45 см. В отношении же размеров у публикаторов имеются некоторые расхождения: в тексте —2,65 х 2 м, а по рисунку примерно 3,80 х 3 м. Очага в постройке не оказалось. Самое же примечательное в ней — это конусовидная хозяйственная яма, чуть выходящая за контур котлована. С подобными ямами мы уже не однократно встречались и в юртообразных жилищах других памятников, в том числе Правобережного Цимлянского городища. Поселение Шабо по керамике датировано IX в., что же касается юртообразной постройки, то авторы раскопок вполне справедливо рассматривают ее как кочевнический элемент в славянской среде поселения (Смиленко, Козловский, 1987. С. 102).

БОГАТОЕ, ПОСЕЛЕНИЕ

Исследованное теми же авторами на южном побережье оз.Катлабух Измаильского р-на Одесской обл. В отличие от поселения Шабо здесь, по мнению авторов, преобладают элементы салтовской культуры при наличии и славянских черт (Смиленко, Козловский, 1987. С. 110).

Открытая на поселении юртообразная постройка глубиной около 50 см имела овальную, но не совсем правильную форму (Рис. 21, *6*) с размерами 3,9 х 3,1 м. Вдоль южной и западной сторон жилища шел выступ шириной около 0,70 м при высоте 0,15 м. В северо-западном секторе жилища на останце грунта находился круглый очаг, рядом с которым была ямка диаметром 40 и глубиной 10 см. Еще одна примечательная черта — в жилище обнаружены в значительном числе куски обмазки с отпечатками камыша, столбиков и жердей толщиной до 10 см. Аналогичные остатки найдены и за пределами котлована. Вероятно, это следы стен турлучного типа. Итак, жилище Богатое значи-

тельно отличается от прочих юртообразных жилищ Восточной Европы сочетанием таких черт как выступ-ступень вдоль стен, очаг на "подиуме" и остатки турлука. В отношении последнего следует сказать, что он мог образовывать стену не на всю ее высоту, а опоясывать только ее основание. Поселение Богатое как и Шабо датируется IX в.

ЭТУЛИЯ, ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение на берегу оз.Кагул, Вулканештский р-н Молдавии. Жилище исследовано в 1973 г. (Чеботаренко, Щербакова, 1981. С. 141, 146). Котлован имеет правильные овальные, "яйцевидные" очертания, стенки отвесные, глубина около 60 см (Рис. 21, *4*). Размеры котлована 4,6 х 2,5 м. Около восточной стенки — овальный очаг, 70 х 50 см. Примечательно, что стенки котлована покрыты толстым слоем золы: явное указание, что он имел сплошную облицовку из материалов органического происхождения, но не глиняную. Сами публикаторы сопоставляют это жилище с юртообразными жилищами салтово-маяцкой культуры без указания на конкретные памятники. Сегодня можно указать на более близкую аналогию — жилище с поселения Шабо, имеющее близкие удлиненно-овальные очертания. Поселение Этулия датируется в пределах IX—XI вв., но более вероятная дата самого юртообразного жилища — IX в. по указанной аналогии.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ

Северо-Восточная Болгария, в географическом плане это правобережье Нижнего Дуная, является крайним западным пределом распространения юртообразных построек. Определяется это прежде всего природным факторов: здесь заканчивается Великая Степь. Соответственно, здесь проходит и самая западная, точнее юго-западная граница кочевания. Вместе с тем ограниченность территории этого западного участка степи привела праболгар к необходимости ускоренного перехода к оседлости. В немалой мере это происходило и под влиянием местного оседлого славянского населения.

Еще в 1973 г. Ж.Выжарова достаточно точно определила территорию распространения памятников праболгар, осевших южнее Дуная, обратив внимание, что именно на этой территории находятся и известные тогда четыре поселения с юртообразными постройками: Блысково, Виница, Гарван и Нова Черна (Въжарова, 1973. С. 255, 261). Весьма показательно, что и все открытия юртообразных построек в последующие годы происходили исключительно в данном регионе. Таким образом, граница распространения юртообразных построек в Северо-Восточной Болгарии определяется с предельной точностью: она начинается в районе г.Варны и тянется в западном направлении по левобережью р.Камчия -Большая Камчия (Голяма Камчия), далее отклоняется к северу к верховьям системы р.Русенский Лом и наконец выходит к р.Янтра (Рис. 22).

Исторический процесс появления в Подунавье праболгар, их оседания и сложения Первого Болгарского царства многократно описывался. В данном случае важно отметить другое. В упомянутых природно-географических (не говоря о прочих) условиях процесс оседания праболгар Аспаруха протекал столь стремительно, что единая форма юртообразного жилища у них просто не успела сложиться. В Болгарии нет и двух поселений с одинаковым типом юртообразных жилищ. В этом главная особенность развития юртообразного домостроения региона. В связи с этим предлагаемый ниже перечень поселений с юртообразными жилищами построен не по географическому принципу, которого я придерживался до сих пор, а типологическому: от жилищ в большей степени сохранивших признаки юртообразности к жилищам, их в значительной степени утратившим. Впрочем, и этот принцип не всегда удается выдержать. В качестве предварительного пояснения к предлагаемому списку памятников: в республике Болгария сводных работ по юртообразным жилищам до настоящего времени не было, и данный список собиравшийся по многочисленным изданиям, является первым и, вероятно, не совсем полным, но включает большинство из известных[18].

БЛЫСКОВО (БЛЪСКОВО)

Поселение, расположенное восточнее г.Варны. В 1967 г. известный болгарский археолог Дм.Ил.Димитров исследовал здесь шесть жилищ, из которых пять — прямоугольные полуземлянки, шестое — юртообразная постройка (Димитров Дм., 1973). От нее хорошо сохранился котлован (глубина около 30 см) размером 4,50 х 3,70 м (Рис. 23, *1*). Стенки котлована вертикальные, пол горизонтальный. В восточной стене имелся выступ-ступенька, без сомнения, место входа. В юго-западной стене устроен овальный выступ диаметром около 1 м. Дм.Димитров предполагает, что это домашний алтарь. Согласиться с этим нельзя. Подобные выступы встречаются в юртообразных жилищах многих поселений, начиная с Правобережного Цимлянского городища и, как уже неоднократно указывалось, имеют хозяйственное назначение. В северо-западном секторе — круглый слегка заглубленный очаг диаметром 70 см. Очаг имел несколько слоев глиняной подмазки; на краю и рядом с ним лежало несколько сильно прокаленных камней, керамика, несколько больших кусков шлака.

Самой выразительной особенностью конструкции жилища являются лунки от кольев каркаса стен, проходящие вокруг котлована в один — два ряда на ряда на расстоянии 30—

60 см от его края. Глубина их достигала 20—27 см, диаметр 6—11 см. В некоторых местах около стен обнаружены куски глиняной обмазки с примесью соломы, следами от колов и грубо заглаженной поверхностью. Эта находка дала основание реконструировать стены как турлучные. Их высота по расчетам Дм.Димитрова достигала 1,5 м. Найденные на полу радиально лежавшие обгоревшие жерди позволили реконструировать крышу как коническую, вероятно с соломенным или камышовым покрытием. С полным основанием Дм.Димитров по общим конструктивным элементам в качестве аналога постройке из Блыскова указывает жилища Правобережного Цимлянского городища. К этому добавлю, что обнаруженные за пределами котлована лунки жилища Блысково подтверждают уже приводившееся предположение о том, что аналогичную конструкцию стен могли иметь и многие жилища того же Правобережного городища, а так же ряда других памятников. Юртообразное жилище Блысково является единственным в Болгарии, имеющим полные аналогии на памятниках бассейна Дона.

КЛАДЕНЦИ

Укрепление, расположенное в 30 км северо-западнее г.Добрич (одно время именовался Толбухин). Исследовалось в 1960—1966 гг. С.Станчевым (Ваклиновым). Среди более двадцати преимущественно прямоугольных жилищ обнаружено одно восьмеркообразное. Впервые его план был опубликован в 1964 г. (Станчев, 1964. С. 42). В вышедшей позднее специально посвященной памятнику монографии дано более подробное описание этого жилища, имеющего порядковый номер V (Ваклинов, Станилов, 1981. С. 20—21).

Постройка V относится практически к числу наземных: она заглублена лишь на несколько сантиметров (Рис. 23, *2*). Среди известных в Болгарии жилищ она выделяется ярко выраженными удлиненными очертаниями с некоторым сужением почти по середине длинных сторон, что предполагает разделение ее на два помещения. Действительно, при длине 6,1 и ширине 3 м она примерно равна двум обычным жилищам юртообразного типа с размерами 3 х 3 м. Изначальное деление на два условных помещения подтверждает использование двух очагов. Один, у восточной стены, больший по площади, был, вероятно, основным. Второй, южный, -дополнительным. Естественно, данное деление на два помещения было функциональным — перегородки между ними, конечно, не было. Пол имеет два слоя обмазки глиной.

Обращает внимание, что у жилища не обнаружены столбовые лунки ни снаружи, ни внутри. Судя по пристенному расположению очагов и отсутствию ямок в глиняной обмазке пола, можно сделать вывод о том, что каркас стен располагался на значительном отдалении от контуров пола. Вероятно, так же стояли стенки и у юртообразного жилища № 1 из Плиски (см. далее).

В целом укрепление Кладенци датируется в пределах конца VII — начала VIII—XI в. Жилище V стратиграфически относится к первому этапу жизни укрепления и может быть датировано в пределах от основания укрепления до IX в.

В завершение этого краткого раздела о жилище из Кладенцов хочу подчеркнуть, что и сам Ст.Станчев (Ваклинов) рассматривает его как юртообразное (Ваклинов, 1977. С. 97, рис.).

СТЫРМЕН (СТЪРМЕН)

Поселение на правобережье р.Янтра у г.Бяла в Русенском округе. Исследовалось в период 1962—1968 гг. и издано коллективом исследователей (Стърмен, 1982).

На поселении среди разного типа сооружений и построек выявлена почти круглая, хотя и с неровной линией стен юртообразная постройка размером 3,4 х 3 м и глубиной 60 см (Рис. 23, *3*). Вдоль восточной и северной стен открыто несколько лунок диаметром 12—20 см. Очага в постройке не оказалось. По всем признакам данная постройка безусловно должна быть отнесена к юртообразным. Как отметил и сам ее публикатор Г.Джингов "по плану напоминает номадские юрты" (Стърмен, 1982. С. 15). Я должен, однако, обратить внимание на очень важную особенность, отличающую постройку из Стырмена от юртообразных жилищ того же Подонья — это значительный диаметр находившихся в ней опор. Замена жердей столбами произошла под влиянием местного славянского домостроения. Котлован жилища впоследствии был использован в качестве мусорной ямы, в заполнении которой обнаружено несколько сот фрагментов керамики IX—X вв.

Юртообразная постройка поселения Стырмен, кажется, является на сегодня самой западной для всего восточно-европейского ареала, однако, более чем вероятно, что юртообразные жилища могут быть обнаружены на Придунайской равнине значительно западнее.

НОВА ЧЕРНА

Поселение в долине Дуная на западе Силистренского округа. Исследовалось Ат.Милчевым и Ст.Ангеловой в 1967 г. и неоднократно публиковалось ими и использовалось другими авторами (Милчев, Ангелова, 1969, 1970, 1971; Въжарова, 1981. С. 20). Среди жилищ прочих типов на поселении раскопано два уникальных юртообразных.

Жилище № 1 (Рис. 23, 4). Представляет собой чрезвычайно глубокий — 0,90—1,47 м — для юртообразных построек котлован не совсем правильной четырехугольной формы, 3,95 х 3,75 м. Пол из утрамбованной глины, глиняную обмазку имели и стены. На полу, но не вдоль стен, а по овалу располагались 32 лунки от кольев, имевших небольшой наклон к центру постройки. Наземная часть, как предполагают исследователи, в результате этого была конусовидной. О материале стен судить трудно, но хочу обратить внимание, что ямки каркаса шли не в один, а в два ряда, что напоминает жилище из Блысково. Самое примечательное в жилище — это каменная печь сводчатой конструкции, сложенная в юго-западном углу.

Жилище № 2 (Рис. 23, 5). В его очертаниях также видна подпрямоугольность, но стены заметно округлены (часть жилища нарушена поздней постройкой). По параметрам оно почти аналогично первому — 4,25 х 3,90 м при глубине самого котлована 1,10—1,35 м. По периметру обмазанного глиной пола проходит серия довольно нерегулярно расположенных лунок от стоявших наклонно к центру кольев или жердей. Часть лунок отношения к каркасу не имели. Отличительная черта жилища — размещение каменной печи почти в центре, то есть на месте традиционном для очагов в юртах и юртообразных жилищах. Насколько мне известно, расположение печи в центре зафиксировано только в данном жилище Нова Черны и нигде более.

Не вызывает сомнений, что в жилищах №№ 1 и 2 мы имеем уникальный случай совмещения наиболее характерных признаков славянской полуземлянки (большая глубина и подпрямоугольность котлована, печи) и юртообразных (круговая система жердевого каркаса, размещение печи в центре).

По мнению Ат.Милчева "юртообразные жилища (Нова Черны) и найденные в них материалы связываются с протоболгарами, жившими совместно со славянами и начавшими ассимилироваться еще в VIII в. Эти две юрты уже не легкие наземные жилища, как известные нам по другим поселениям и городищам, но вкопанные в землю и приближающиеся скорее к полуземлянкам, характерным для оседлого славянского, но не для протоболгарского населения" (Милчев, 1973. С. 124).

Юртообразные жилища Нова Черны стратиграфически и по керамическому материалу датируются первой половиной VIII в. (Милчев, Ангелова, 1971. С. 24—27).

Присутствие праболгарского населения в Нова Черны подтверждается и необычным для Болгарии погребением коня в круглой яме. Голова отрезана и положена за шеей, отчленены и ноги. Погребение датируется как и юртообразные постройки самым концом VII — первой половиной VIII в. (Милчев, Ангелова, 1971. С. 28). Аналогии данному захоронению можно найти на ряде памятников салтово-маяцкой культуры. Захоронения лошадей в круглых ямах открыты в Саркеле и на Маяцком поселении. В Болгарии кости лошади есть в жертвеннике в юртообразном жилище в Гарване (см. далее) и ряде других праболгарских памятниках.

ВИНИЦА

Поселение на р.Большая (Голяма) Камчия в районе Великого Преслава, Шуменский округ. Исследовано В.Антоновой (Антонова, 1967) в 1965 г.

Основным видом жилищ на поселении были прямоугольные полуземлянки, аналогичные им были и прямоугольные наземные жилища, так называемые колиби.

К наземным колиби отнесено и обнаруженное на раскопе I и неудачно названное эллипсовидным наземное жилище (Антонова, 1967. С. 4—5, рис. 4). Речь идет о жилище с прямыми длинными стенами и скругленными короткими. Его размеры 4,3 х 3,4 м (Рис. 23, 6). Вдоль трех стен с различными интервалами располагались лунки от прямоугольных опор с сечением 10 х 12 см. У западной стены небольшая вымостка из камней в одном углу и круглый очаг в другом. На полу и около жилища отдельные камни. По предположению В.Антоновой они лежали на крыше, однако, вероятнее они укрепляли основание стен, что известно на примере других памятников. Стены как данного жилища, так и прочих наземных жилищ Виницы вероятнее всего были турлучными. Во всяком случае две изогнутых стены не предполагают использование в них негибких материалов (бревна, доски).

Должен отметить, что за исключением коротких скругленных стен данное жилище по своей конструкции практически не отличается от большинства жилищ поселения, которые имели не только очаги, но в большинстве печи. В целом домостроительная техника поселения Виницы значительно отличается от таковой на других раннеболгарских поселениях.

В.Антонова полагает, что "очаги, как и эллипсовидные с закругленными стенами колиби характерны скорее для населения, привыкшего к номадскому образу жизни, какими были праболгары..." (Антонова, 1967. С. 26). До некоторой степени с этим можно согласиться. Однако указанные в качестве аналогий жилища из Кладенцов и Подонья таковыми не являются. До настоящего времени жилища с подобной планировкой отмечены только на поселении Дуранкулак, где их называют "двуабсидными" (Тодорова, 1969. С. 36) и также относят к юртообразным. Восточнее подобные постройки мне неизвестны.

ДУРАНКУЛАК

Поселение расположено на Большом острове на озере Дуранкулак на самом северо-востоке Болгарии. Исследовалось под руководством Х.Тодоровой (Дуранкулак, 1989). Поселение раскопано полностью и представляет собой один из значительных поселенческих памятников Болгарии (Флёров, 1992б; Станилов, 1992). Особенность домостроения Дуранкулака — использование камня для облицовки котлованов всех жилищ независимо от их типов. Действительно, в степной зоне Восточной Европы нет ни одного другого поселения, на котором все без исключения котлованы юртообразных построек имели бы каменную облицовку. Объясняется это исключительно тем, что Большой остров сложен из мягких пород камня, разработка которого не представляет трудности. Замечу, что удачное использование местного строительного сырья недавними кочевниками лишний раз подтверждает их творческие возможности и способность умело использовать местные благоприятные природные условия.

Всего на поселении открыто 222 постройки, преимущественно прямоугольные полуземлянки. К юртообразным относятся 14 типологически не различающихся овальных и круглых жилищ (Тодорова, 1989. С. 34—36). Несмотря на некоторые различия в размерах и очертаниях, овально-круглые постройки Дуранкулака достаточно единообразны. Основное и принципиальное различие среди них — в типе отопительного сооружения: очаг или каменная печь.

Примером жилища с очагом служит постройка № 30 (Рис. 23, *7*). Ее размеры 5,20 х 4,70 м. Стены котлована глубиной не менее 25 см по всему периметру выложены необработанными плитками камня; на месте обращенного на юг входа в кладке разрыв. Пол обмазан глиной. Почти в геометрическом центре сделан открытый круглый очажок диаметром 55 см. По внешней стороне постройки около входа, а также с востока и севера отмечены лунки жердевых опор. Надо полагать, таковых было значительно больше и они шли по всему внешнему периметру сооружения. Итак, постройка № 30 представляет собой "классический" образец юртообразного жилища, имеющего все его основные признаки: круглый неглубокий котлован, вход с юга, лунки жердевого каркаса, очаг в центре. Местная традиция сказалась только в появлении каменной облицовки, в общем-то ничего в интерьере жилища не изменившей. Я вполне допускаю, как предполагает Х.Тодорова, что подобные жилища могли иметь покрытие из кошмы, но прямых доказательств этому нет.

Примером круглого жилища с печью является постройка № 80 (Рис. 23, *8*). Ее диаметр около 4,5 м при глубине 75 см. Стены котлована тщательно выложены камнем и обмазаны глиной как и пол. Вход, обращенный на юг, оформлен в виде короткого коридорчика. По краю котлована с южной стороны постройки через равные интервалы шли лунки от кольев диаметром 3—5 см. Самым главным объектом интерьера была купольная печь-каменка, занимавшая большую часть площади. Такое сочетание, как небольшое круглое помещение и громадная по сравнению с ним печь, было явно неудачным. Интересно, что в жилище № 179 эта проблема была решена путем выноса печи за контур жилища. Кстати, таким же образом устраивались печи на поселении Гарван (см. далее).

Овально-круглые постройки были не только стадиально, но и фактически наиболее ранними на поселении. Именно вокруг каждой из них постепенной формировались "дворы" из уже упомянутых прямоугольных построек, а сами первоначальные юртообразные жилища явно сохранялись как символический центр родового участка поселения.

Стремление сохранить прежний быт даже в прямоугольных жилищах проявилось в жилище № 61, прямоугольной формы, в котором очаг

остался, несмотря на наличие печи. И все же надо признать, что благодаря неоспоримым преимуществам печь практически вытесняла очаг даже в округлых юртообразных постройках.

К юртообразным на поселении Дуранкулак относятся также наземные постройки "колиби", конструкция которых прослеживается довольно плохо. Интересно, что буквально все они имели в качестве отопительного сооружения только очаги. Не думаю, что это объясняется только приниженным социальным статусом их обитателей, как полагает Х.Тодорова (Тодорова, 1989. С. 43). Колиби, как наземные постройки были вообще наиболее близки прежним кочевническим традициям.

Наконец, к сохраняющим юртообразность форм на поселении относятся так называемые "двуабсидные" или "одноабсидные" постройки, которые Х.Тодорова рассматривает в качестве переходных форм от круглых жилищ к прямоугольным.

Поселение Дуранкулак является пока единичным болгарским памятником Восточной Европы, на котором прослеживаются все этапы эволюции домостроения: 1 — наземные или слегка заглубленные наземные постройки с очагами, т.н. колиби, 2 — овально-круглые юртообразные постройки с очагами, 3 — овально-круглые постройки с купольными печами, 4 — так называемые "одноабсидные и двуабсидные" постройки как одна из возможных форм переходного типа жилища, 5 — постройки прямоугольных очертаний. Разумеется, и это отмечает Х.Тодорова, в реальной жизни поселения разные типы жилищ сосуществовали, но, в целом, построенная схема действовала, что подтверждается стратиграфией: овально-круглые постройки относятся к периоду основания поселения и впоследствии перекрываются постройками прямоугольных очертаний (Тодорова, 1989. С. 53—62).

Поселение Дуранкулак по целому ряду признаков довольно точно датируется серединой IX — концом X в.

ГАРВАН

Поселение на севере Болгарии в Силистренском округе. Большие раскопки на памятнике произвела в 1964—1980 гг. Ж.Выжарова, неоднократно публиковавшая о нем предварительную информацию (Въжарова, 1966, 1981. С. 19), а затем представившая и полную публикацию, хотя и в сжатом виде (Въжарова, 1986).

Всего на поселении открыто более 120 жилищ разных видов, из которых к юртообразным Ж.Выжарова отнесла только № 29, 32, 44а, 45, 57.

Жилища поселения имеют чрезвычайно выразительную особенность: выкопанные в грунте печи, обращенные устьями в жилища. Эта же особенность присуща и юртообразным. Такое планировочное решение позволяло, с одной стороны, сохранить площадь и привычный интерьер жилища недавнего кочевника, а с другой стороны, использовать более совершенное, нежели очаг, отопительное устройство, символизировавшее в свою очередь сформировавшийся оседлый быт. И все же в некоторых жилищах наряду с печью использовались и очажки. Такая картина как нельзя лучше отражает завершающую стадию перехода к оседлости. Последняя стала уже реальностью, но еще остаются крепкими традиции прежнего кочевого образа жизни.

Вторая особенность, вызванная первой: из-за необходимости устройства печи котлованы должны были заглубляться в значительно большей степени, нежели обычно.

Несмотря на указанные особенности, два из пяти выделенных Ж.Выжаровой жилищ, № 29 и 32, могут служить образцами юртообразных по своей планировке и строению каркасов.

Жилище № 29 (Рис. 24, *29*) имело почти круглый — 3,00 х 3,20 м — котлован глубиной до 1,20 м. На полу по периметру, но на некотором удалении от стен, с интервалами в 30—60 см сохранились лунки от опор диаметром 8—10 см и глубиной 10 см. С юго-запада к котловану пристроена сводчатая печь. На полу около ее устья — лунка от столба и две аналогичные лунки у противоположной стены. Их диаметр до 20 см.

Кочевнические традиции обитателей жилища сказались в жертвоприношении в виде ноги лошади в яме пола жилища.

Жилище № 32 (Рис. 24, *32*) овальное с размерами котлована 3,80 х 3,50 м при глубине до 1 м от современной поверхности. По периметру пола чрезвычайно равномерно за исключением двух распределены лунки и ямка диаметром 30 и глубиной 30—40 см. Ж.Выжарова ничего не сообщает о ее назначении. Полагаю, что она была хозяйственной, поскольку опора толщиной в 30 см для такой постройки была бы просто излишней.

С запада к котловану пристроена печь, а в самом жилище — небольшой очажок, обложенный камнем.

Главное отличие данного жилища от жилища № 29 в расположении каркасных опор непосредственно около стен, в то время как в первом случае они находились на некотором удалении.

Постройка № 44а (Рис. 24, *44а*), судя по небольшим размерам — 2,20 х 2,00 м не была жилой. Ее особенность в расположении лунок: две линии у противоположных стен и одна против печи, находящейся с северо-запада.

Столь же невелика — диаметр 2,10 м — постройка № 45, сохранившаяся наполовину. В отличие от предыдущей, ямки каркаса здесь расположены как обычно: вдоль стен (Рис. 24, *45*). Особенность же данной постройки в расположенности печи на 45 см выше пола. Совершенно иным по планировке и принципу расположения опор каркаса было жилище № 57 (Рис. 24, *57*). У него "эллипсовидная", а точнее удлиненно-овальная форма с неровной линией стен. Размеры котлована 3,30 х 2,70 м. Неясна его глубина. По указаниям Ж.Выжаровой, жилище обнаружено на глубине 2,10 м от современной поверхности и врезано в материк на 25—30 см. Судя по разрезу, глубина составляла около 1,40 м. Лунки опор каркаса при диаметре от 8 до 20 см заглублялись в пол всего на 5—10 м. В отличие от других жилищ, в данном опоры стояли не сплошь по всему периметру пола, а пятью группами по несколько опор в каждой. Такая система неизвестна ни на одном другом памятнике Восточной Европы. В середине жилища была ямка диаметром 25 и глубиной 40 см. Как полагает исследовательница, здесь стоял центральный опорный столб (Въжарова, 1986. С. 128). Около ямки — пятно золы (очаг ?). У юго-восточного угла — печь из камня, устьем обращенная в помещение.

На мой взгляд, к юртообразным можно отнести также жилища № 43 и 44. Жилище № 43 (Рис. 24, *43*) имело неправильную овальную форму. Его размеры: 3,20 х 2,40 м, глубина 1,30 м от современной поверхности. Из двадцати лунок большинство сконцентрировано около одной стены.

Под № 44 (Рис. 24, *44*) проходит два жилища, из которых раннее овальное перекрывает более позднее с каменной печью у одной из стен. У обоих лунки вдоль стен распределяются довольно равномерно, что сближает их в этом отношении с жилищами № 29 и 32.

К сожалению, из-за нечеткости описания и условности опубликованных чертежей, которые я вынужден воспроизводить в том же виде, многое в устройстве жилищ поселения Гарван остается неясным. Несмотря на это, совершенно очевидно, что юртообразные постройки Гарвана представляют достаточно оригинальное явление в праболгарском домостроительстве.

Поселение Гарван, по определению Ж.Выжаровой, трехслойно. Первые два нижних слоя на основе находок керамики типа "Прага — Житомир — Корчак" и типа Луки Райковецкой датируются соответственно VI—VII и VII—VIII вв. (Въжарова, 1986, С. 72, 73). Юртообразные постройки автор относит к третьему периоду, в слое которого наряду с характерными видами праболгарской керамики встречаются и котлы с внутренними ушками, полностью аналогичные салтово-маяцким. Определение даты третьего слоя вызвало у исследовательницы явные затруднения, в итоге чего юртообразные постройки датируются ею в широких пределах от IX до XI вв. Последнюю дату — XI в. — вряд ли можно считать обоснованной, тем более, что и сама Ж.Выжарова на стр. 75 в целом датирует культуру праболгар в пределах конца X в. Остается констатировать, что хронология третьего периода жизни на поселении Гарван требует уточнения.

ПЛИСКА

В 1981 г. в самом центре города на пространстве между цитаделью, дворцом и языческим храмом, перестроенным позднее в христианский, Р.Рашев открыл две юртообразные постройки:рядовую и представительную, так называемую — ханскую (Рашев, 1982).

Постройка № 1 (Рашев, 1993. С. 185, 186) овальная, длинной осью ориентированная по линии С-Ю (Рис. 25), состоит из двух помещений: основного и хозяйственного отсека. Общая длина сооружения — 6,65 м. Основное помещение почти круглое с размерами 4,25 х 4,00 м. В отличие от прочих юртообразных построек Восточной Европы данная постройка не имела котлована с вертикальными стенками. Устройство ее оригинально: от краев жилища пол постепенно понижается к центру на глубину около 40 см. По аналогии с очагами такое устройство может быть названо тарелкообразным. Центральная часть размером 2 х 2 м — плоская, на ней располагается обычный очаг открытого типа. Второе, меньшее помещение примыкает к основному с севера. Оно овальное с размерами 3,40 х 2,65 м. Здесь располагалась большая конусовидная хозяйственная яма глубиной около 1,25 м. Р.Рашев полагает, что данная яма более позднего происхождения и к постройке отно-

шения не имеет. Позволю себе выразить в этом сомнение: яма чрезвычайно точно вписалась в контур помещения, что вряд ли было следствием случайности.

На полу открыта серия лунок. Значительная часть их сосредоточена в южной половине основного помещения. Есть лунки около и даже на месте очага. Несколько лунок зафиксировано вдоль южного, восточного и северного краев постройки. Среди них заметно выделяются несколько, в том числе ямка прямоугольных очертаний у южного края постройки. Ее сечение примерно, судя по опубликованному чертежу, 25 х 25 см. Лунка прямоугольных очертаний несколько меньших размеров есть у юго-восточного края жилища (к сожалению, в указанной публикации Р.Рашев дал размеры всех лунок суммарно: "ямки от вертикальных деревянных кольев диаметром и глубиной 0,07—0,28 м").

Оба помещения разделяла ограда, от которой сохранилось несколько лунок, в том числе две прямоугольные, у западной стены постройки и одна аналогичная — в середине оградки. Сечение этих лунок примерно 10 х 20—25 см. Нельзя не обратить внимание на полное отсутствие лунок вдоль западного края основного помещения. В то же время две прямоугольные расположенные рядом лунки находятся за пределами постройки с восточной стороны, и две разрозненные, от достаточно массивных опор, — с южной стороны. Оба этих наблюдения наводят на мысль, что стены постройки находились на значительном удалении от "котлована".

Постройка погибла в огне. Обожженным был не только пол, но и окружавшее котлован пространство. Это дополнительно подтверждает мое предположение о том, что стены стояли за пределами котлована.

Вход конструктивно не прослеживается. Р.Рашев предполагает, что он находился с южной стороны. Предположение основано на трактовке расположенных у южной стенки жилища лунок в качестве следов "небольшого вестибюля". Полагаю, что от попытки определения входа надо отказаться. Ясно лишь одно: он не мог быть с северной стороны, где расположен хозяйственный отсек.

Постройка № 1 уникальная и не имеет прямых аналогов. В ней совмещаются черты наземного жилища, выраженные в оригинальной конструкции котлована, с признаками стационарного: массивные прямоугольные сечения опор.

Постройка находится примерно в 20 м от ханской юрты и, вероятно, входила в комплекс, имевший к ней прямое отношение. В окружении ханской юрты подобных юртообразных жилищ, конечно, было много. По поводу этой находки Р.Рашев пишет: "... нет сомнения, что до начала монументального каменного строительства (не раньше конца VIII в.) центр столицы состоял из обычных юрт и юртообразных построек, сохраняющих традиции исконного кочевого жилища" (Рашев, 1993. С. 188).

Должен упомянуть толкование постройки № 1, предложенное П.Георгиевым. По его мнению, она не случайно оказалась в непосредственной близости к большому языческому храму Плиски, но непосредственно входила в его комплекс. Сам же храм трактуется как поминальное, мемориальное сооружение. Проблема предназначения храма выходит за рамки нашей темы, что касается юртообразной постройки, то доводы П.Георгиева таковы: 1 — постройка расположена на одной оси с храмом; 2 — необычная конструкция пола, наклоненного от периферии к центру; 3 — следы огня, в том числе за пределами котлована; 4 — находки под пеплом преднамеренно, по его мнению, разбитого сосуда, обгорелых костей животных: овцы, крупного рогатого скота и, "может быть", коня, трактуемые в качестве "поминальных даров"; 5 — заполнение котлована чистой глиной. В качестве аналога привлекаются материалы тюркских памятников Центральной Азии, в частности Сарыг Булуна (Кызласов, 1969. С. 32 и сл.). В итоге автор рассматривает постройку № 1 в качестве поминального сооружения, которое после обрядов, проводимых шаманом, сжигалось (Георгиев, 1989. С. 346). Признаки, выделенные П.Георгиевым, безусловно заслуживают внимания, но, взятые порознь, не выглядят достаточно убедительно. Следы огня могли остаться после обычного пожара, а разбитый сосуд и кости быть просто кухонными отбросами. Заполнение же котлована глиной произведено для нивелировки дворцовой площади (Рашев, 1993. С. 185). Трудно объяснить очень неудобное устройство пола с наклоном к центру. Но не следует забывать, что по краям котлована он был горизонтальным. П.Георгиев вообще не комментирует лунки за пределами котлована, а также внутри него. Не обращено внимания и на хозяйственную яму и отделяющую оба помещения постройки ограду. Главное же возражение П.Георгиеву заключается в более чем вероятной разновременности большого ка-

менного языческого храма и юртообразной постройки. Последнюю, как и большую представительную постройку (см.далее) Р.Рашев относит ко времени "до начала монументального каменного строительства" в Плиске, т.е. "не раньше конца VIII в." (Рашев, 1989. С. 188). П.Георгиев начало сооружения храма относит ко второму десятилетию IX в. (Георгиев, 1989. С. 348). Я не располагаю данными для собственного суждения ϕ хронологии этих объектов, но расхождения между двумя исследователями налицо. В аспекте же нашей темы существеннее не разногласия между ними, а их единодушие в оценке постройки № 1 как юртообразной.

Теперь вернемся к первому доводу П.Георгиева. Если храм и юртообразная постройка разновременны, то их расположение на одной оси является случайным. Правда не исключено, что на месте каменного храма первоначально стоял деревянный, но тут мы рискуем уйти в область предположений совершенно не подкрепленных материалами раскопок.

Постройка № 2 (Рис. 26), представительная или ханская юрта. Это уникальное сооружение прекрасно опубликовано (Рашев, Дочева, 1989; Рашев, 1993), что избавляет меня от необходимости подробного описания.

Остатки жилища зафиксированы в виде нескольких десятков столбовых ям, большинство из которых образуют две правильные окружности. В центре находилась большая яма глубиной 1,80 м, в которой были установлены пригнанные друг к другу два столба диаметром по 20 см. Это центральная опора сооружения. Вокруг центра проходило первое, внутреннее, кольцо ям, в которых установились столбы диаметром по 15—20 см. Сечение ям до 1,5 х 0,8 м при глубине до 1,2 м. Диаметр этого кольца составлял 7,8—8,0 м. Диаметр следующего кольца ям — 13—14 м. Глубина ям достигала 2,5 м. Диаметры столбов в этом кольце от 25 до 50 см, а расстояние между ними 1—2 м.

С южной стороны к постройке подходят два ряда ям длиной около 17 м. Расстояние между рядами около 5 м. Во многих ямах постройки под столбы укладывались кирпичи или делались "подушки" из плотно утрамбованного грунта.

В результате архитектурного анализа плана столбовых ям Р.Рашев в сотрудничестве с архитектором В.Дочевой создали реконструкцию постройки (Рис. 27). Она представляется исследователям в виде восьмиугольного сооружения с длиной каждой стороны в 6,0—6,5 м. Постройка стоит на платформе, на которую с юга ведет широкая парадная лестница.

Безусловно, о деталях данной реконструкции можно спорить, не забывая при этом, что в любой реконструкции имеется элемент условности. Принципиальное же решение мне представляется верным, а именно: 1 — постройка была многогранной, 2 — она была приподнята над землей (на какую высоту — это уже особого значения не имеет), 3 — в постройку с юга вела лестница или пандус. Вполне правомочными представляются приводимые Р.Рашевым аналогии с монгольскими юртообразными сооружениями (Майдар, 1970. С. 33—37). Эти аналогии могут быть дополнены (Кондратьева, 1935). Однако, даже если полностью отказаться от любого варианта реконструкции вообще, не вызывает сомнений, что перед нами остатки здания юртообразного с круглым или многоугольным планом и входом с южной стороны[19].

Обе юртообразные постройки относятся к раннему, "докаменному" этапу жизни Плиски и по стратиграфическим данным датированы не позднее середины VIII в. (Рашев, 1993. С. 187).

Еще одна юртообразная постройка была открыта в Плиске советским отрядом под руководством С.А.Плетневой в ходе раскопок 1977—1980 гг. Она также находилась во Внутреннем городе, но уже не в центре, а в юго-восточном углу, где зафиксирована под № 8 (Плетнева, 1992. С. 47).

Это округлое в плане жилище с котлованом глубиной около 1 м. Какие-либо ямки или лунки в нем не выявлены, но следует иметь в виду, что северный и южный края котлована уничтожены более поздней крепостной стеной. Самое примечательное в жилище — это пристроенный к восточной стене очаг, обложенный с трех сторон камнем. Конструктивно он напоминает славянскую печь-каменку, но не имел свода. По определению С.А.Плетневой "округлые очертания самого жилища, конструкция очага говорят о том, что выстроено жилище не славянами, хотя безусловно под их влиянием. С таким определением следует полностью согласиться, но привлекаемая аналогия — жилище Новолимаревского поселения (Рис. 14, *2*) — неудачна. При сходстве глубин новолимаревское жилище отличает центральное расположение очага и пристенные лунки. Значительно больше сходства жилище № 8 имеет с круглыми жилищами с пристроенными к стенам печами-каменками и без лунок у стен поселения Дуранкулак. В ка-

честве примера укажу на жилище № 80 (Рис. 23, *8*). Ранние округлые с печами-каменками жилища Дуранкулака датируются серединой IX в. Открытие жилища № 8 показало, что сооружение в юртообразных жилищах славянских отопительных устройств начинает практиковаться значительно раньше. Стратиграфически жилище № 8 Плиски датируется не ранее середины VIII в.

С открытием постройки № 8 становится очевидным, что юртообразные жилища имели в ранней Плиске широкое распространение и могут быть в дальнейшем обнаружены в любом месте Внутреннего и Внешнего укреплений.

Это открытие важно и в другом плане. Оно показало, что внедрение в праболгарские юртообразные постройки элементов славянского жилища начинается одновременно с переходом к постоянной оседлости, а не позднее, как можно было думать, судя по раскопкам Дуранкулака. В этом отношении постройка № 8 Плиски может быть поставлена в один ряд с юртообразными жилищами Нова Черны, которые также датируются не ранее середины VIII в.

БАЛЧИК

Раннесредневековое поселение на территории г.Балчик на побережье Черного моря на северо-востоке Болгарии, исследуется М.Димитровым (Димитров М., 1981, 1984). По встречающимся в литературе сведениям здесь открыто жилище с каменной облицовкой, относимое к юртообразным. Насколько мне известно, чертеж и описание этого жилища не изданы. Судя же по фотографии, опубликованной Дм.Ил.Димитровым (Димитров Д., 1987. Фото между с. 208, 209), это, вероятнее всего, не юртообразная постройка, а полуземлянка со стенами, выложенными камнем на высоту около 1,5 м. Причем каменная кладка не только облицовывает стены котлована, но и возвышается над дневной поверхностью. До публикации этого объекта отнесение его в юртообразным следует оставить под вопросом, хотя он и имеет не совсем правильные, но все же овальные очертания.

ЯТРУС — КРИВИНА

Поселение на месте позднеантичной крепости Ятрус, Русенский округ, низовья р.Янтра. Ж.Выжарова сообщает об открытии здесь "жилища эллипсовидной формы, без отопительного сооружения — основной керамический материал котлы с внутренними ушками, подобные современным металлическим котлам" (Въжарова, 1978. С. 113). Полная публикация этой постройки мне неизвестна. Не исключено, что данная постройка может относиться к юртообразным.

Примеры Балчика и Кривины показывают, что какая-то часть юртообразных построек северо-западной Болгарии остается пока неопубликованной. Так что список памятников с юртообразными постройками региона будет постепенно увеличиваться.

ДЕВНЯ

Модель юрты (Рис. 29). Найдена в раннеболгарском укреплении, возникшем на месте амфитеатра античного Марцианополиса (ныне Девня) в Варненском округе (Тончева, 1966). Этот уникальный и единственный в своем роде предмет получил широкую известность благодаря многочисленным публикациям (Димитров Дм., 1973. С. 106; 1987. С. 240, 241; Ваклинов, 1977. С. 91; Изкуство и култура, 1976. Рис. 1 и др.). Модели посвящено специальное исследование Р.Рашева (Рашев, 1976). Все это делает излишним повторение ее подробного описания. Напомню лишь основные данные.

Модель выполнена из белого известняка. Ее общая высота 8,4 см, высота стен юрты 5,9 см, диаметр у основания 6,6—8,6 см, диаметр у крыши 7,6—9,3 см. Как видно из последних параметров, модель несколько асимметрична, а в целом достаточно схематична.

Без сомнения, перед нами именно модель юрты, а не юртообразного жилища. Две врезанные линии в основании и вверху модели, вероятно, изображали ремни (веревки), которые крепили кошмовое покрытие. На мой взгляд, Р.Рашев ошибается, считая эти линии "деревянным скелетом жилища" (Рашев, 1976. С. 39). На крыше модели врезанными линиями явно изображены жерди, поддерживавшие такую же кошмовую кровлю.

В данной модели наибольший интерес в нашем случае представляют ее пропорции. Если высоту стен мы условно определили бы в 1,50 м, то ее диаметр будет равен 1,9—2,0 м. Для юрты используемой в качестве жилища это, безусловно, мало. Во всяком случае, юртообразные постройки с диаметром в 2 м пока неизвестны. Объяснений может быть два. 1. Модель изображает юрту неординарного назначения, возможно, культового. Об этом могут косвенно свидетельствовать вырезанные на ее поверхности изображения. 2. Исполнитель модели не

преследовал цель передать пропорции реального жилища, т.е. не вытачивал модель в современном понимании, а без соблюдения пропорций постарался передать только наиболее выразительные признаки реальной юрты: цилиндрический корпус, коническую крышу с ее деревянной основой, ремни, опоясывающие постройку. Об условности передачи говорит хотя бы изображение жердей на крыше модели. У реальной юрты они не видны.

Я полагаю, допустимы оба предположения, а вероятнее всего, в модели действительно не соблюдены пропорции реальной постройки, которая могла быть жилищем шамана. Как полагает Р.Рашев мужская фигура на стенке модели изображает именно шамана (Рашев, 1976. С. 41, 42).

Однако в несравненно большей степени важнее другое. Находка модели дает безусловное подтверждение бытования у праболгар настоящей юрты, совершенно идентичной юртам, засвидетельствованным этнографически и существующим в неизменном виде до настоящего времени. Это, в свою очередь, подтверждает предложенное в настоящей работе определение описанных жилищ как юртообразных, т.е. происходящих от кочевнической юрты.

К сожалению, модель из Девни не позволяет судить о конструкции ее каркаса. Мастер его не изобразил, и это вполне объяснимо. Крыша модели была свободна от каких-либо сцен, и поэтому мастер имел возможность вырезать на ней жерди перекрытия, хотя они, как я уже отмечал, и не должны быть видны. Боковая же поверхность модели предназначалась для вырезанной на ней сцены. Надо полагать, что весь смысл этой поделки заключался не в создании модели простого жилища, а именно в изображении шамана на фоне его жилища.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЮРТООБРАЗНЫХ ЖИЛИЩ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Как указывалось во введении, здесь не ставится задача исследования сложной проблематики происхождения кочевнической юрты — предшественницы юртообразных построек. Этот вопрос, требующий специального изучения и, как мне представляется, он все еще далек от разрешения, несмотря на предпринимаемые в этом направлении усилия. Не думаю, что процесс формирования юрты, т.е. переносного разборного жилища с решетчатым каркасом и войлочным покрытием был столь прямолинеен, как это представляется С.И.Вайнштейну, полагающему, что наиболее ранним прототипом юрты является только "хуннский тип жилища кочевников — полусферический шалаш с плетеным остовом" (Вайнштейн, 1976; 1991. С. 57). Сам исследователь по сути признает наличие разборных, крытых войлоком жилищ и у скифов (Вайнштейн, 1991. С. 47). Взгляд С.И.Вайнштейна на происхождение юрты разделяют не все исследователи (Кузьмина, Лившиц, 1987). Не вдаваясь в дискуссию по вопросу происхождения юрты, хочу отметить, что при характеристике юрты нельзя акцентировать внимание исключительно на одном ее качественном признаке — складных решетках. Не следует забывать и другой неотделимый от этого признак — круглый план. Кроме того надо учитывать возможность сосуществования прототипов юрт в виде круглых стационарных построек с постройками иного, в частности, многоугольного типа со столбовыми или жердевыми каркасами. Именно многоугольного, а не прямоугольного. Таким примером может служить Михайловское поселение таштыкской культуры, датируемое II—IV вв. Здесь наряду с серией восьмиугольных и семиугольных срубных жилищ (Мартынова, 1985) обнаружено одно совершенно круглоплановое диаметром 8 м (Мартынова, 1967). Не проводя прямой аналогии, напомню, что Плиска дала именно такое сочетание: восьмиугольной деревянной постройки с овальными.

Тюркская среда знала не только классическую решетчатую юрту, но и разборные постройки иного типа. Так, этнографическая группа "тюрк" в Узбекистане имеет разборные полусферические постройки следующей конструкции: их каркас сооружался из перекрещивающихся деревянных дуг, концы которых втыкались в землю. Большие дуги были составными. При разборке каркас такого жилища распадался на отдельные жерди. Нижняя часть жилища покрывалась камышовой циновкой, верхняя — кошмой. Диаметр такого сооружения составлял от 4—5 до 15 м (Кармышева, 1960. С. 17).

Приведу еще один пример,относящийся к кочевникам-азербайджанцам. Последние имели одновременно шесть (!) разновидностей "кибиток". Среди них "дая", имевшая круглую форму. Каркас ее составляли также не решетки, а попарно связанные противолежащие прутья — чубуки, концы которых по окружности втыкались в землю. У другой разновидности дая план был овальный, а по середине жилища устанавливался опорный столб. На эту овальную дая походил другой тип жилища — "каракеча", удлиненно-овальной формы. В центре ее также устанавливалась подпорка. Боковые стороны жилищ покрывались циновками, а верх — войлоками (Кобычев, 1957. С. 73, 74).

Примеры многообразия форм и конструкций жилищ кочевников, как древних, так и нового времени, можно было бы продолжить, но это уведет нас от темы. Важно другое: они недвусмысленно показывают, что кочевники раннего средневековья, в том числе праболгары, могли принести и, надо полагать, принесли в Восточную Европу не только классическую решетчатую юрту, но и круглые и овальные легкие разборные жилища других видов и с иным типом каркасов.

К этому надо добавить, что в самой Восточной Европе на заре раннего средневековья уже бытовали круглые жилища, напоминающие

праболгарские. Так в 1992 г. на Новинковском селище V (Волжский р-н Самарской обл.) Д.А.Сташенков исследовал круглоплановую постройку № 6 размерами 5,6 х 5,0 м, заглубленную в материк до 40 см. В центре две столбовые ямы диаметрами 30 и 40 см. В юго-западной части помещения открытый очаг (Сташенков, 1995. С. 269—271). Керамический материал из котлована относится к именьковской культуре, но как отмечает сам раскопщик, среди жилищ этой культуры данное аналогий не имеет. Новинковское селище предварительно продатировано VI—VII вв.[20]. Примечательно, что в Новинковском курганном могильнике I Д.А.Сташенков открыл серию погребений, которые могут быть отнесены по предварительному определению к праболгарам VII—VIII вв.

Итак, только многообразием видов праболгарских кочевнических жилищ, среди которых помимо решетчатой юрты могли быть и другие виды переносного жилища, и появлением в Восточной Европе круглоплановых жилищ в VI—VII вв. можно объяснить ту разноликость юртообразных построек VIII—X вв., которая нашла отражение на уже перечисленных памятниках. Строго говоря, в Восточной Европе нет и пары поселений с одинаковыми юртообразными жилищами. Различная конструкция прототипов в немалой степени поясняет эту ситуацию.

Все перечисленное чрезвычайно усложняет задачу классификации юртообразных жилищ. При наличии ряда общих для них признаков, однако, не существовало единого стандарта форм и размеров, который фиксируется для могильных сооружений. Примером может служить Маяцкий могильник (Флёров, 1993б. С. 6—11) или могильники с трупоположениями в ямах в Северо-Восточной Болгарии (Димитров Дм., 1987. С. 207—219). Соответственно, не полностью пригодны и методики, на основе которых разрабатывается типология могильных сооружений. Ввиду малой представительности каждого вида жилищ не пригодны и статистические методы. Они приемлемы разве что для сравнения площадей жилищ, что само по себе задачу классификации юртообразных построек не решает. Сугубо формализованная типология (по образцу "тип 1, тип 2, тип 3 и т.д.") не срабатывает в данном случае по той объективной причине, что такого строгого деления юртообразных жилищ не было и в реальной жизни. Это следует учитывать в первую очередь. Кроме того надо иметь ввиду, что юртообразные жилища не были массовым, повторяющимся видом построек. На большинстве поселения они единичны. Однако, даже при относительной многочисленности, как это отмечается на Правобережном Цимлянском городище или Дуранкулаке, жилища дают многочисленные варианты большинства признаков. Формализовать типологию удастся только с накоплением материалов в ходе новых раскопок, если появятся серии однообразных строений.

В настоящее время для юртообразных жилищ Восточной Европы можно выделить три группы самых основных признаков.

Группа первая — это признаки, (а правильнее сказать тенденция сохранить их) кочевнической юрты: 1. круглый план и как его вариант овальный план; 2. открытый очаг с расположением его преимущественно в центре; 3. наземность жилища.

Группа вторая — признаки собственно юртообразных стационарных жилищ недавно осевших кочевников: 1. заглубленность жилища; 2. лунки каркаса; 3. использование глины, отдельных камней.

Третья группа — признаки, заимствованные от славянских полуземлянок: 1. приближение очертаний жилища к прямоугольным; 2. столбовые опоры; 3. каменные кладки; 4. печи.

Не трудно заметить, что ни один из перечисленных признаков не однозначен. Так, первоначально круглый план жилища кочевника с переходом к оседлости теряет четкость очертаний или начинает приближаться к прямоугольности, как это произошло на Правобережном Цимлянском городище. Очаг, наряду с расположением в центре, смещается вплоть до примыкания к стенам. Чрезвычайно неустойчив такой признак как глубина котлована. Система же лунок отражает множественность систем каркасов. Печь совмещается с правильными круглыми или овальными очертаниями самого жилища (Дуранкулак, Гарван). Камни используются в наземном жилище (Каладжинское селище). И так далее.

На первый взгляд юртообразные постройки могут быть подразделены без особых проблем на наземные и заглубленные. Такое деление кажется очевидным только на первый взгляд и без учета прочих признаков и условий. Во-первых, те и другие по своему предназначению являются стационарными. Во-вторых, по типам каркасов стен они могут быть поразительно сходными (жилища Крымского городища и Каладжинского поселения). Одинаков в наземных и заглуб-

ленных жилищах тип отопительного сооружения — очаг, тяготеющий к центру (Витлянов, 1987. С. 420—423). Наконец, и те и другие могли быть турлучными. В итоге, степень заглубленности может отойти на второй план.

Наконец, надо постоянно помнить и то обстоятельство, что процесс сложения юртообразных жилищ протекал на разных территориях абсолютно независимо и несинхронно. На него влияли местные условия (от природных до политических) и аборигенное население, что особенно проявилось в Северо-Восточной Болгарии.

Есть и еще одно обстоятельство, которое не может не учитываться: признаки юртообразных жилищ в большинстве не взаимосвязаны и изменение одного могло происходить без всякого влияния на другое. Так колебания глубин котлованов не отражались на размерах и планировке жилища (Правобережное Цимлянское городище). Не влияли на планировку жилищ типы отопительных сооружений. Одинаковая система каркаса могла быть в наземных и заглубленных жилищах и так далее, в больших и малых, с печами и очагами.

Предлагаемая ниже систематизация юртообразных жилищ безусловно является предварительной. Она строится не общепринятым методом выявления объектов, в данном случае жилищ, с полным набором одинаковых признаков, а путем прослеживания распространения признаков наиболее характерных для той или иной группы жилищ. Дело в том, что **своеобразие облика жилищ того или иного памятника в большинстве случаев определяет всего один признак и значительно реже два-три.** Учитывая отмечавшиеся асинхронность и независимость формирования юртообразных жилищ разных территорий, систематизация может быть начала с любого памятника или региона. Начнем ее, используя тот же порядок изложения, то есть с Нижнего Дона, постепенно вовлекая в эту процедуру жилища прочих регионов.

1. Единственными в своем роде остаются жилища, точнее их следы в виде очагов, поселения у ст.Заплавской на Нижнем Дону. Определенно можно засвидетельствовать только их наземность. Прочие признаки неуловимы. Не исключается, что здесь зафиксированы собственно юрты. Во всяком случае отсутствие котлованов сомнений не вызывает. Стадиально и хронологически жилища у ст.Заплавская относятся к самым ранним — не позднее конца VIII века.

2. Серия жилищ, самым характерным признаком которых являются расположенные по периметру через более или менее постоянные интервалы лунки опор каркаса. Этот признак получил распространение у разных по прочим признакам жилищ Восточной Европы. Представлены они в наземном и заглубленном вариантах.

2.1. Образцом заглубленных является жилище с городища Крымского на Нижнем Дону (Рис. 2). Оно обладает полным набором черт юртообразного жилища: овальный план, заглубленность, круглый очаг. Шестнадцать лунок равномерно с интервалом в 30—40 см протянулись вдоль стен на полу котлована.

Не менее девятнадцати лунок в жилище № 58 Саркела (Рис. 14, *1*). Интервал между ними в среднем 40 см.

Менее устойчивы интервалы между лунками округлых жилищ Маяцкого селища, тем не менее такая тенденция в них проявляется вполне определенно. Большинство интервалов в этих жилищах составляет 30—90 см (Рис. 15).

Стремление сохранить такую же конструкцию каркаса просматривается в жилище Новолимаревского поселения (Рис. 14, *2*), но у него лунки с интервалами в 30—70 см зафиксированы не по всему периметру пола, а только вдоль западной и южной стенок. Данное жилище выделяется и прочими признаками — значительной глубиной котлована, нечеткость овала, появлением "кладовки" в виде овального выступа на юге.

Чрезвычайно выразительный образец жилищ с регулярно распределяемыми лунками внутри котлована дает поселение Гарван (Рис. 24). Особенно четкой эта система является в жилищах округло-овального плана — №№ 29 и 32. Расстояние между лунками в них соответственно 30—60 и 30—40 см при их количестве четырнадцать и тринадцать. Тенденция к регулярности распределения опор каркаса заметна и в других юртообразных жилищах Гарвана. Как вариант данной системы следует рассматривать группировку лунок по три-четыре в жилище № 57 (Рис. 24, *57*). Аналогов данному жилищу на других памятниках пока не обнаружено.

2.2. Наземные жилища с данной конструкцией каркаса ныне известны только на памятниках Прикубанья. Наибольшее сходство с жилищем Крымского городища обнаруживает постройка городища Первомайского (Рис. 17). Это касается прежде всего очертаний и размеров. Отличие в отсутствии в первомайском жи-

лище очага. Жилище зафиксировано в ходе раскопок исключительно по девяти лункам, расстояния между которыми в большинстве случаев 37—65 см и только у восточной стенки два интервала достигают одного метра. Создается впечатление, что здесь просто не выявлены две лунки. Возможно опоры в этих местах просто не были заглублены. Следует иметь в виду, что жилище залегало не на уровне материка, а в культурном слое. Не исключено, что его возможный не глубокий котлован просто не удалось проследить. Примечательно, что диаметр лунок обычен для юртообразных построек — 6—7 см.

2.3. Явно наземными были жилища Хумаринского городища и Каладжинского селища.

Количество лунок жилищ Каладжинского селища достигает 10—13, т.е. примерно такое же, как у заглубленных. Жерди каркаса распределены по периметру со средними интервалами в 30—40 см и с максимальным удалением до 100—130 см. Особенность каладжинских жилищ в появлении отдельных опор с прямоугольным сечением (Рис. 19—20).

2.4. Менее регулярны по интервалам цепочки лунок по периметрам построек Хумаринского городища (Рис. 18), хотя общее их число в жилищах №№ 3 и 5 не превышает уже известную цифру — 14 и 12 соответственно. Интервалы в них равны в большинстве 30—110 см, но некоторые расположены попарно в 10 см друг от друга. По частоте и общему количеству лунок выделяется только жилище № 3. Оно сохранилось на четверть, но ясно, что число лунок в нем могло достигать 36-ти при интервалах от 15 до 40 см. Особенность хумаринских жилищ состоит в размерах и сечениях лунок: очертания неправильные, а сечения достигали 20—26 см и даже 40.

Итак, в Подонье, Прикубанье и в Северо-Восточной Болгарии отмечено восемь памятников с регулярным или близким к тому распределением по периметру стен опор каркаса — Крымское, Саркел, Маяцкое, Новолимаревка, Первомайское, Каладжинское, Хумара, Гарван. Количество лунок в них от 9 до 19 и только в одном хумаринском предположительно до 36-ти. Наиболее распространенный интервал — 30—40 см, часто до 70 см и реже до 100—130 см.

3. Совершенно особняком, даже географически, среди построек с регулярной системой лунок стоит постройка с городища Биляра (Рис. 16). В ней сорок лунок расположенных с равномерностью, неизвестной в жилищах других памятников. При этом интервалы между лунками составляют в среднем всего 20—25 см. Я уже обращал внимание на то, что лунки заметно отстоят от стен котлована, от 10 до 20 см, что также является отличительной чертой этого сооружения.

Подобная частота каркасных лунок встречена только у полуземлянки № 5 Саркела (Сорокин, 1959. С. 196, рис. 35).

Не берусь определять чем вызвана необходимость возводить стены обоих строений на столь прочной основе. Возможно это объясняется особым их назначением: постройка из Саркела была кузницей, а билярская, вероятнее всего, использовалась в качестве хранилища каких-то припасов, возможно продуктовых.

4. Значительный материал для классификации юртообразных жилищ предоставляет Правобережное Цимлянское городище. Они с предельно возможной в ограниченном объеме настоящего исследования подробностью уже рассматривались. Выделим лишь главное.

Во-первых, все жилища крепости составляют по строительным приемам совершенно единую группу: снабжены котлованами со средней глубиной около 50 см; имеют нерегулярную систему лунок, разбросанных как у стен, так и по площади полов; многие оборудованы хозяйственными ямами и "кладовками"; очаги всегда расположены в центре (исключение — постройка № 43). Что касается пристенных лунок, то в них могли стоять не только жерди каркаса стен, но и каркаса облицовки котлованов. Отсюда вполне заслуживает внимания упоминавшееся предположение об установке стен за пределами котлованов.

Во-вторых, при полном единообразии строительных приемов и интерьера жилища Правобережной Цимлянской крепости совершенно определенно подразделяются на три основные группы: округло-овальные, подпрямоугольные и двухкамерные. Две последние есть результат эволюции первых.

4.1. Округло-овальные постройки являются наиболее распространенными в Восточной Европе. На Правобережном Цимлянском городище к ним относятся как жилища с контуром в виде почти правильной окружности (Рис. 3), так и утерявшие правильность очертаний (Рис. 8). В эту группу входит и "ханская" постройка № 12 (Рис. 13), отличающаяся от прочих главным образом своими размерами. Средний диаметр овально-округлых жилищ равен 3,15 м. У постройки № 12 он достигает семи метров.

В группу заглубленных округло-овальных жилищ с нерегулярной системой лунок входят жилища с ряда других памятников. Это жилище № 59 Саркела, имеющее нечеткие овальные очертания (Белецкий, 1959. С. 44, рис. 2). Жилище Новолимаревского поселения, которое по большинству признаков все-же ближе правобережным, нежели жилищам с регулярным расположением лунок.

Три юртообразные жилища Дмитриевского поселения (Рис. 14, *5—7*) являются наиболее близкими правобережным: круглые, заглубленные, нечеткая система лунок, размещение очагов в центре. В эту же группу входит и круглое слабо углубленное жилище селища Маяки (Рис. 14, *3*). К сожалению сохранность его неудовлетворительна, что не позволяет судить о его каркасе.

4.2. С некоторыми оговорками в данную группу введены и жилища более западных регионов. Их особенность — удлиненно-овальные котлованы. Это овальное жилище пеньковского поселения Осиповка с котлованом, но без лунок (Рис. 21, *1*). Близки ему жилища поселений Этулия, Шабо и Богатое в северо-западном Причерноморье (Рис. 21, *4—6*). Для всех четырех указанных жилищ остается проблематичным вопрос о системе каркасов, так как лунки в них не прослежены.

4.3. Аналогично цимлянским круглое жилище с поселения Стырмен (Рис. 23, *3*), но лунки в его котловане остались не от жердей, а более солидных опор с сечением в 12—20 см.

4.4. Как уникальная разновидность в группу включено жилище из Блысково (Рис. 23, *1*). Среди всех построек Болгарии оно наиболее близко цимлянским по всем ведущим признакам. Ее особенность — расположение каркаса за пределами котлована, причем опоры стояли в два ряда. Напомню, что на Правобережном Цимлянском городище также отмечены случаи расположения лунок по внешнему краю котлована, но в один ряд. Наиболее выразительный пример — жилище № 6 (Рис. 7).

Итак, округло-овальные жилища с разнообразными системами опор и неустойчивыми очертаниями котлованов распространены практически по всем регионам обитания праболгар, за исключением Прикубанья. В будущем с накоплением материала эта серия жилищ должна будет подвергнута более детальному и четкому делению.

5. Менее представительна группа жилищ Правобережного Цимлянского городища, главная особенность которых заключается в подпрямоугольной планировке. От округло-овальных их отличают и несколько большие размеры, о чем говорилось в соответствующем разделе. По прочим признакам (заглубленность, бессистемность расположения лунок, очаг в центре) они демонстрируют полное сходство с округло-овальными.

Подпрямоугольные жилища не получили распространения на городище. К ним отнесены три — №№ 13, 28, 29 (Рис. 11, *2*) и возможно неполностью раскопанное С.А.Плетневой жилище № 11 с хозяйственной ямой на углу (Рис. 12, *1*).

Одно подпрямоугольное жилище, но плохой сохраннности выявлено на Маяцком поселении (Рис. 14, *4*). Его неглубокий котлован выдолблен в массиве крошащегося известняка, что не позволило проследить в нем систему лунок опор.

6.1. Несколько большее распространение в Правобережной Цимлянской крепости получили двухкамерные жилища, состоявшие из подпрямоугольного основного помещения и примыкающего к одному из его углов меньшего овального. Их не менее шести (Рис. 10; 11, *1*; 12, *2*). Аналогов на других памятниках эти постройки не имеют. Объяснить появление столь странного вида жилищ затруднительно. Несомненно, в сооружении однокамерных подпрямоугольных жилищ и подпрямоугольных помещений в двухкамерных сказалась попытка воспроизведения полуземлянок. Остается предположить, что в создании двухкамерных жилищ проявилось стремление соединить более пригодную к оседлому быту полуземлянку с привычной юртой. Такое предположение косвенно подтверждается близостью размеров овального помещения и обычных овальных жилищ. Так, размеры овальных пристроек составляли в жилище № 5 — 3,30 х 3,10 м (Рис. 10, *2*), в жилище № 17 — 3,10 х 2,80 м (Рис. 12, *2*).

6.2. Принцип двухкамерности, но вероятно иного происхождения, нашел воплощение на другом краю Восточной Европы в Плиске и на поселении Кладенцы. Следует, однако, отметить, что влияние полуземлянки в них не прослеживается. У постройки № 1 Плиски (Рис. 25) оба помещения овальные. По форме котлована ("корытообразный") Р.Рашев определяет эту постройку как переходную от наземных к постройкам с котлованами с вертикальными стенками (Рашев, 1993. С. 186). Нельзя не обратить внимания на сходство в рассеянности лунок на полах этой постройки и правобережных.

6.3. К такому же типу переходных от наземных к заглубленным я отношу и двухкамерное жилище Кладенцов (Рис. 23). Его особенность в том, что оба помещения здесь были равнозначными, они близки по размерам, в обоих было по очагу. Появление этой неординарной постройки я затрудняюсь объяснить даже предположительно. Вероятно это большое сооружение имело особое назначение.

Двухкамерные постройки Плиски и Кладенцов относятся к стадиально самым ранним, а плискинская одна из ранних и по абсолютной хронологии.

7. Постройка № 8 поселения Стецовка — единственная круглая наземная, у которой стены устанавливались в проходящей по всему периметру неглубокой канавке (Рис. 21, *8*). И все же надо полагать, что этот строительный прием имел более широкое распространение. Канавки, хотя и не кольцевые, применены в жилище № 14 Ютановского городища (Афанасьев, 1987. С. 44, рис. 28, *5*) и в жилище № 12 Дмитриевского поселения (Рис. 14, *6*). В последнем канавка представлена в сочетании с пристенными лунками. В итоге можно констатировать, что как строительный элемент канавки использовались как в наземных, так и в заглубленных жилищах. Выходя за рамки темы напомню, что на Карнауховском поселении канавки находились в основании прямоугольных построек (Ляпушкин, 1958).

Соединение на Дмитриевском поселении в одном жилище пристенных лунок и канавки свидетельствует об одновременности существования этих строительных приемов на поздних этапах праболгарского домостроения. Надо полагать первоначально способ установки стен в канавках появился в наземных жилищах, в позднее уже и в заглубленных. Установка стен в канавках — это особая линия домостроения, появившаяся скорее всего в условиях безлесных степных пространств. Она требует специального изучения на основе более широких материалов. Пока же ясно одно: большого распространения наземные круглые жилища с канавками не получили, уступив место более основательным жилищам с котлованами.

8. Серия жилищ Болгарии, в которых предприняты попытки совместить округлый юртообразный план жилища с элементами, позаимствованными от славянской полуземлянки. Прежде всего это касается печей-каменок.

8.1. Жилище № 8 Плиски. Оно отражает один из самых ранних этапов этого процесса. Для него присуще, с одной стороны, сохранение почти правильного округлого плана. С другой — заимствованное у славян значительное заглубление котлована, а главное, попытка воспроизвести славянскую печь. Именно попытка, поскольку в данном жилище сооружена не печь, а некий "гибрид" открытого очага и печи-каменки.

8.2. Жилища поселения Нова Черна (Рис. 23, *4*—*5*). Их можно охарактеризовать как весьма неудачные эксперименты соединения элементов юртообразного жилища и полуземлянки. От первого сохранилась фактически только жердевая конструкция стен, а само расположение лунок напоминает нам жилища Правобережного Цимлянского городища или жилища Блысково. Более представительны признаки полуземлянки: угловатость очертаний котлована, его большая глубина и особенно замена очага печами из камня. Парадоксальным выглядит размещение печи в центре жилища № 2, то есть там, где в обычных юртообразных жилищах размещается очаг. Как и любое искусственное, чисто механическое соединения элементов принципиально разных конструкций жилища Нова Черны явно не удовлетворили их создателей. Распространения постройки такого типа не получили. И все же чем вызвано их появление? Позволю себе заметить, что в археологии, за редчайшими исключениями, при объяснении тех или иных феноменов не принято учитывать человеческий фактор. Мне кажется появление таких уникумов как жилище Нова Черны есть результат активности немногих членов данного сообщества, попытавшихся "изобрести" новый вид жилища, взяв за образец прямоугольную полуземлянку, но при этом сохранив привычный для вчерашних кочевников интерьер юрты.

8.3. Только на пос. Гарван использован такой прием, как вынесение отопительного сооружения за пределы жилища — вкопанные в стенки помещений печи. Это повлекло большое заглубление котлована. По системе же лунок они могут быть отнесены к группе жилищ Восточной Европы с их равномерным распределением по периметру.

8.4. Очень удачным оказалось нововведение в юртообразных постройках поселения Дуранкулак (Рис. 23, *7*—*8*). По своей округлости они тяготеют в жилищам типа правобережных цимлянских, но в них весьма успешно применена облицовка котлованов камнем. Это главный признак жилищ Дуранкулака. Второй значимый признак — введение в юртообразную по-

стройку наряду с очагами каменных печей, что имело место и в Нова Черна.

Юртообразные жилища относятся к самому раннему этапу жизни на поселении. Надо полагать первопришельцы Большого острова были знакомы с каменным строительством еще до появления здесь, что позволило им успешно использовать местный строительный материал. Вместе с тем продолжает применяться установка опор каркаса с равномерными интервалами, но за пределами котлована. Таким образом, по способу сооружения стен жилища Дуранкулака одновременно напоминают жилища типа Крымского, Блысково и Правобережного Цимлянского.

Надо подчеркнуть, что применение камня в облицовке котлованов было весьма совершенным приемом и, главное, не нарушало (в отличие от печей) интерьер традиционного кочевнического жилища. Камень в юртообразных постройках использовался и в более позднее время. Интересно, что на Царевском городище (новый Сарай) в условиях степей для юртообразных построек вместо камня использовались обломки кирпичей. Г.А.Федоров-Давыдов рассматривает царевские жилища как "реминисценцию кочевого быта — явление характерное для кочевников, перешедших к оседлому городскому быту" (Федоров-Давыдов, 1970. С. 71; С. 112—113, рис. 12). Стоит обратить внимание на то, что размеры круглых жилищ Царевского городища (2,7; 3,1; 4,0 м) и большинства восточно-европейских раннесредневековых полностью совпадают.

Наземные юртообразные жилища с использованием камня известны и еще позднее, в частности у казахов (Жолдасбаев, 1978. С. 206—207). 9. На территории Прикубанья зафиксирован другой центр использования камня в юртообразных постройках. Не надо доказывать, что существовал он независимо от Подунавья, в совершенно иных природно-географических условиях и другом этническом окружении.

9.1. Камень применен в основании стен в наземном (в отличие от Дуранкулака) жилище № 3 Хумаринского городища. На втором этапе его существования (Рис. 18, *1*). Однако остальные юртообразные постройки Хумары возведены без камня.

9.2. Второй вариант использования камня в Прикубанье представлен на Каладжинском селище, где для укрепления стен брались отдельные, не связанные общей кладкой камни (Рис. 19—20).

10. Особо следует рассматривать, по крайней мере до публикации, постройки с каменной облицовкой укрепления "Указатель" под Кисловодском. Система кладки в них отличается и от хумаринской и, тем более, Дуранкулака. Не исключено, что на "Указателе" проявились какие-то местные кавказские традиции, не имевшие отношения к кочевому миру праболгар.

11. Так называемые "одноабсидные" и "двухабсидные" постройки (при явной неудачности этих терминов они привились в болгарской литературе по археологии). Их характеризует своеобразие плана: две противолежащие длинные стены параллельны, две противолежащие короткие или одна из них выгнутые. Несколько таких построек известны на поселении Дуранкулак и одна на поселении Виница (Рис. 23, *б*). Весьма отдаленным аналогом жилищу Виницы может служить жилище № 7 поселения Сухая Гомольша. Довольно близки их размеры, соответственно 4,3 х 3,4 м и 4,8 х 3,6 м (Михеев, 1985. С. 8; 133, рис. 4). К сожалению мизерный масштаб публикации сухогомольшанского жилища не дает возможности быть уверенным в предложенном сопоставлении. Жилище № 7, как и прямоугольные жилища Сухой Гомольши, снабжено пристенной печью-каменкой.

12. "Представительная юрта" — постройка № 2 Плиски (Рис. 26—27). Она уникальна и аналогов не имеет. Ее открытие важно не только само по себе, как характеризующее быт верхов или культовую практику периода основания первой столицы первого на Дунае болгарского государства. Оно позволяет предполагать, что аналогичные, если не по конструкции, то по величине, сооружения могли существовать и в других праболгарских сообществах и не только в VIII в., но и позднее.

Такова в самых общих чертах намечаемая схема классификации юртообразных жилищ праболгар Восточной Европы. Не трудно заметить -она отражает достаточно сложный и отнюдь не прямой путь формирования этого вида жилищ. В нем просматриваются, естественно, и некоторые общие тенденции. Это касается в первую очередь широкого распространения округло-овальных жилищ. Наряду с ними, каждый регион представлен постройками оригинальной местной конструкции и планировки и исключительно местными особенностями — камни вокруг основания жилищ Каладжинского поселения, печи за пределами котлованов в Гарване, двухкамерность при двух очагах жилища Кладенцов и так далее. В некоторых жи-

лищах сосуществуют признаки совершенно разных групп жилищ. Примером может служить новолимаревское. По очертаниям и расположению лунок оно напоминает жилища Правобережной Цимлянской крепости, по упорядоченному расположению лунок у западной стены заставляет обратиться к жилищам Крымского городища и Прикубанья. Наконец, большой глубиной напоминает жилища Нова Черны.

В предложенную схему я не включаю известную постройку с поселения Луг I. Нужны новые открытия подобных сооружений для уточнения их конструкции и этнической принадлежности.

До публикации планов трудно судить о форме жилищ Кизиловой балки, ряда поселений Северского Донца из раскопок К.И.Красильникова, поселения Нетайловского и ряда других.

Из круга поселений с раннесредневековыми юртообразными постройками бассейна р.Дона необходимо исключить поселение у х.Щербово-Нефедовского на р.Белая Калитва, которое С.А.Плетнева по ошибке отнесла к памятникам салтово-маяцкой культуре, основываясь на сборах лепной керамики (Плетнева, 1967. С. 52; 64, рис. 15, пункт 193). Керамика этого местонахождения относится к эпохе поздней бронзы.

Неравномерен во времени был и процесс приобретения жилищами разных регионов и даже близко расположенных поселений черт стационарности или строительных приемов славянского домостроения. Достаточно указать, что к числу самых ранних в Северо-Восточной Болгарии относятся постройка № 1 Плиски с примитивным корытообразным котлованом и очагом в центре, постройка № 8 Плиски с пристроенным по славянскому образцу к стене очагом-печью и жилища с печами из Нова Черны. Сосуществуют наземные и заглубленные жилища с регулярной системой опор каркаса (Крымское, Первомайское, Гарван). Не вызывает никаких сомнений сосуществование круглых и подпрямоугольных жилищ на Правобережном Цимлянском городище. В итоге приходим к важнейшему выводу: сами признаки юртообразных жилищ не могут служить основанием для их датирования. Оно полностью зависит от состояния хронологии памятников, где они обнаружены. Соответственно, по мере уточнения хронологии, в частности памятников салтово-маяцкой культуры, будут корректироваться и даты юртообразных построек. В ряде случаев поселения могут датироваться по материалам соседнего могильника, если связь между ними не вызывает сомнений, Примером могут служить исследования Дмитриевского и Маяцкого археологических комплексов в составе городищ, поселений и могильников (Плетнева, 1989; Маяцкое городище, 1984).

В настоящее время приходится опираться на даты жилищ, предложенные исследователями каждого памятника, лишь изредка внося в них свои коррективы.

К наиболее ранним относятся жилища поселения Заплавское (не позднее конца VIII в.), Осиповка (не позднее VII в. по О.М.Приходнюку), Нова Черны (не позднее первой половины VIII в. по Ат.Милчеву и Ст.Ангеловой), Плиски (до середины VIII в). В пределах первой половины — середины IX в. датируется Правобережное Цимлянское городище.

Вероятно, к ранним надо отнести и жилище № 8 Стецовки. Хронология этого памятника, впрочем, еще будет уточняться.

Что касается прочих юртообразных жилищ Восточной Европы, то они в большинстве случаев включаются в довольно широкий хронологический интервал IX—X вв. Более точно продатировано поселение Дуранкулак, в том числе по материалам его могильника (Маламед, 1989. С. 119) — середина IX — конец X в. Стратиграфически ранние юртообразные постройки этого поселения могут быть отнесены к периоду основания поселения: середине — первой половине IX в. Со второй половины VII вплоть до X в. В.К.Михеев датирует селище № 2 у городища Маяки. Основанием для этого послужили даты амфор, предложенные И.А.Барановым и А.Л.Якобсоном (Михеев, 1985. С. 15). Надо полагать, по мере уточнения хронологии так называемых северопричерноморских амфор более определенной станет хронология этого интереснейшего памятника. Вне всякого сомнения требуют уточнения даты прикубанских памятников -Хумаринского и Первомайского городищ, Каладжинского селища. Пока они определяются в широких пределах от VIII в. (Хумаринское городище) до X в. (Первомайское, Каладжинское).

Не позднее IX в. продатировано жилище из Блысково. Это один из немногих случаев, когда исследователь пытается уточнить дату не только памятника в целом, но и конкретного объекта (Димитров Дм., 1973. С. 107).

Иная ситуация с юртообразными жилищами поселения Гарван, которые Ж.Выжарова на основании керамического материала отнесла к

периоду, охватывающему до трех веков — IX—XI вв. Понятно, что в данном случае проблема состояла не в определении даты самой постройки, а того керамического материала, который в ней обнаруживался. Справедливости ради отмечу, что до настоящего времени мы не в состоянии с желаемой точностью, хотя бы в пределах одного века, датировать также керамику салтово-маяцкой культуры, особенно сошедшие с ручного гончарного круга горшки. Но именно керамика является, за редким исключением, основным видом находок в юртообразных жилищах, как и иных жилищах культуры. Не всегда помогают и находки иного вида. Например, достаточно многочисленные изделия из железа в жилищах Правобережного Цимлянского городища. В большинстве случаев хронология юртообразных построек может базироваться только на импорте: амфорах, красноглиняных кувшинах, ойнохоях. Хронология этих форм, разрабатовавшаяся долгое время преимущественно А.Л.Якобсоном (Якобсон, 1979) сейчас уточняется, что вселяет некоторые надежды.

В связи с вопросом о хронологии особенно хочу обратить внимание на один момент: за исключением немногих упомянутых случаев исследователи поселений с юртообразными жилищами оставляют вне обсуждения VIII век как возможную дату появления этих построек. Выделение древностей VIII в., особенно в бассейне Дона, — одна из постоянных проблем болгаро-алано-хазарской археологии. Идентификация их вызывает затруднение даже у опытных исследователей (Плетнева, 1989. С. 168, 169). В плане же изучения юртообразных построек выделение поселений VIII в. представляет наибольший интерес. Именно к этому времени, на мой взгляд, следует относить начало интенсивного процесса оседания кочевников как в Подонье, так и в Подунавье. Для Поднепровья и Северо-Восточной Болгарии проблема VIII в. зависит от дальнейшей разработки хронологии славянских древностей.

* * *

Предложенный обзор юртообразных жилищ показывает, что они были чрезвычайно вариабильны как во времени, так и в громадных пространствах степи и лесостепи Восточной Европы. С другой стороны, даже в отдаленных районах оказались очень близкие, почти идентичные виды жилищ. В итоге, по тем или иным признакам между собой связаны почти все их территориальные группы или конкретные жилища.

Повсюду, кроме Прикубанья, большинство построек обладает той или иной степенью заглубленности. При этом имеющиеся колебания в глубинах котлованов большинства построек совершенно не имеют принципиального типообразующего значения. Глубина юртообразных жилищ — признак не дискретный. Средняя глубина котлованов составляет 50—70 см. Прерывистости в глубинах котлованов нет, что прекрасно иллюстрируют жилища Правобережного Цимлянского городища, где она не зависела от иных признаков, в том числе таких как форма котлована и его размеры. Исключения составляют жилища немногих памятников. Это жилище Новолимаревского поселения, нетипичная постройка, соединившая признаки разных групп. Большая глубина жилищ поселений Гарвана объясняется исключительно необходимостью устройства рядом с ними вкопанных печей. Наконец, в жилищах Нова Черны и жилище № 8 Плиски, что уже не раз отмечалось, в большой глубине котлованов проявилось влияние славянского домостроительства с его глубокими полуземлянками и печами.

Стены жилищ крепились на каркасах, от которых в большинстве случаев остаются лунки. В ряде жилищ они выявлены с предельной ясностью (Крымское, Прикубанье, Биляр, Гарван, Блысково). В большинстве же случаев конструкция каркасов может быть восстановлена в значительной степени гипотетично. К сожалению, подавляющее большинство исследователей не уделяет лункам внимания вообще или же в лучшем случае суммарно сообщают их размеры. Это чрезвычайно затрудняет попытки реконструкции. Иногда ямки просто не прослежены или не могли быть прослежены. Не вызывает сомнений только одно: каркасы, как и глубины, были очень разными. Каркасы имели разное число жердей или столбов; устанавливали их на удалении от котлована или внутри его. Наконец, в кольцевой канавке как на поселении Стецовка.

Не обязательным, но достаточно распространенным элементом юртообразного жилища были хозяйственные ямы или округлые хозяйственные выступы на уровне пола или выше. Определенно выделяются жилища, в которых устройство хозяйственных ям не практиковалось. В частности, они не предполагались в жилищах Дуранкулака, где котлованы облицовывались камнем, и в глубоких жилищах Гарвана. Вероятно, не получили они большого распространения и в Прикубанье, хотя в постройке

№ 4 Хумаринского городища конусовидная хозяйственная яма есть (Биджиев, 1980. С. 13). Пример Правобережного Цимлянского городища показал, что в пределах одного памятника сосуществовали совершенно однотипные жилища как со встроенными хозяйственными ямами, так и без них. Вероятно, выбор зависел от самого хозяина жилища — устраивать ли хранение запасов в жилище или в расположенной рядом яме. Хозяйственные ямы внутри жилища были приобретением оседлого образа жизни. Они, насколько мне известно по этнографии, никогда не устраивались в кочевнической юрте. Это связано не только с постоянными перекочевками, но и с тем, что этому препятствовал кольцевой решетчатый каркас, который совершенно исключал устройство в стенах каких-либо выступов, не говоря о двукамерности (сравни с жилищами Правобережного Цимлянского городища или Плиски).

Что касается принципиально важного вопроса о разборной решетке, то выводы, сделанные в разделе о Правобережном Цимлянском городище в полной мере должны быть распространены на все без исключения юртообразные жилища Восточной Европы. Решетчатые конструкции не только не засвидетельствованы археологически, но наоборот, целый ряд особенностей этих построек несовместимы с решеткой и делают ее применение нерациональным или просто невозможным, даже в наземных круглых или овальных жилищах Каладжинского селища, у которых прослежена система лунок от жердей. Решетки несовместимы: с котлованами, тем более глубокими, с котлованами неправильных очертаний, с двухкамерными жилищами, с пристенным расположением очагов или печей, с устройством на линии стен хозяйственных ям. В ряде жилищ прослежены элементы прямо указывающие на иное устройство стен. Это двойная линия ямок вокруг котлована в Блысково, находки следов турлучных конструкций в жилищах Хумаринского, Дмитриевского, Богатого Одесской области, Блыскова, Нова Черны и других. Совершенно неприемлема разборная решетчатая стена в таких постройках как удлиненная с круглыми углами в Кладенцах, хотя она и является почти наземной, в угловатых жилищах Правобережного городища, Новолимаревского поселения, "одноабсидных" и "двухабсидных" постройках Маяков, Виницы или Дуранкулака. Список может быть продолжен, остановимся на этом. Укажу главное: разборная решетчатая конструкция в принципе несовместима со стационарным жилищем. Мало того, это дорогое и требующее профессиональных навыков и специальных приспособлений и инструментов сооружение переставало быть нужным при переходе к оседлости. Неудивительно, что правильная окружность, столь необходимая в решетчатой юрте, в стационарных юртообразных жилищах оказывалась необязательной и, за редким исключением, исчезает.

Не следует путать вопрос о решетках с использованием войлочного покрытия. В отдельных случаях войлок мог применяться как для полного покрытия, так и только для крыши, что известно и по упоминавшимся этнографическим примерам. В то же время необнаружение в ходе раскопок кусков глиняной обмазки не может само по себе служить доказательством непременного использования войлока. Проблема реконструкции стен большинства юртообразных построек на имеющихся материалах не может быть решена. К сожалению, весьма часто исследователи приводят необоснованные суждения о конструкции юртообразных построек, граничащие с домыслами, совершенно не учитывая, что от "живой" постройки со стенами и крышей, с приочажными приспособлениями для установки горшков и подвешивания котла, с полным действующим интерьером, с оградками хозяйственных отсеков и мест содержания молодняка, с подставками для утвари, припасов, вооружения и прочего, с облицовкой самого котлована (плетень, кошма — ?) и так далее до нас доходит всего лишь круглая яма с осыпавшимися краями и стенками, с приблизительно определимой глубиной. Положение, однако, не совсем безнадежное. Дальнейшие раскопки, безусловно, позволят постепенно выявлять новые детали жилищ, а находка модели из Девни — надеяться на открытие новых объемных или графических изображений.

Все изложенные соображения однозначно свидетельствуют о сложности процесса становления такого необычного жилища как юртообразная постройка. В этом процессе в запутанном клубке переплелись самые разные факторы: хронология, природно-географические условия, межэтнические контакты и масса других, вплоть до индивидуальных черт характера хозяина каждого жилища. Собственно в юртообразных жилищах в полной мере отразился весь сложный процесс перехода кочевников к оседлости, также протекавший не синхронно в условиях разных регионов и разного

окружения, различных межэтнических контактов и влияний.

По этим причинам можно лишь выделить, причем весьма условно, те стадии, ступени, через которые шло создание оптимального юртообразного жилища. Деление это в значительной степени условно, но в какой-то мере позволит ориентироваться в хаосе построек самых разных конструкций, в переплетении признаков кочевого и стационарного жилищ.

К стадиально самым ранним юртообразным постройкам должны относиться наземные без котлованов, открытые на городищах Хумаринском и Первомайском, возможно, на городище Кизиловая Балка, двухкамерные постройки Кладенцов и Плиски, "колиби" (хижины) Дуранкулака. К этой же стадии отнесем и постройку № 8 Стецовки. Немногочисленность жилищ первой стадии должна объясняться не только сложностью обнаружения безкотлованных построек, но и почти полной неисследованностью кочевий и поселений степных пространств, прежде всего Азовского приморья, Нижнего Дона с его притоками, степей Ставрополья.

Безусловно, к этой стадии относятся и следы жилищ на поселении у станицы Заплавской с той лишь оговоркой, что обнаруженные тут очаги могли принадлежать и непосредственно кочевническим юртам.

На второй стадии появляются более устойчивые, рассчитанные на долговременное пользование жилища с той или иной степенью заглубленности: от 10—15 см до метра, но чаще до 50—70 см. Формально это полуземлянки, но эти "полуземлянки" сохраняют полностью интерьер юрты и ее округлость. Вместе с тем в них получают распространение хозяйственные ямы, в том числе выступающие за границы котлована. Очаг сохраняется в первозданном виде, но изредка в нем появляются камни.

Жилища второй стадии — самые распространенные. Они представлены на городищах и поселениях всех, кроме прикубанского регионов: Крымское, Правобережное Цимлянское, Саркел, Новолимаревка, Маяки, Дмитриевское, Маяцкое, Биляр, Шабо, Богатое (Одесской обл.), Этулия, Стырмен, Блысково.

Третья стадия характеризуется введением в юртообразные постройки элементов славянского домостроительства. Не удивительно, что такие жилища появляются в зонах непосредственного контакта праболгар и славян, но, наоборот, отсутствуют в удаленных от славянского мира Прикубанье и степях Дона. Славянское влияние проявляется в разных признаках: изменение планировки жилища, когда последние приобретают подпрямоугольные очертания; углубление котлована; облицовка котлована камнем; появление печей. Эти признаки в разных сочетаниях присутствуют в жилищах Нова Черны, Плиски (жилище № 8), Дуранкулака, Виницы. Оригинально была решена задача использования печи на поселении Гарван, где печь не ввели непосредственно в интерьер, а пристроили к жилищу.

Не трудно заметить, что даже при всей условности и предельной упрощенности предложенной схемы трех стадий из нее то и дело выпадают какие-то признаки. Достаточно указать на те же жилища поселения Гарван, планировка и интерьер которых более соответствует второй стадии. За пределами схемы, как уже неоднократно указывалось, надо до поры оставить постройку поселения Луг I и обе обложенные камнем постройки городища "Указатель". Ко второй стадии даже хронологически должны быть отнесены нигде кроме Цимлянского городища неизвестные двухкамерные жилища, у которых одно помещение подпрямоугольное, другое круглое. Этот эксперимент сопряжения разных типов построек (опять вспомним о человеческом факторе) нигде более не проводился.

Все юртообразные жилища Восточной Европы VIII—XI вв. относятся к эпохе, которая по аналогии с Великим переселением народов может быть названа эпохой Великого оседания, которое привело к образованию недолговременной приазовской Великой Болгарии, а затем Хазарского каганата и Первого Болгарского царства на Дунае. Как явление седентаризации юртообразные жилища имеют таким образом большое значение не только для археологии, но и для исторической науки.

И все же надо признать, что в активных, подчас оригинальных и творческих попытках приспособить традиционное жилище кочевника — юрту к новым условиям жизни был изначально заложен неуспех. Переход к оседлости требовал не приспособления к нему старого жилища, а освоения принципиально нового, что собственно и произошло на большей части территории Хазарского каганата, где население переходит к прямоугольным полуземлянкам, правда с традиционным очагом. К полуземлянке, но уже с печами, переходят праболгары Придунавья. Здесь это происходило в условиях

слияния двух этносов, праболгарского (тюркского) и славянского при активном культурном преобладании последнего, чему в немалой степени содействовало принятие Болгарией христианства уже в середине IX в.

Юртообразные жилища — это переходный, временный тип жилья. Распространения они не получили и не могли получить. Исключение составила только Правобережная Цимлянская крепость, которую заселили вчерашние кочевники. Но, как мы знаем, даже здесь отмечена попытка перейти к прямоугольным полуземлянкам. Вообще этот памятник как нельзя лучше отражает раздвоенность устремлений кочевника в условиях оседлости. На большинстве же известных восточноевропейских раннесредневековых поселений кочевники праболгары сразу переходили к прямоугольным полуземлянкам. Но несомненно и другое: освоив полуземлянку, осевшие кочевники еще в ряде поколений устраивают рядом с ней войлочную юрту и уж тем более используют ее на пастбищах. Даже в наше время юрта продолжает сосуществовать со зданиями современных типов в странах с развитым скотоводством (Монголия, Казахстан, Калмыкия, Средняя Азия).

Устойчивые, удачные типы юртообразных построек не сложились и не могли сложиться. Период существования юртообразных жилищ — это в то же время и период постоянного поиска оптимального приспособления юрты к оседлому быту. Итоги этого поиска известны — полный отказ от "юртообразности" и переход в полуземлянку с ее прочными деревянными стенами. Надо полагать, каждая группа, каждое племя праболгар пережили в свое время этот критический период, когда усилия некоторой, самой активной, но, может быть, и самой приверженной кочевым традициям консервативной части населения были направлены на создание "стационарной юрты", устойчивой долговременной постройки, но с характерным интерьером с сакральным очагом в центре, с ориентацией входа на юг или восток, с женской и мужской половинами и тером против входа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В одной из своих первых публикаций по рассматриваемой теме я еще использовал термин "юрта", хотя в заголовок был внесен термин "юртообразные" (Флёров, 1990 а). Механически термин "юрта" я использовал и в полевых отчетах за 1987—1988 гг. Дальнейшее изучение этих жилищ убедило меня в неправильности термина "юрта".

[2] Выражаю признательность Е.И.Савченко за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами.

[3] Выражаю глубокую признательность С.А.Плетневой за разрешение воспользоваться Отчетами о раскопках городища и предоставление мне копий чертежей жилищ, которые и используются в настоящей работе. Указанные публикации войдут в "Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики", вып. IV, Симферополь, план 1996 г.

[4] Следует поставить вопрос о способах доследования жилищ, попадающих в пределы раскопа лишь частично. Эта проблема касается не только Правобережного Цимлянского городища. В отдельных случаях, когда за пределами раскопа осталась лишь незначительная часть жилища, вероятно, допустимы прирезки. В большинстве же случаев такие жилища, на мой взгляд, вообще не следует вскрывать. Раскапывать жилище лишь частично явно нецелесообразно; оно останется неполноценным археологическим источником.

[5] Необходим переход к методу послойного исследования заполнения жилищ, успешно примененный при раскопках Маяцкого могильника (Флёров, 1987. С. 90. 1993 б. С. 44). Что касается моих собственных раскопок заполнения жилищ городища, то я уже не могу признать их удовлетворительными.

[6] Часто можно слышать вопрос: с какой степенью достоверности удавалось отличать в ходе раскопок лунки конструкций жилищ от многочисленных на городище нор грызунов? Должен ответить — с очень большой, при накопленном опыте. Норы грызунов имеют самые различные направления и только изредка вертикальны. В большинстве они кривые и уходят на большую глубину. Были различия и в заполнении, в частности многие норы были забиты чистой материковой глиной, которую грызуны выталкивали из подстилающего городище массива. Кроме того норы довольно равномерно распределены по площади памятника, а лунки концентрируются, часто в отдельных местах внутри жилища. Многие составляют хорошо прослеживаемые и объяснимые цепочки.

[7] Основой для реконструкции интерьера могут послужить среди прочего лунки с однородным заполнением.

[8] Выявление лунок вокруг котлованов жилищ — еще одна задача при будущих исследованиях городища.

[9] Полагаю, эффективность такого обогревательного сооружения проще всего проверить экспериментальным путем в полевых условиях.

[10] К сожалению, отчеты о раскопках Саркела в 1949—1951 гг. не были сделаны коллективом экспедиции. В настоящее время работу в этом направлении ведет С.А.Плетнева, по мнению которой жилищ в Саркеле было в несколько раз меньше. Правда надо иметь в виду, что к этому выводу она пришла не в ходе раскопок, а работая с чертежами.

[11] В этом издании опубликованы жилища, раскопанные до 1978 г. включительно. Выражаю глубокую признательность А.З.Винникову за предоставленную мне возможность использовать данные о постройках Маяцкого селища из его отчета о раскопках в 1980 г.

[12] Выражаю глубокую признательность И.В.Каминской за разрешение опубликовать юртообразную постройку Первомайского городища.

[13] Владимир Николаевич Каминский (1957—1992) не успел обработать и опубликовать материалы Каладжинского селища. Во время очередной экспедиции его жизнь оборвалась по нелепой трагической случайности. Разрешение на пользование отчетами В.Н.Каминского о раскопках Каладжинского селища дано мне И.В.Каминской. О юртообразных жилищах Каладжинского селища см. также: (Флёров, Каминский, 1997).

[14] В 1985 г. я осмотрел эти постройки во время экскурсии, организованной Кисловодским музеем.

[15] Выражаю признательность А.В.Сазанову за консультацию.

[16] Этот список, вероятно, далеко не полон. В литературе можно встретить упоминания других местонахождений юртообразных построек. К сожалению, проверить их не представляется возможным в настоящее время из-за сокращения числа украинских научных изданий, поступающих в Россию и отсутствия средств для работы в украинских архивах.

[17] Встречается и другое написание — Чернечина.

[18] Выражаю глубокую признательность болгарским коллегам, оказавшим мне ту или иную помощь в сборе материала: Ст.Ангеловой, Ст.Витлянову, Л.Дончевой-Петковой, М.Даскалову, П.Петровой, Р.Рашеву.

[19] При обсуждении моих докладов в ИА РАН 12.05.1993 г. и 7.02.1994 г., в которых упоминалась представительная постройка из Плиски, ее реконструкция была поставлена под сомнение (И.Л.Кызласов, С.А.Плетнева и др.). Еще далее пошел Г.Е.Афанасьев, выразивший сомнение в возможности обнаружения в слоях Плиски каких-либо сооружений вообще, ссылаясь на перекопанность этих слоев. Неприемлемость этих и подобных критических выступлений по поводу данного строения состоит в том, что в них речь идет исключительно о конечных итогах исследования и совершенно не рассматривается главное — методика раскопок и методика реконструкции, отраженные в упомянутой статье Р.Рашева и В.Дочевой. Без этого любая критика процесса раскопок и созданной реконструкции будет строиться по принципу — "этого быть не может, поскольку этого не может быть".

[20] Выражаю глубокую признательность Д.А.Сташенкову за предоставленную информацию о постройке № 6 еще до ее публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова В., 1967. Средновековно селище в чашата на язовир "Виница", Шуменско // Известия на народния музей — Шумен. Кн. IV.

Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1986.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.

Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка.

Баранов И.А., 1994. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X вв.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Киев.

Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.

Белинская Л.И., 1990. К вопросу о связях славян и племен салтовской культуры на днепровском левобережье в VII—VIII вв. // Питания археологіі Сумщини. Суми.

Березовец Д.Т., 1963. Поселения уличей на р.Тясмине // Славяне накануне образования Киевской Руси. (МИА, № 108).

Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Броневский М., 1867. Описание Крыма (tartariae Descripto) Мартина Броневского // ЗООИД. Т.6. Одесса.

Вайнштейн С.И., 1976. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. № 4.

Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.

Ваклинов Ст., 1977. Формиране на старобългарската култура. София: Наука и изкуство.

Ваклинов Ст., Станилов Ст., 1981. Кладенци ранносредновековно българско селище. Варна: "Георги Бакалов".

Вернер Й., 1988. Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на българите. София: Издателство на БАН.

Винников А.З., 1980. Отчет о раскопках на Маяцком селище // Архив ИА РАН. Р-I, № 8154.

Винников А.З., 1984. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. М.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

Востров В.В., Захарова И.В., 1989. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука.

Вължарова Ж., 1966. Раннославянско и старобългарско селище в м.Стареца край с.Гарван, Силистренско // Археология. Кн. 2. София.

Вължарова Ж., 1973. Славяни и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София.

Вължарова Ж., 1978. Разкопки на средновековното селище с.Кривина (ант. Ятрус), Русенки окръг // Археологически открития и разкопки през 1977 г. София.

Вължарова Ж., 1981. Славяни и номади на територията на днешните български земи от края VI—XI в. // Плиска-Преслав, 3. София: Издателство на БАН.

Вължарова Ж., 1986. Средновековното селище, с.Гарван, Силистренски окръг, VI—XI в. София: Издателство на БАН.

Гадло А.В., 1962. Отчет о работе Приазовского средневекового отряда Кобяковской археологической экспедиции ИА СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-I, № 2496.

Гадло А.В., 1978. Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии. Выпуск второй. Л.: Изд-во ЛГУ.

Гадло А.В., Найденко А.В., 1973. Разведки по Егорлыку // АО-1972 г. М.

Георгиев П., 1989. Големият езически храм в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София: Издателство на БАН.

Гопак В.Д., Сухобоков О.В., 1975. О железообработке у племен салтовской культуры // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев.

Горюнов Е.А., 1973. Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII в. // СА. № 4.

Дземан Л.В., 1992. Жилища праболгар в степях западного Подонья // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк.

Димитров Дм.Ил., 1973. Принос към проучването на старобългарското жилище в Североизточна България // Известия на народния музей — Варна. Кн. IX (XXIV).

Димитров Дм.Ил., 1975. Някои въпроси във връзка с изучаването на старобългарското массово жилище от VI—XI в. в Североизточна България // Архитектура на Първата и Втората българската държава. София: Издателство на БАН.

Димитров Дм.Ил., 1987. Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна: "Георги Бакалов".

Димитров М., 1981. Археологически проучвания в гр.Балчик // Археологически открития и разкопки през 1980 г.София.

Димитров М., 1985. Археологически проучвания в Балчик // Археологически открития и разкопки през. 1984 г. Сливен.

Дуранкулак, 1989. Т. 1. Отг. ред. Х.Тодорова. София: Издателство на БАН.

Жолдасбаев С., 1978. Жилища казахов южного Казахстана XV—XIX веков по данным этнографии // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука.

Заходер Б.Н., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Изд-во восточной литературы. Т. I.

Заходер Б.Н., 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Изд-во восточной литературы. Т.II.

Изкуство и култура на средновековна българска държава. Национален исторически музей. Изложба. Каталог. София, 1976.

ал-Истахри, 1901. Книга путей и царств. Пер. Н.А.Караулова // СМОМПК. XXIX. Тифлис.

Каминская И.В., 1988. Отчет о раскопках Гамовского отряда на могильнике Гамовская балка и городище Первомайском в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-I, № 13117.

Каминский В.Н., 1990. Отчет о разведках в Лабинском районе Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН.

Каминский В.Н., 1991. Отчет о работах Восточно-Закубанской археологической экспедиции в бассейне реки Лабы в 1991 году // Архив ИА РАН.

Каминский В.Н., Каминская И.В., 1986а. Раскопки Первомайского городища // АО-1984 г. М.

Каминский В.Н., Каминская И.В., 1986б. Исследование Первомайского городища в долине реки Болшая Лаба // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе.

Кармышева Б.Х., 1960. Этническая группа "тюрк" в составе узбеков // СЭ. № 1.

Каховский В.Ф., 1962. Археологические раскопки городища Хулаш // Архив ИА РАН. Р-1, № 457.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П., 1972. Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары.

Кобычев В.П., 1957. Жилище народов восточного Закавказья в XIX веке // СЭ. № 3.

Ковалевская В.Б., 1976. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкессии // АО-1975 г. М.

Ковалевская В.Б., 1977. О работе средневекового отряда Ставропольской экспедиции // АО-1976 г. М.

Кондратьева М.И., 1935. О юртообразных зданиях Внешней Монголии (к истории монгольской архитектуры) // СЭ. № 3.

Красильников К.И., 1980. Население Среднедонечья в VIII — начале X веков (салтово-маяцкая культура на среднем Донце). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Красильников К.И., 1981. Возникновение оседлости у праболгар Среднодонечья // СА. № 4.

Круглов Е.В., 1992. К проблеме выделения и этнокультурной атрибуции раннехазарских археологических памятников // Востоковедение в Башкортостане: история и культура. Международная научная конференция (Первые Валидовские чтения), II. Уфа.

Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А., 1987. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе: изд-во "Дониш".
Любичев М.В., 1994. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения северо-западной Хазарии в конце VII — начале VIII вв. // Древности. 1994. Харьков: АО "Бизнес Информ".
Ляпушкин И.И., 1940. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. IV.
Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. № 62.
Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М: Наука.
Майдар Д., 1970. Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки истории. М.
Маламед К., 1989. Средновековните некрополи // Дуранкулак. Т. I. София: Издателство на БАН.
Маргулан А.Х., 1964. Казахская юрта и ее убранство. М: Наука.
Мартынова Г.С., 1967. Новые памятники таштыкской культуры // Исследования археологической лаборатории. Вып. I. Кемерово.
Мартынова Г.С., 1985. Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Красноярский гос. университет.
Маяцкое городище,1984 — Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М: Наука.
Милчев Ат., 1973. Формирование староболгарской культуры // Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София: Издателство на БАН.
Милчев Ат., Ангелова Ст., 1969. Разкопки и проучвания в м.Калето при с.Нова Черна, Силистренки окръг, през 1967 г. // Археология. Кн. 3. София.
Милчев Ат., Ангелова Ст., 1970. Разкопки и проучвания в м.Калето край с.Нова Черна, Силистренки окръг, през 1968 г. // Археология. Кн. 1. София.
Милчев Ат., Ангелова Ст., 1971. Археологически разкопки и проучвания в местността "Калето" при с.Нова Черна, Силистренски окръг, през 1967—1969 г. // Годишник на Софийския университет, философско-исторически факултет. Т. LXIII, кн. III. София.
Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Высшая школа.
ал-Мукаддеси, 1908. Лучшее из делений для познания климатов // СМОМПК. Т. XXXVIII. Тифлис.
Нечаева Л.Г., 1975. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М: Наука.
Николаенко Г.М., 1988. Херсонесская округа в I в. до н.э. — IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
Охонько Н.А., 1986. К вопросу о заселении Ставропольской возвышенности в древности и средневековье // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе.
Петров В.П., 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // МИА. № 108.
Плетнева С.А., 1958. Отчет о работе Донской экспедиции Гос. Эрмитажа на Правобережном Цимлянском городище в 1958 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 1742.
Плетнева С.А., 1964. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. № 3.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142. М: Наука.
Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М: Наука.
Приймак В.В., 1993. Динамика розвитку міських центрів VIII—XIV ст. середньої течії р.Псел // Роль міських центрів в становленні Київської Русі. Суми.
Покровская Е.Ф., Ковпатенко Г.Т., 1959. Раскопки около сел Калантаевка и Стецовка на Тясмине в 1956 г. // КСИА АН УССР. Вып. 8. Киев.
Приходнюк О.М., 1980. Археологічни пам'ятки середнього Придніпров'я VI—IX ст. н.э. Киев: Наукова думка.
Приходнюк О.М., 1990. Новые данные о пеньковской культуре // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
Радлов В.В., 1989. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука.
Рашев Р., 1976. Модел на юрта от Девня // Археология. Кн. 1. София.
Рашев Р., 1982. Разкопки в дворцовия център в Плиска // Археологически открития и разкопки през 1981 г. Михайловград.
Рашев Р., 1993. К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае // Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов. Самара: "Артефакт".
Рашев Р., Дочева В., 1989. Юртообразна постройка от Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София: Издателство на БАН.

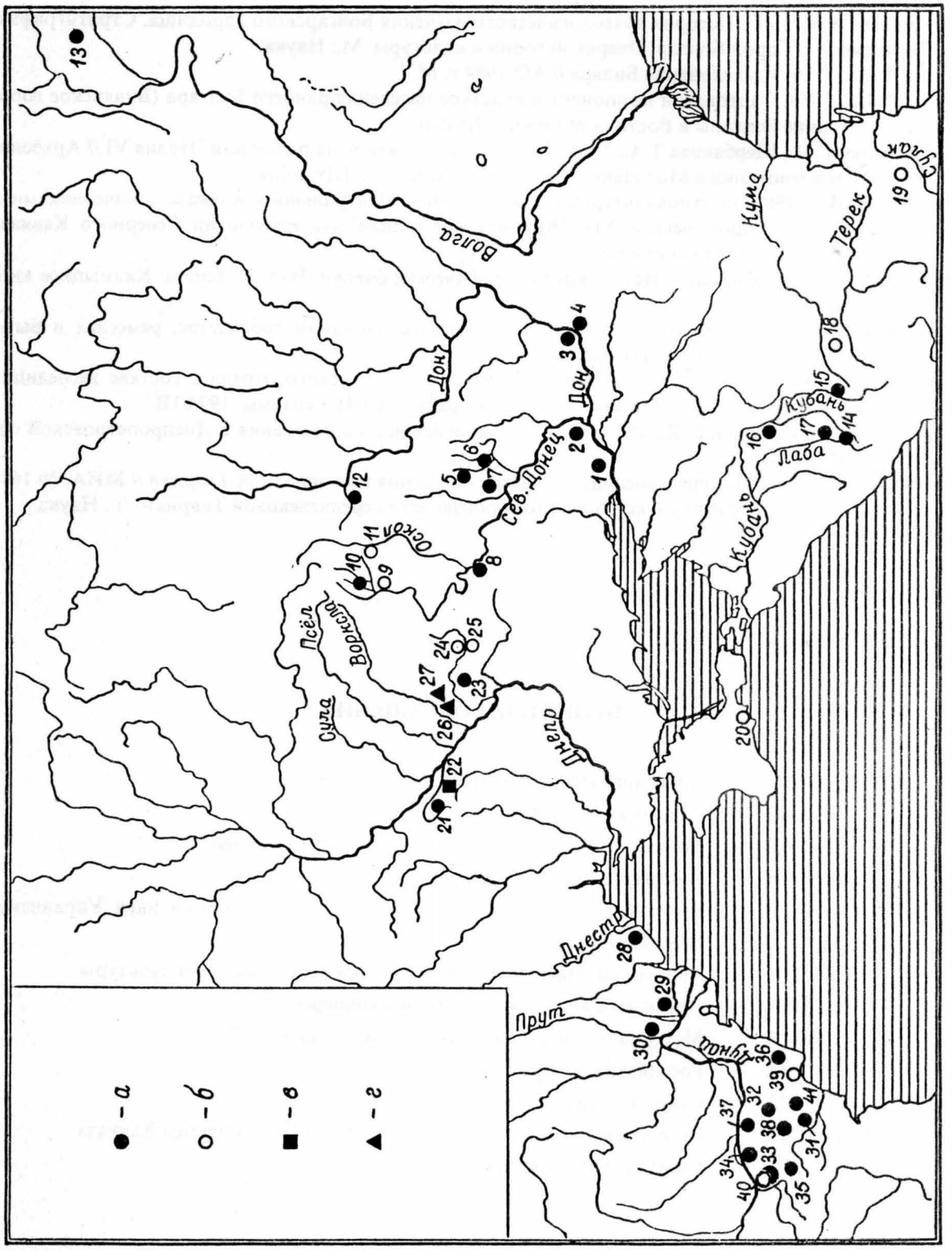
Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука.
Рутковская Л.М., 1974. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с.Стецовки на р.Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука.
Савченко Е.И., 1969. Отчет о работе отряда Новочеркасской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3971.
Савченко Е.И., 1970. Средневековое поселение у х.Крымского // АО-1969 г. М.: Наука.
Савченко Е.И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. М.: Наука.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука.
Смиленко А.Т., 1980. Средневековая культура населения южного Поднепровья (к изучению славяно-кочевнических связей) // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука.
Смиленко А.Т., Козловский А.А., 1987. Поселение у сел Шабо и Богатое Одесской области // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н.э. Киев: Наукова думка.
Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
Станилов Ст., 1992. Рец."Дуранкулак". Т. I // Археология. Кн. 1. София.
Станчев Ст., 1964. Старобългарската култура през VIII—IX век. Кратка историческа характеристика // Трудове на Высшия педагогически институт "Братя Кирил и Методий". В.Търново, 1,3, 1963—1964. София.
Сташенков Д.А., 1995. Археологические исследования у с.Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей.
Степи Евразии, 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М.: Наука.
Сухобоков О.В., Юренко С.П., 1993. Битицьке городище VIII ст. н.э., перспективи вивчення // Роль ранніх міських центрів в становленні Київскоі Русі. Суми.
Стърмен, 1982. Ранносредновековното селище при село Стърмен // Разкопки и проучвания, VII. София.
Тодорова Х., 1989. Архитектура на средновековното селище // Дуранкулак. Т. I. София: Издателство на БАН.
Тончева Г., 1966. Древний Марцианопол (Пътеводител). София.
Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века. (МИА. № 164). М.: Наука.
Флёров В.С., 1987. О методике исследования погребений с обрядом обезвреживания у алан и болгар Восточной Европы // Тезисы докладов семинара "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе". Донецк (Украина).
Флёров В.С., 1990а. Два юртообразных жилища Правобережного Цимлянского городища (из раскопок Советско-Болгарской экспедиции в 1987 г.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
Флёров В.С., 1990б. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.
Флёров В.С., 1991. Правобережное Цимлянское (Деснобрежно Цимлянско) городище по раскопкам 1987—1988, 1990 гг. // Проблеми на прабългарската история и култура. София: изд-во "Аргес".
Флёров В.С., 1992а. Юртообразные жилища праболгар в Восточной Европе // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.
Флёров В.С., 1992б. Рец.: Дуранкулак. Т. I. София, 1989 // СА. № 4.
Флёров В.С., 1993а. К вопросу о социальном строе в Хазарском каганате (по материалам Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М.
Флёров В.С., 1993б. Погребальные обряды на севере Хазарии. Волгоград: изд-во "Перемена".
Флёров В.С., 1993в. О северокавказских котлах с внутренними ушками // Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов. Самара: "Артефакт".
Флёров В.С., 1993г. Контакты праболгар и славян в Восточной Европе (по материалам юртообразных жилищ) // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж.

Флёров В.С., 1996. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. № 1.
Флёров В.С., Каминский В.Н., 1997. Прикубанский регион раннесредневековых юртообразных жилищ // РА. № 1.
Харузин Н.Н., 1896. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М.
Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука.
Хузин Ф.Ш., 1986. Иссследование Биляра // АО-1984 г. М.
Хузин Ф.Ш., 1989. Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Билярское городище) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.
Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А., 1981. Каменное сооружение на поселении Этулия VI // Археологические исследования в Молдавии (1974—1976). Кишинев: Штиинца.
Чеченов И.М., 1986. Об этнокультурных связях племен Центрального Кавказа с кочевниками в древности и в средние века // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе.
Эрдниев У.Э., 1985. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 3. Элиста: Калмыцкое книгоиздательство.
Эрендженов К.Э., 1990. Золотой родник. О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калмыцкое книгоиздательство.
Юренко С.П., 1975. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции "Днепр-Донбасс" в 1974 г. Полтава // Научный архив ИА АН Украины, 1974/1В.
Юренко С.П., Сухобоков О.В., 1975. Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской области // АО-1974 г. М.
Якобсон А.Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. № 168.
Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	—	Археологические открытия
БАН	—	Българската академия на науките
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук
КСИА АН УССР	—	Краткие сообщения института археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической республики
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	—	Советская этнография

ИЛЛЮСТРАЦИИ



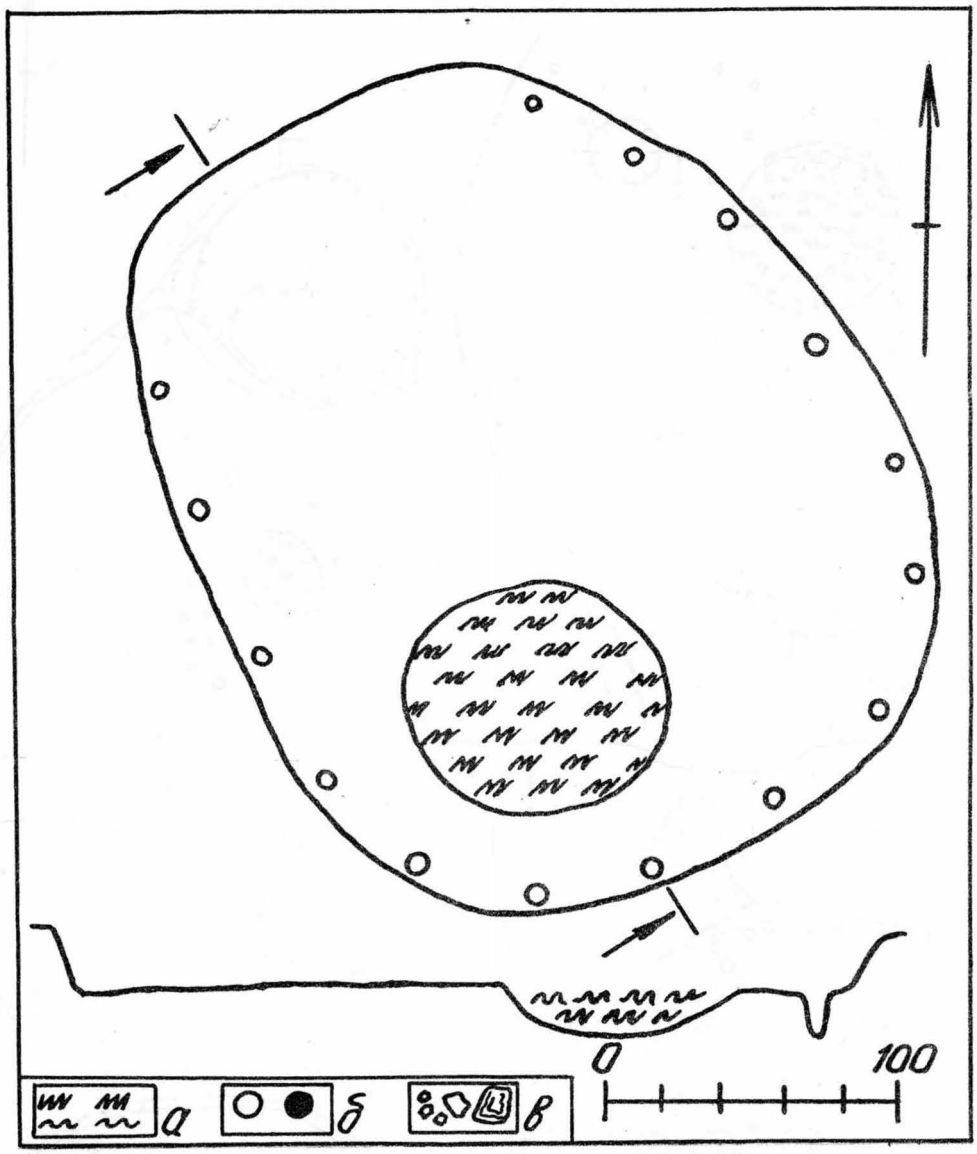


Рис.2. Городище Крымское. Раскопки Е.И.Савченко.
Условные обозначения для всех рисунков: а — зола, б — лунки, в — камни

Рис.1. Распространение юртообразных построек в Восточной Европе.

ДОН — СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ: 1 — пос.Заплавское; 2 — г-ще Крымское; 3 — г-ще Правобережное Цимлянское; 4 — Саркел; 5 — пос.Новолимаревское; 6 — пос.Подгаевское; 7 — пос.Рогалик; 8 — сел.Маяки; 9 — пос.Нетайловское; 10 — пос.Дмитриевское; 11 — г-ще Ютановское; 12 — сел.Маяцкое. СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ: 13 — г-ще Биляр. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: 14 — г-ще Первомайское; 15 — г-ще Хумаринское; 16 — г-ще Кизиловая Балка; 17 — сел.Каладжинское; 18 — г-ще Указатель; 19 — г-ще Хазар-кала. КРЫМ: 20 — г-ще Кордон-Оба. СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ: 21 — пос.Луг I; 22 — пос.Стецовка; 23 — пос.Осиповка; 24 — пос.Чернеччина; 25 — пос.Богатое; 26 — погр.Новые Сенжары; 27 — погр.Малое Перещепино. СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: 28 — пос.Шабо; 29 — пос.Богатое Одесской обл.; 30 — пос.Этулия. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ: 31 — пос.Блъсково; 32 — пос. Кладенци; 33 — пос.Стърмен; 34 — пос.Нова Черна; 35 — пос.Виница; 36 — пос.Дуранкулак; 37 — пос.Гарван; 38 — Плиска; 39 — пос.Балчик; 40 — пос.Ятрус — Кравина; 41 — пос.Девня.

Условные обозначения: а — юртообразные постройки; б — предположительно юртообразные постройки; в — постройка столбовой конструкции пос.Луг I; г — погребения Новые Сенжары и Малое Перещепино

Рис.3. Правобережное Цимлянское городище: 1 — жилище № 31; 2 — жилище № 39; 3 — жилище № 40; 4 — жилище № 41 (1—3 — раскопки С.А.Плетневой; 4 — раскопки В.С.Флёрова и В.Е.Нахапетян)

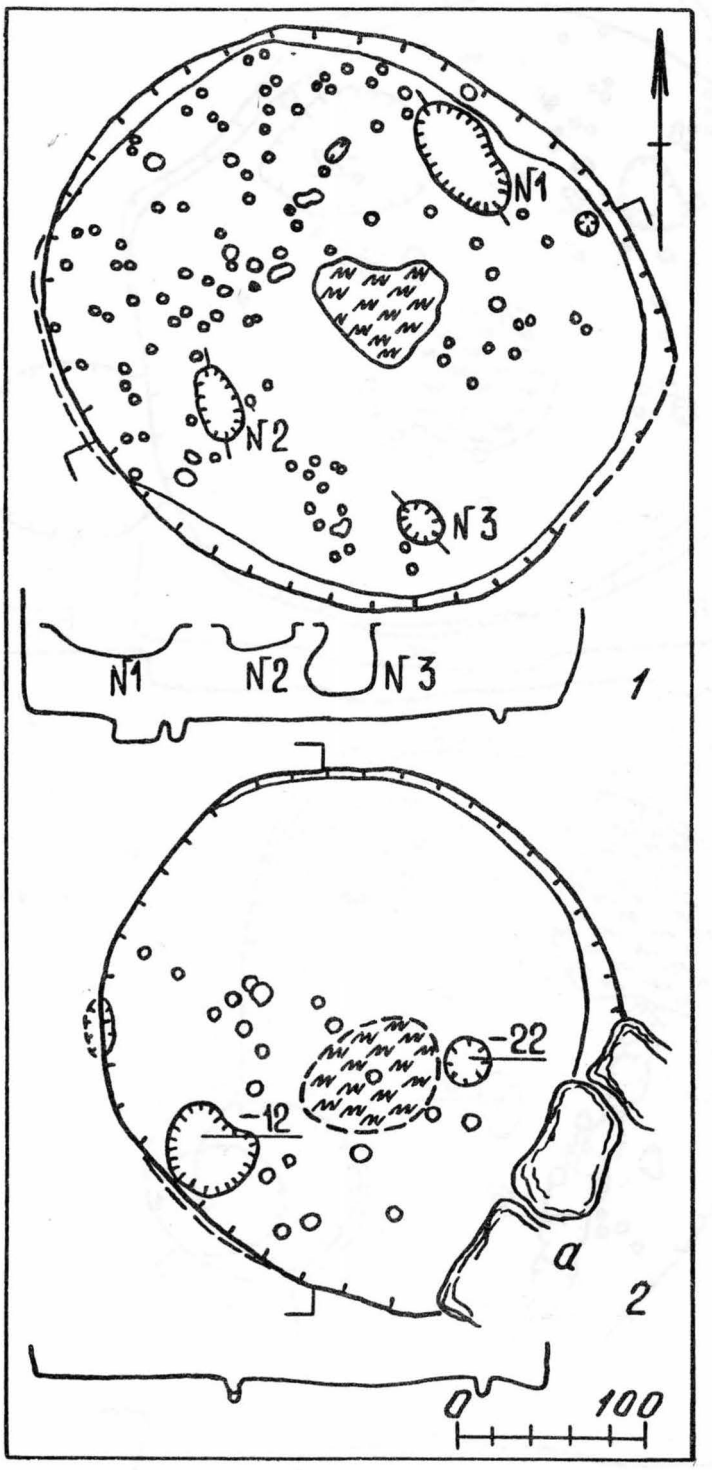


Рис.4. Правобережное Цимлянское городище:
1 — жилище № 42; 2 — жилище № 44; а — плиты основания крепостной стены.
Раскопки В.С.Флёрова и В.Е.Нахапетян

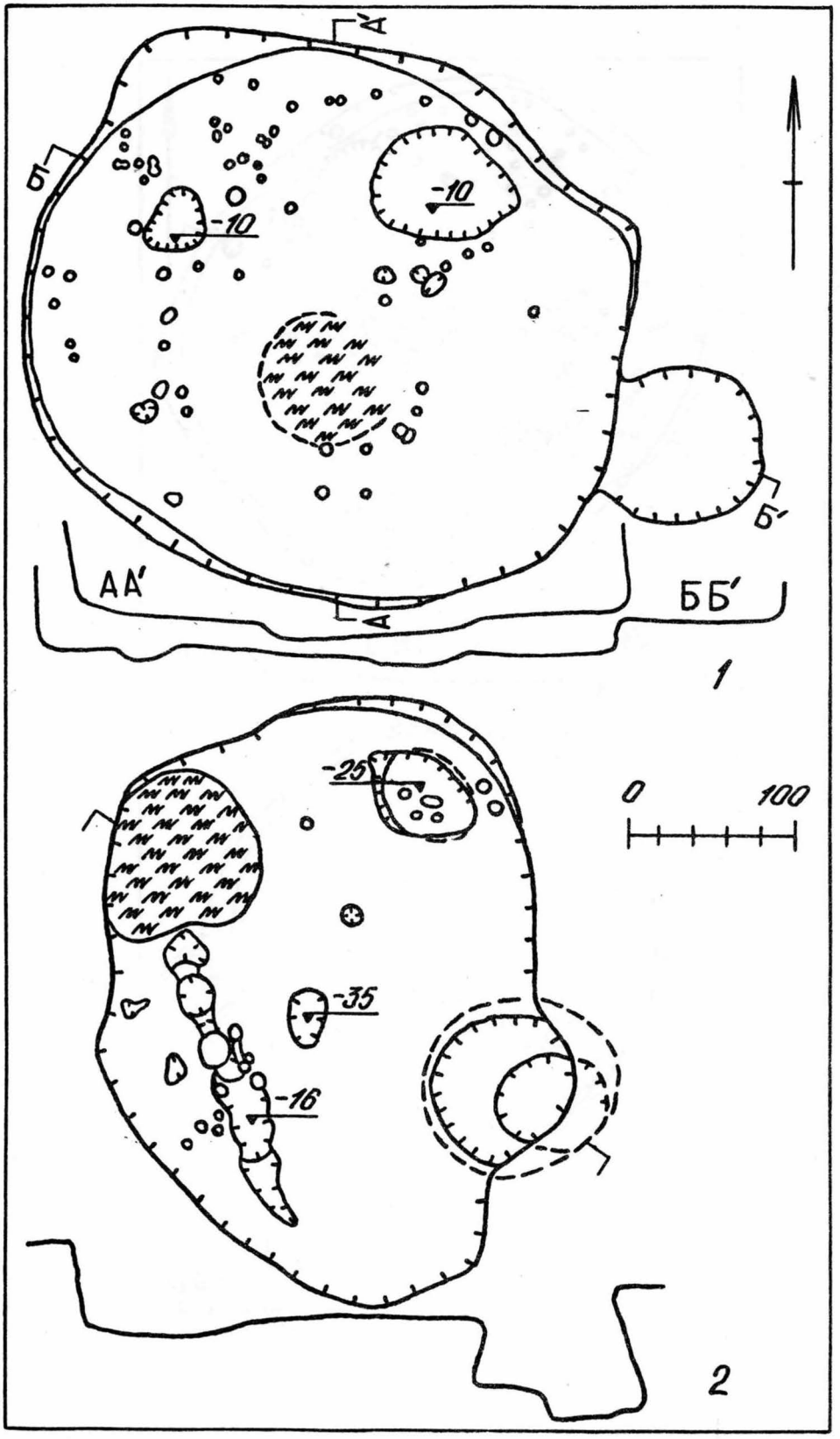


Рис.5. Правобережное Цимлянское городище: 1 — жилище № 47; 2 — постройка № 43. Раскопки В.С.Флёрова и В.Е.Нахапетян

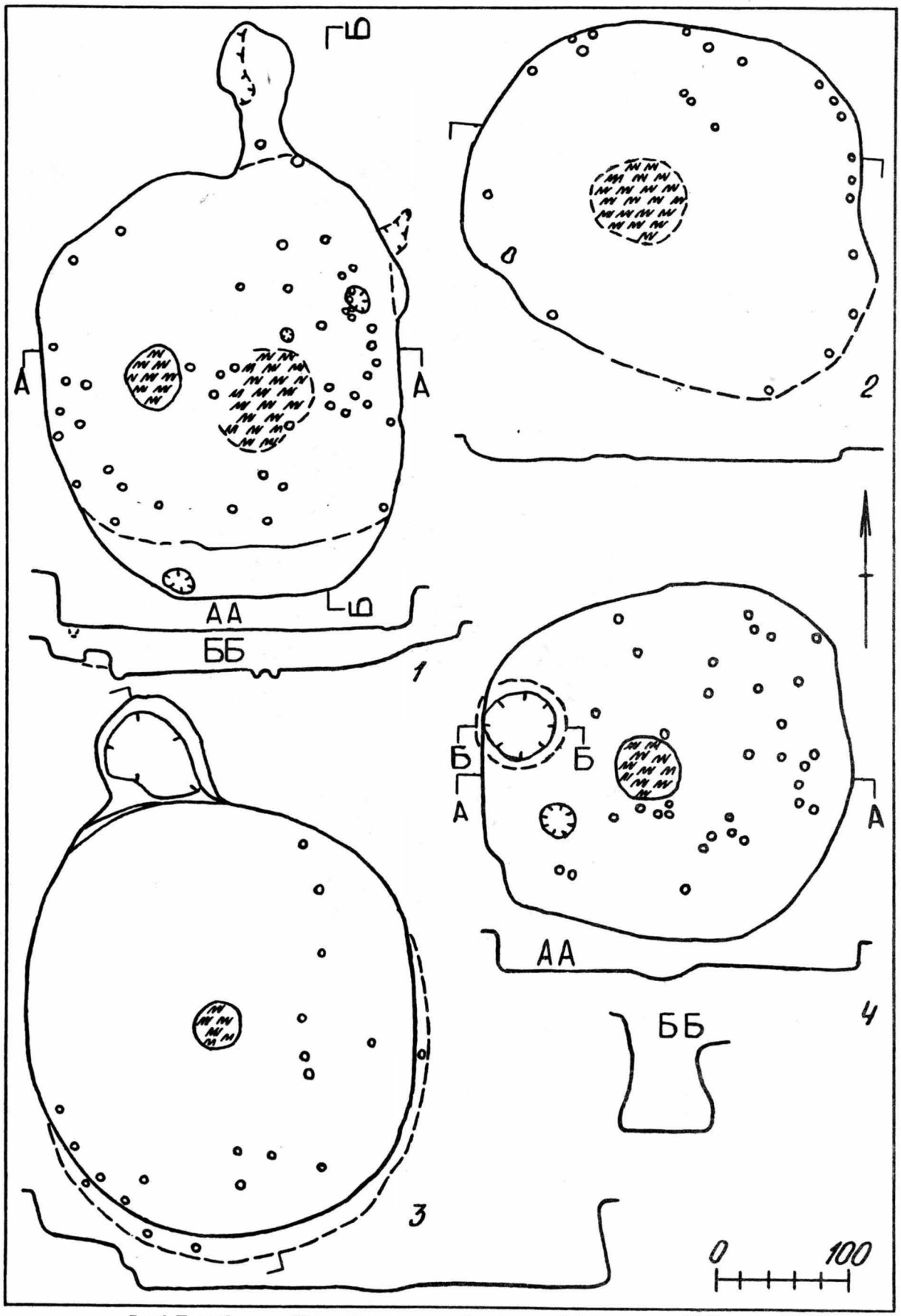


Рис.6. Правобережное Цимлянское городище: 1 — жилище № 3; 2 — жилище № 20; 3 — жилище № 21; 4 — жилище № 32. Раскопки С.А.Плетневой

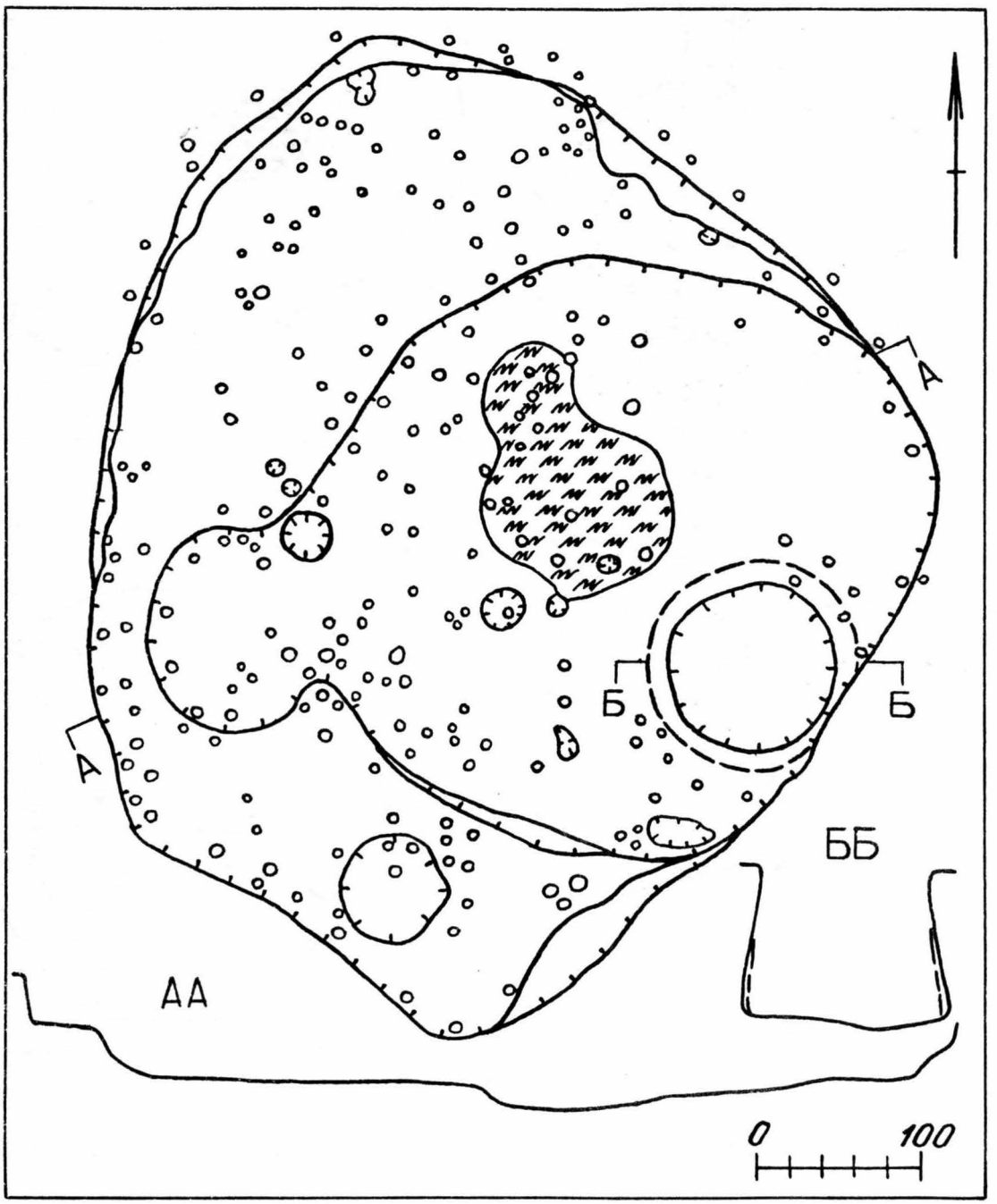


Рис.7. Правобережное Цимлянское городище.
Жилище № 6. Раскопки С.А.Плетневой

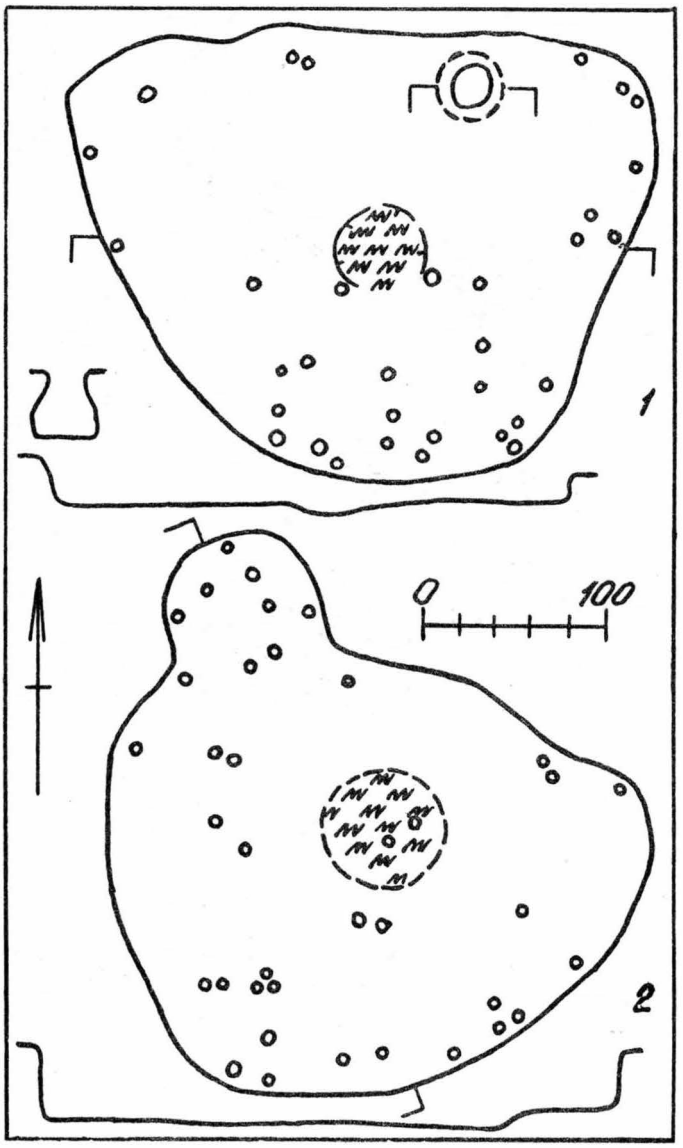


Рис.8. Правобережное Цимлянское городище:
1 — жилище № 15; 2 — жилище № 18.
Раскопки С.А.Плетневой

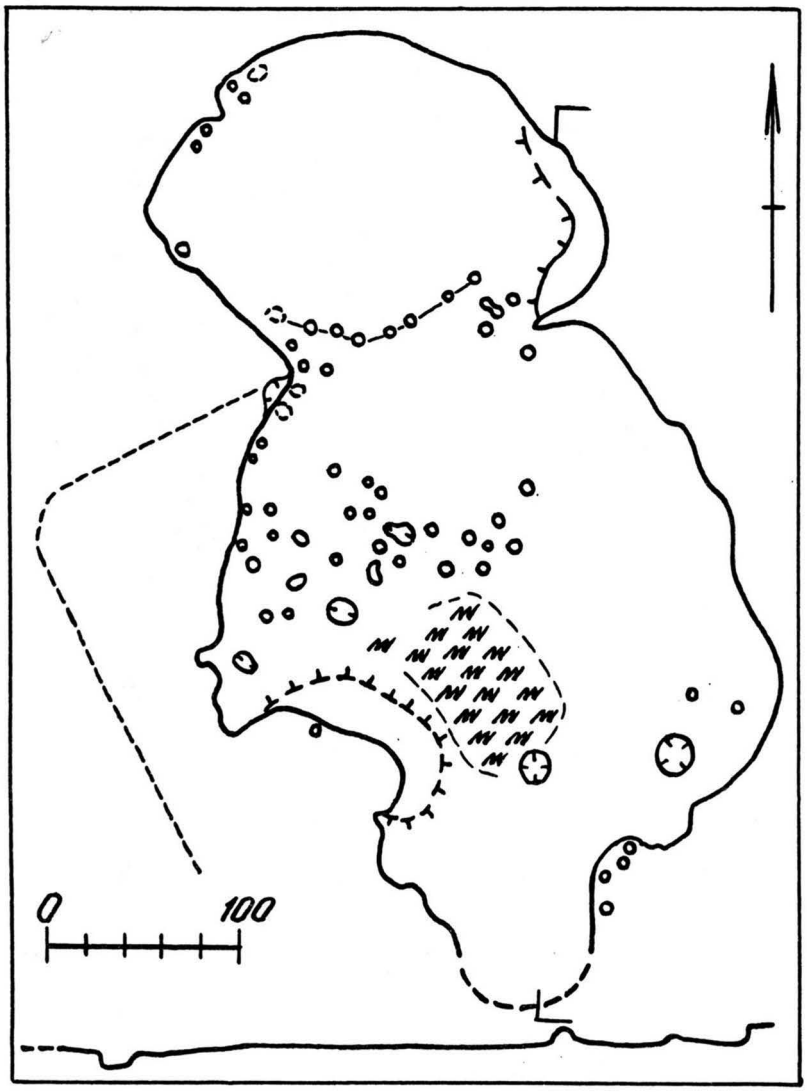


Рис.9. Правобережное Цимлянское городище.
Жилище № 2. Раскопки С.А.Плетневой

Рис.10. Правобережное Цимлянское городище:
1 — жилище № 8; 2 — жилище № 5. Раскопки С.А.Плетневой

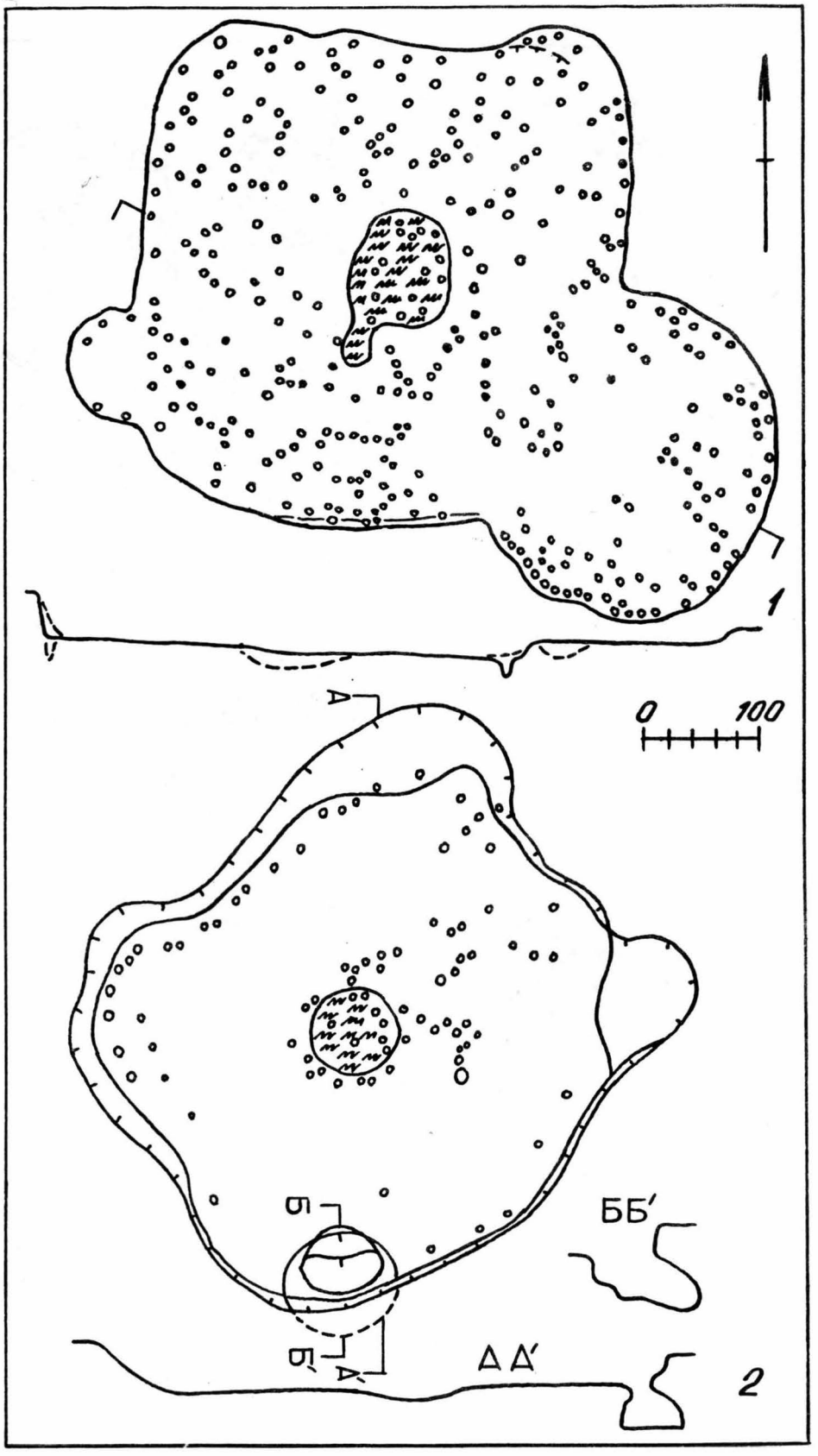


Рис.11. Правобережное Цимлянское городище:
1 — жилище № 7; 2 — жилище № 29. Раскопки С.А.Плетневой

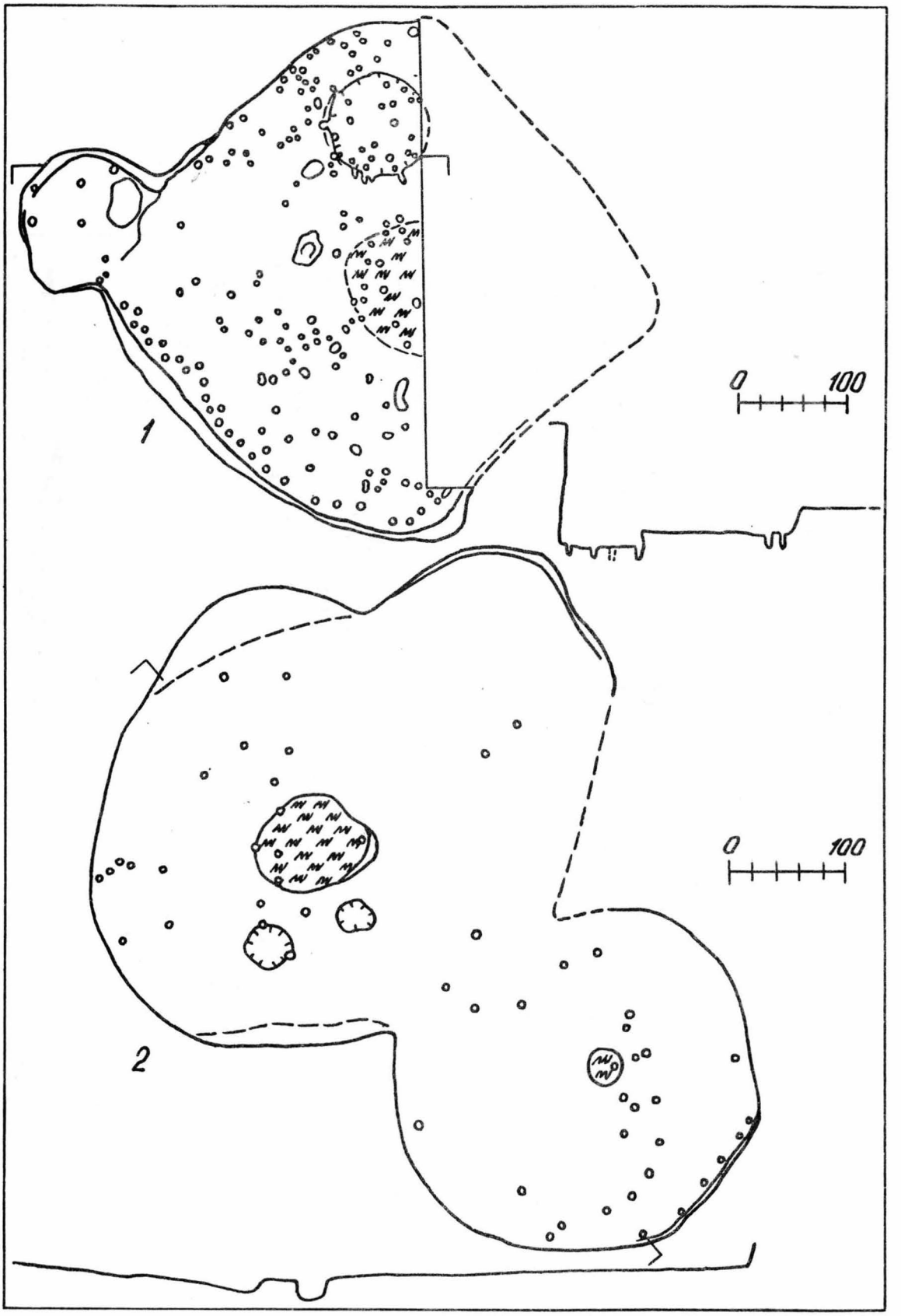


Рис.12. Правобережное Цимлянское городище:
1 — жилище № 11; 2 — жилище № 17. Раскопки С.А.Плетневой

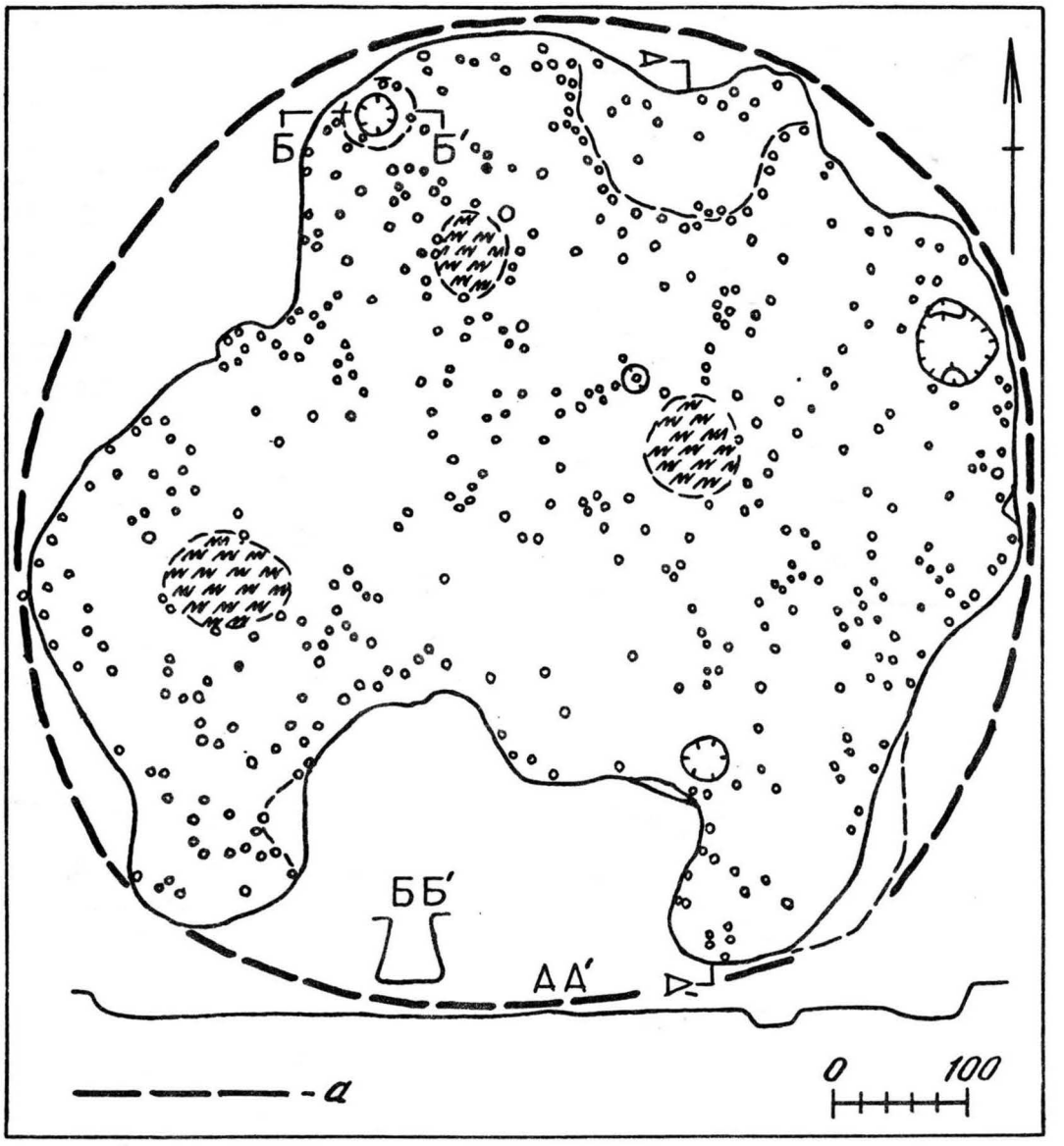


Рис.13. Правобережное Цимлянское городище.
Постройка № 12. Раскопки С.А.Плетневой;
а — реконструкция плана жилища по В.С.Флёрову

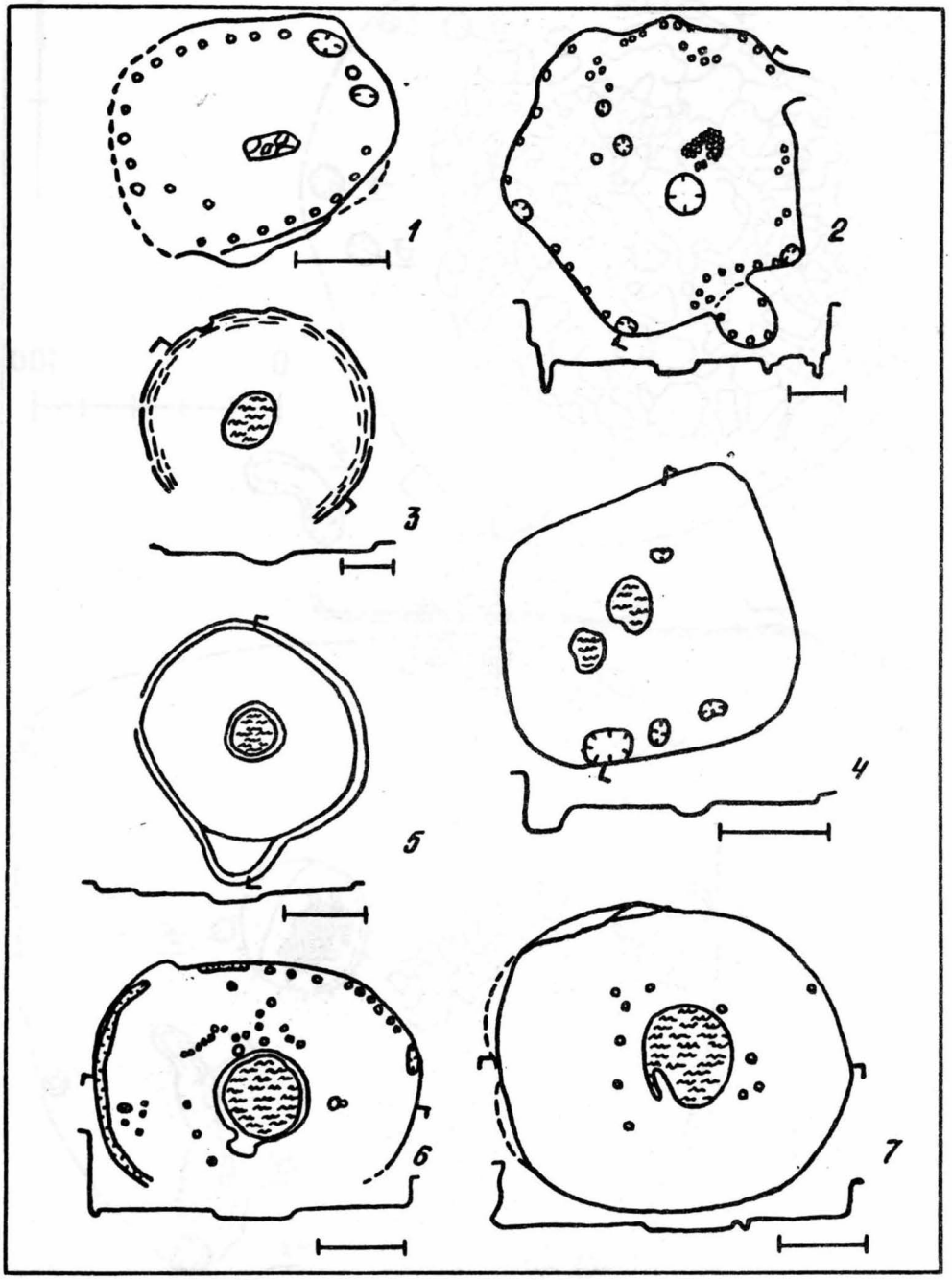


Рис.14. Юртообразные жилища бассейна р.Дон:
1 — Саркел, жилище № 58; 2 — Новолимаревское поселение; 3 — Маяки, селище № 2, жилище № 5;
4 — Маяцкое поселение, постройка № 10; 5—7 — Дмитриевское поселение: 5 — жилище № 13;
6 — жилище № 12; 7 — жилище № 11

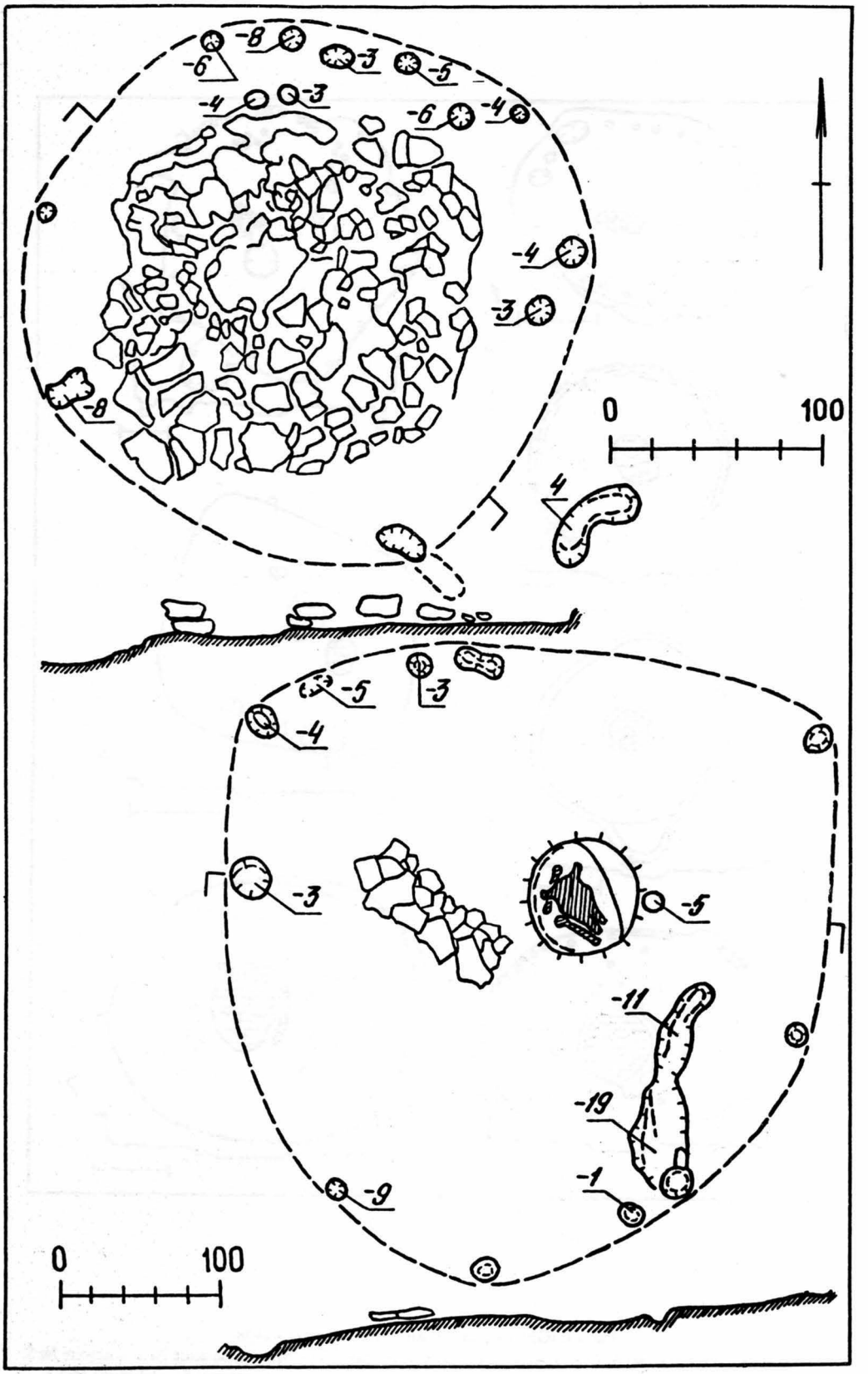


Рис.15. Маяцкое поселение:
1 — постройка № 38; 2 — постройка № 41

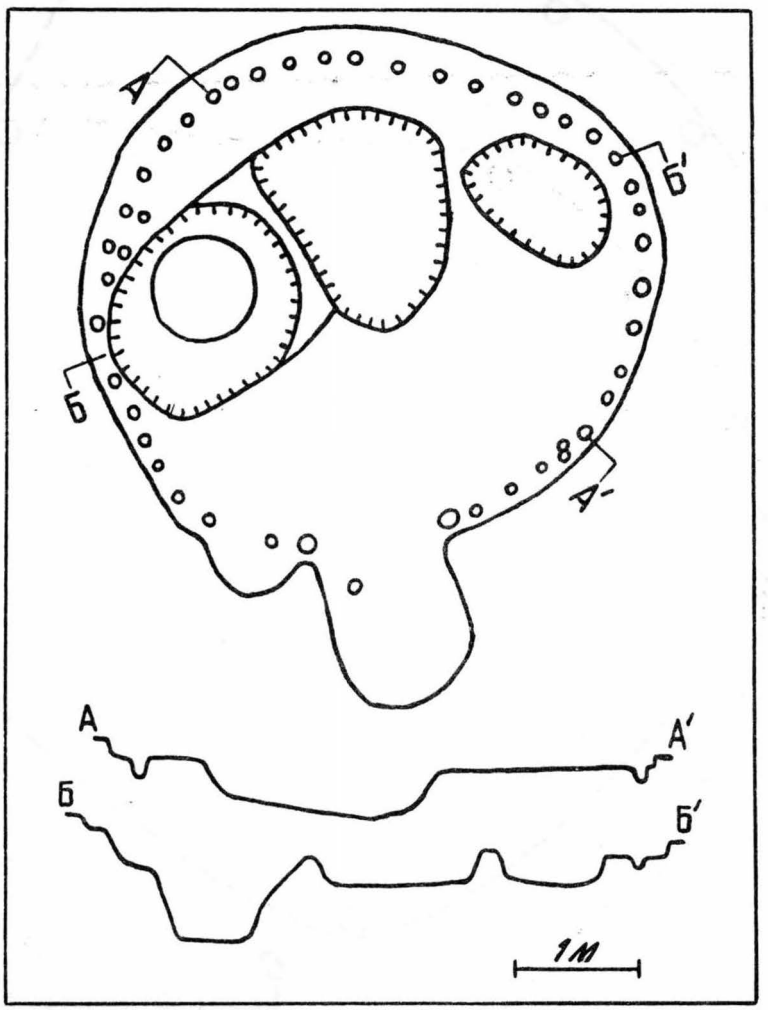


Рис.16. Биляр.
Постройка с раскопа XXXVII

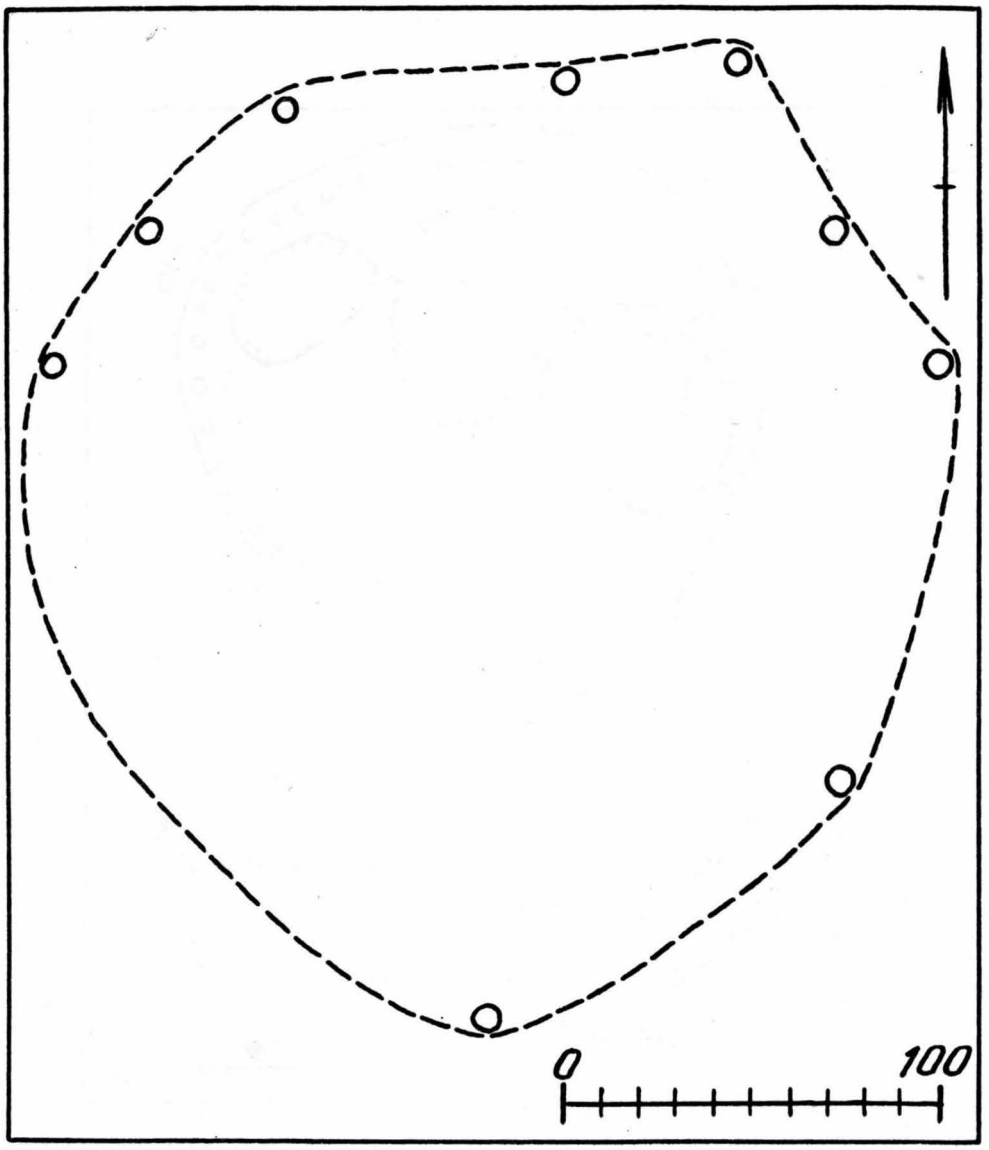


Рис.17. Городище Первомайское.
Постройка с раскопа V. Раскопки И.В.Каминской.
Публикуется впервые

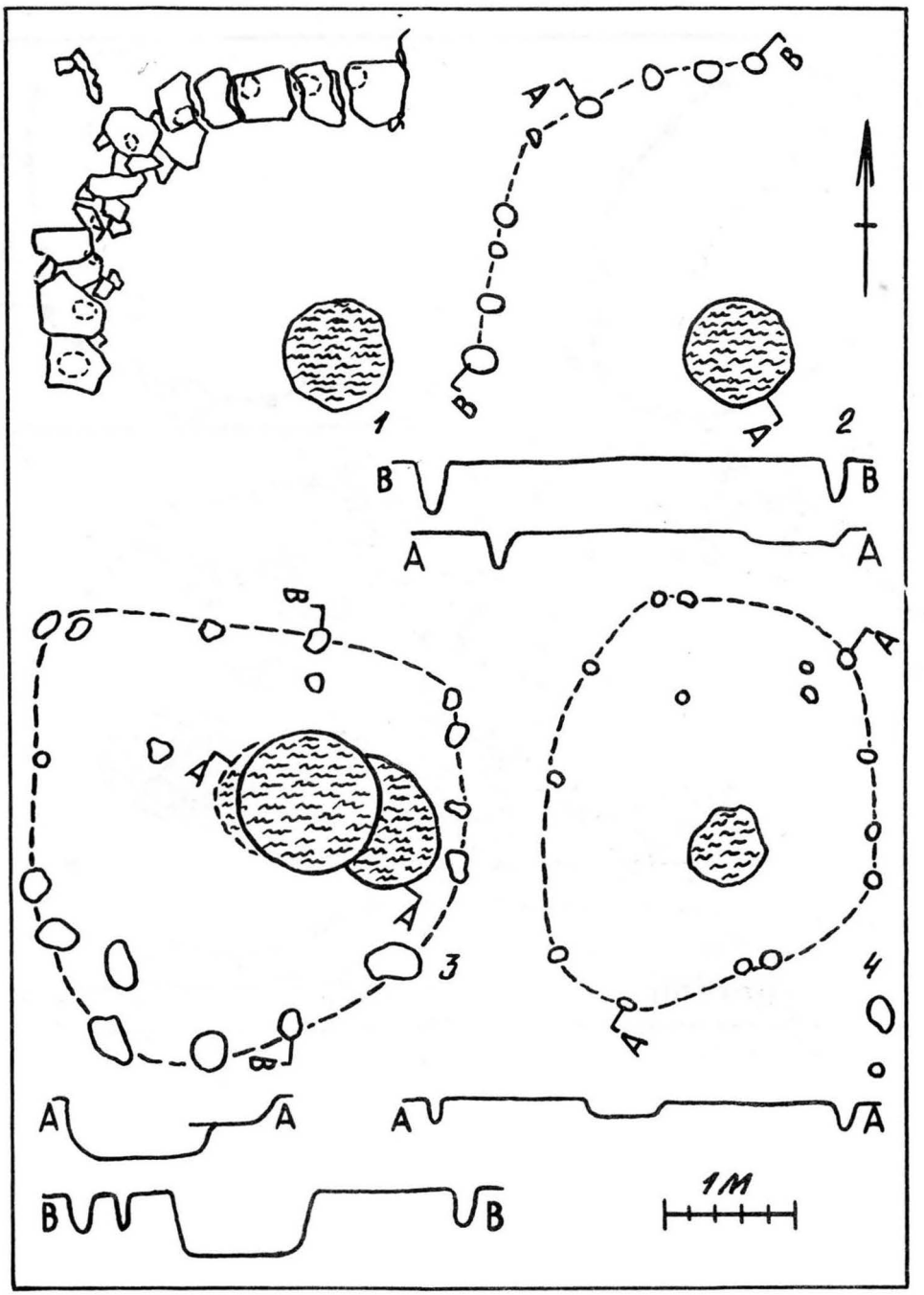


Рис.18. Городище Хумаринское:
1—2 — жилище № 3; 3 — жилище № 2; 4 — жилище № 5

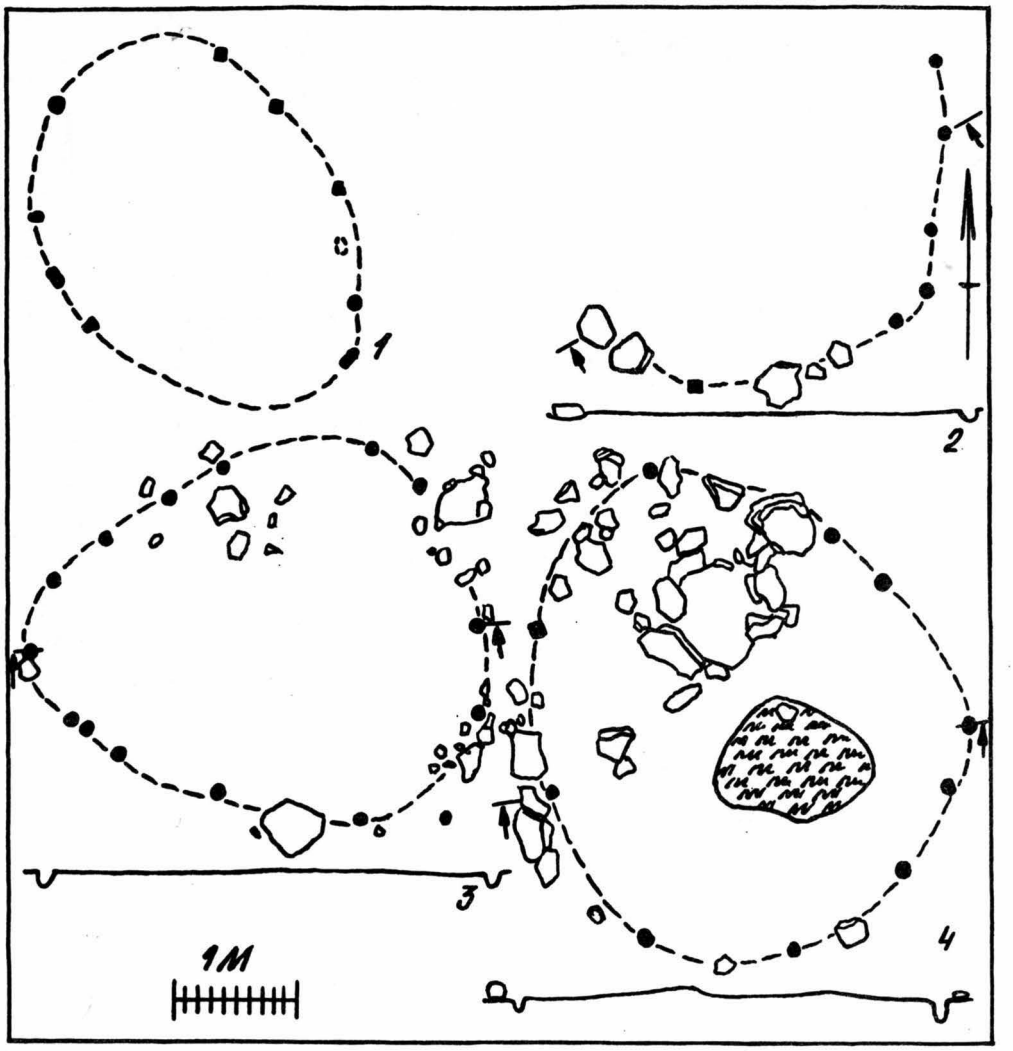


Рис.19. Каладжинское поселение:
1 — постройка № 1; 2 — постройка № 2; 3 — постройка № 3; 4 — жилище № 4.
Раскопки В.Н.Каминского. Публикуется впервые

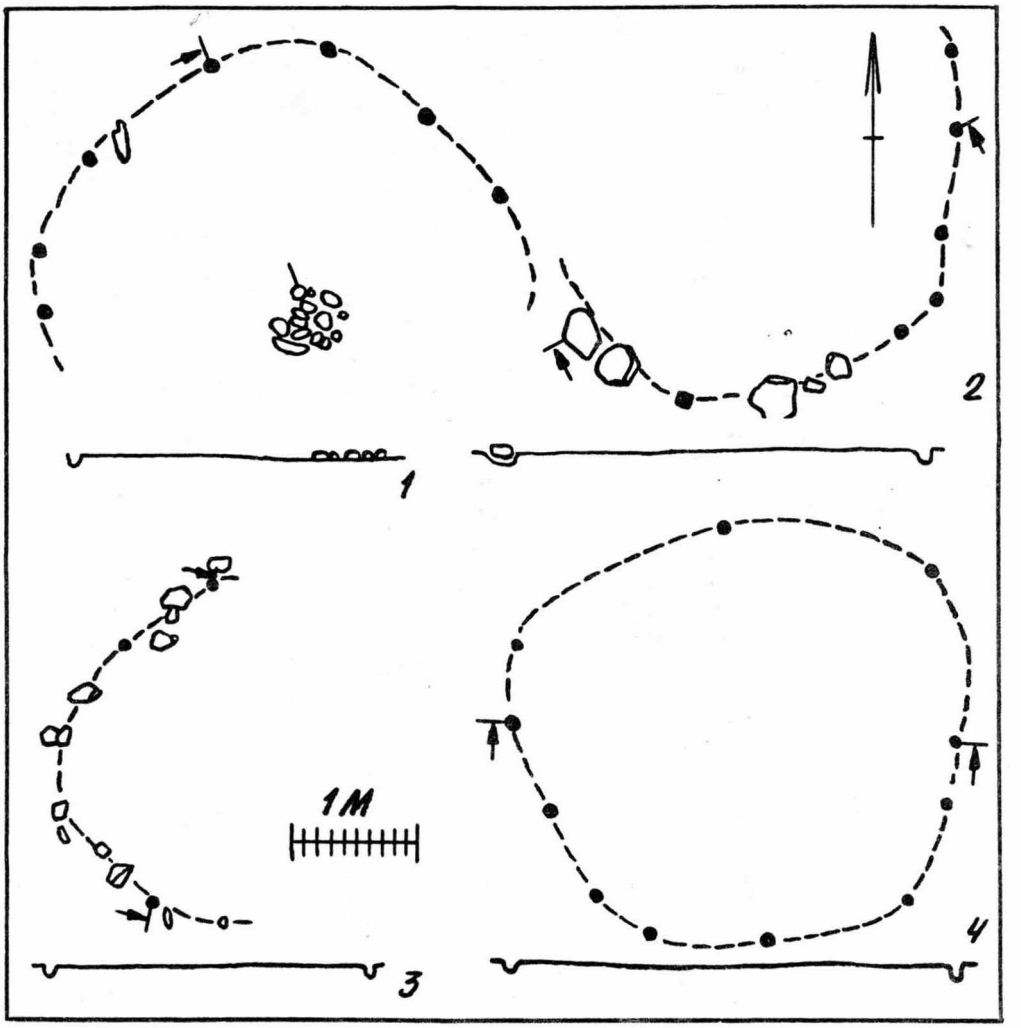


Рис.20. Каладжинское селище:
1 — жилище № 5; 2 — постройка № 6; 3 — постройка № 10; 4 — постройка № 12.
Раскопки В.Н.Каминского. Публикуется впервые.

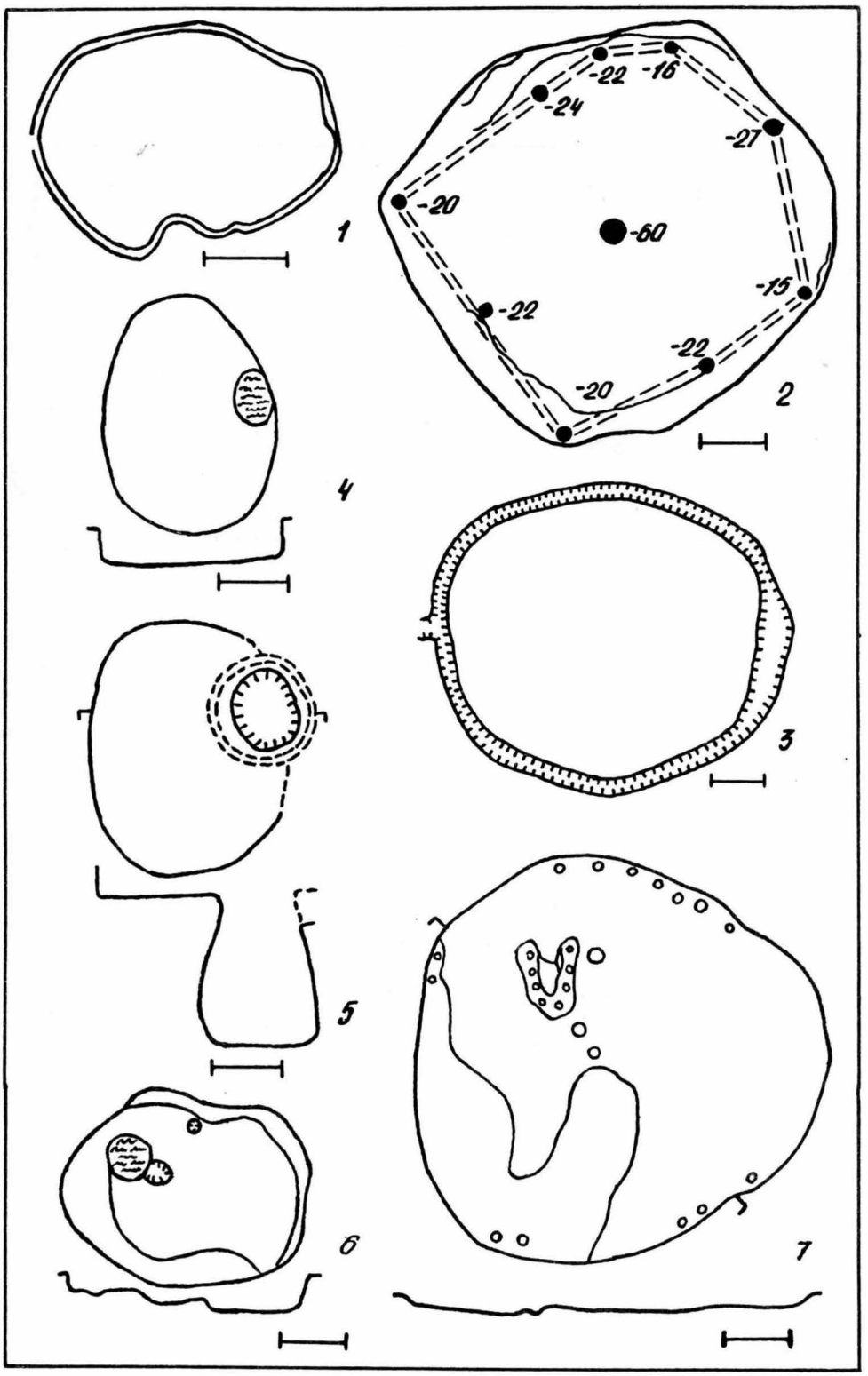


Рис.21. Юртообразные постройки поселений Поднепровья и Днестро-Дунайского междуречья:
1 — Осиповка; 2 — Луг I, постройка № 18; 3 — Стецовка, постройка № 8; 4 — Этулия;
5 — Шабо; 6 — Богатое, Одесская обл.; 7 — Чернеччина

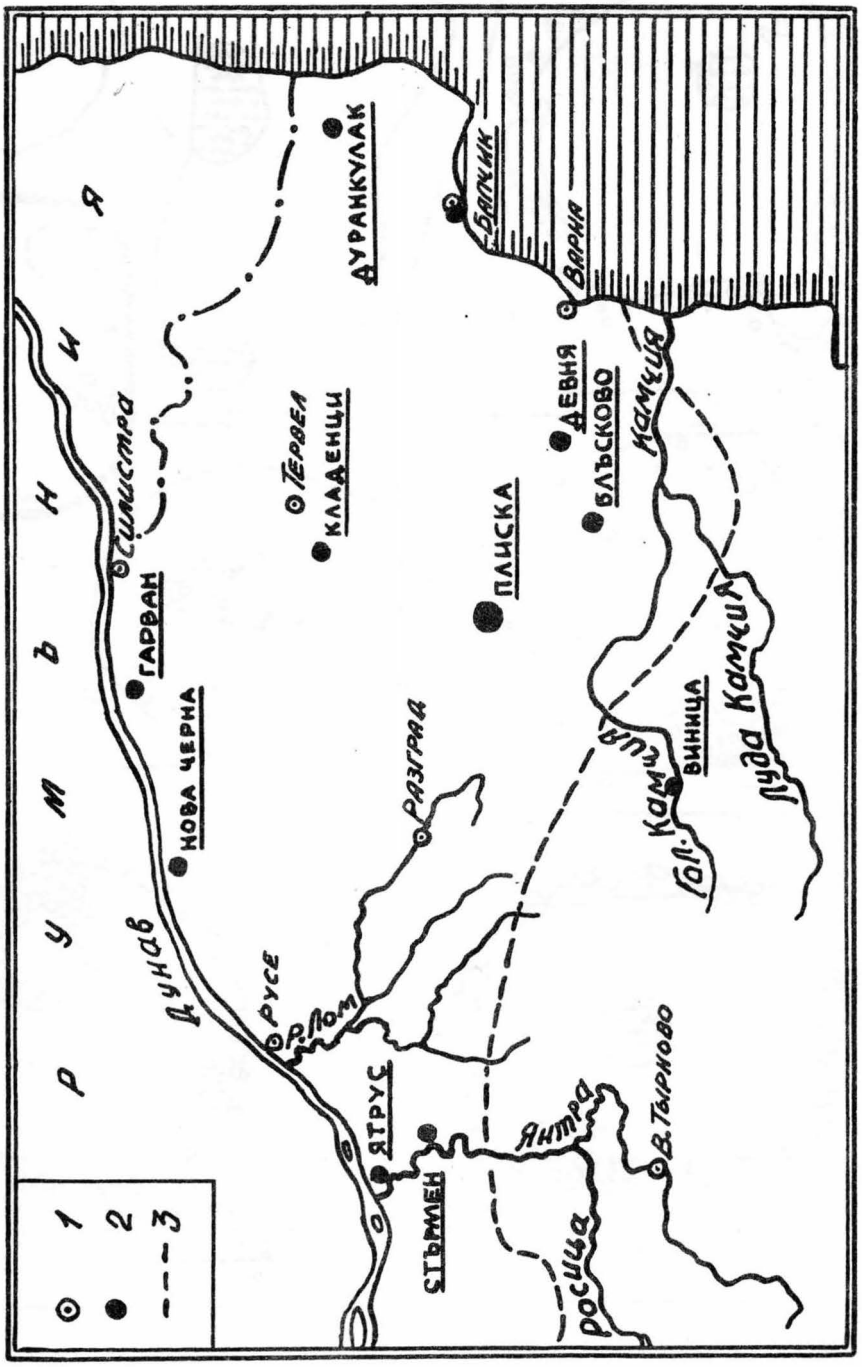


Рис.22. Юртообразные жилища Северо-Восточной Болгарии (условные обозначения: 1 — современные населенные пункты; 2 — поселения с юртообразными жилищами; 3 — южная граница распространения памятников праболгар по Ж.Выжаровой)

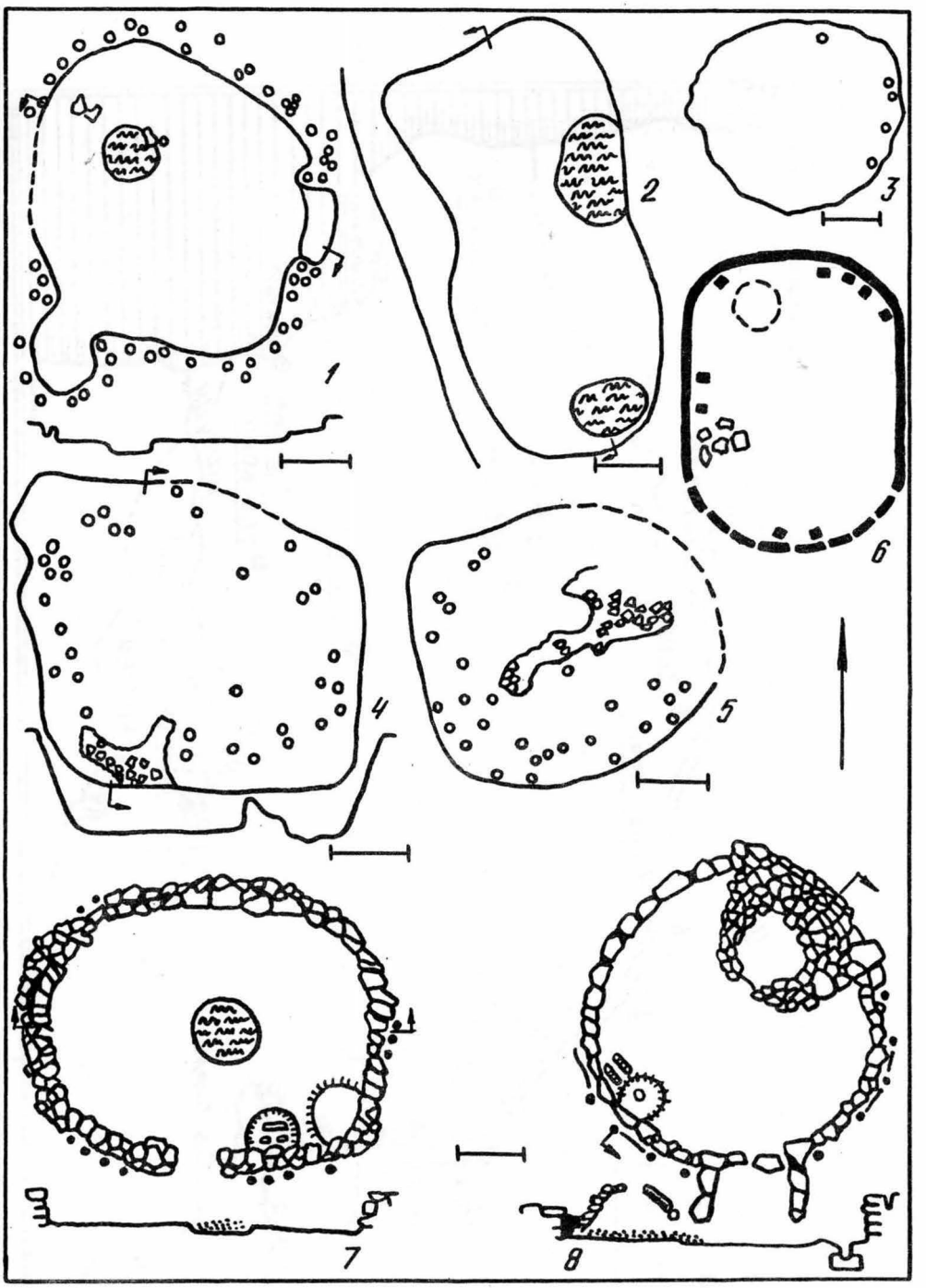


Рис.23. 1 — Блъсково; 2 — Кладенци; 3 — Стърмен;
4—5 — Нова Черна, жилища №№ 1 и 2; 6 — Виница;
7—8 — Дуранкулак, жилища №№ 30 и 80

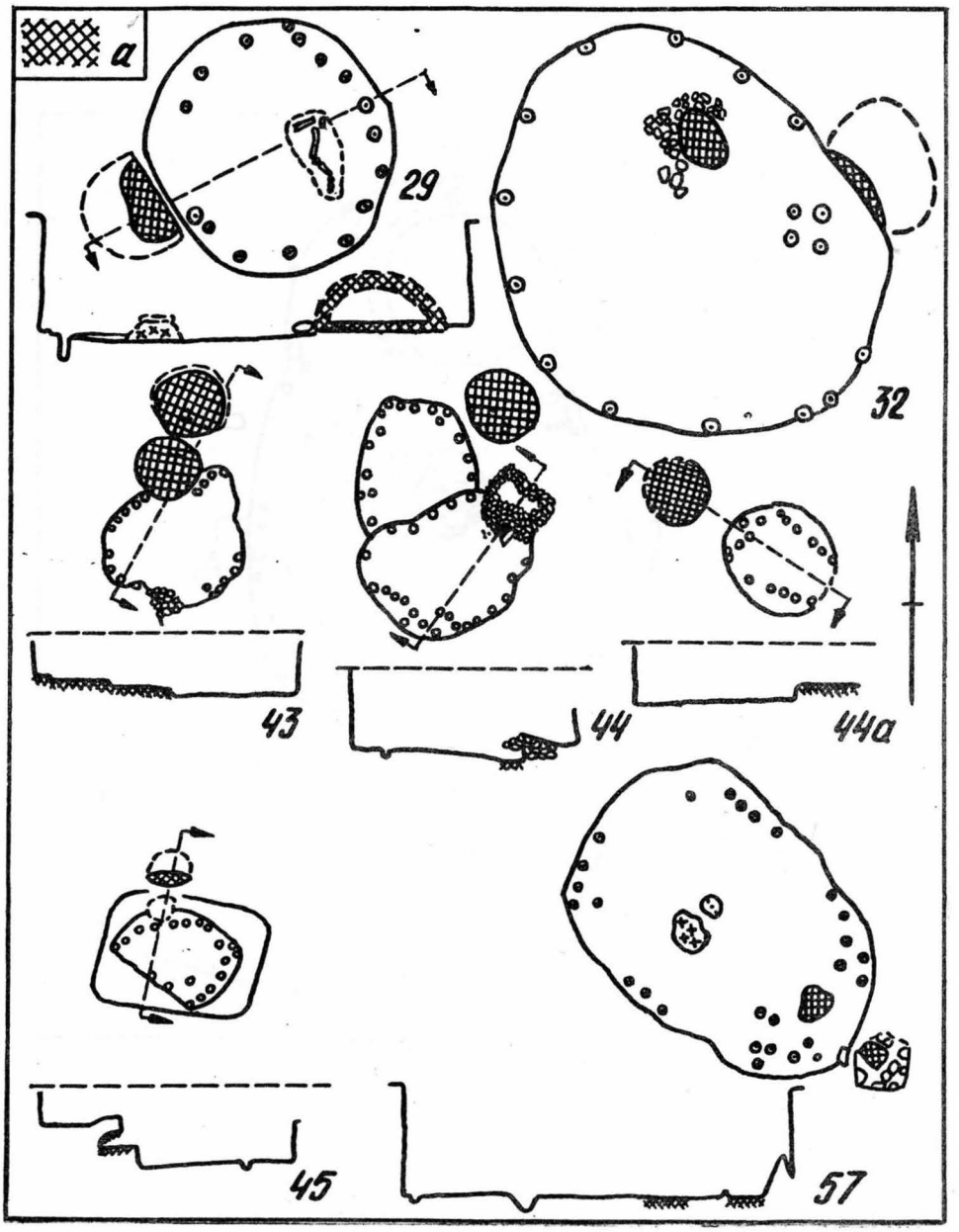


Рис.24. Гарван
(номера соответствуют номерам жилищ; а — печи)

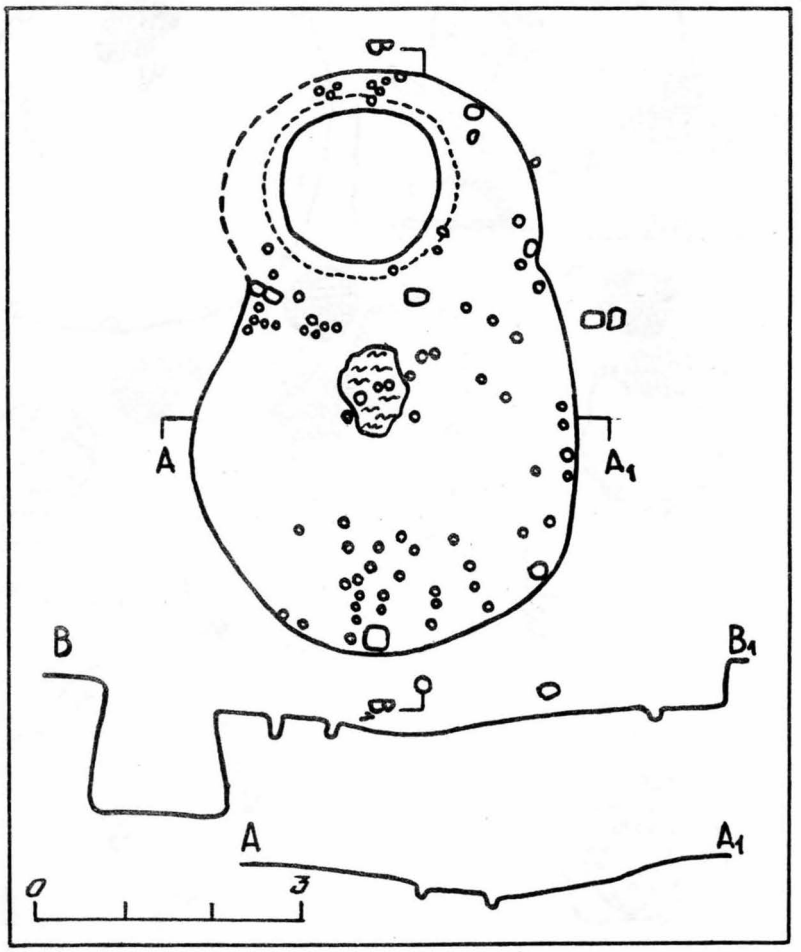


Рис.25. Плиска.
Постройка № 1

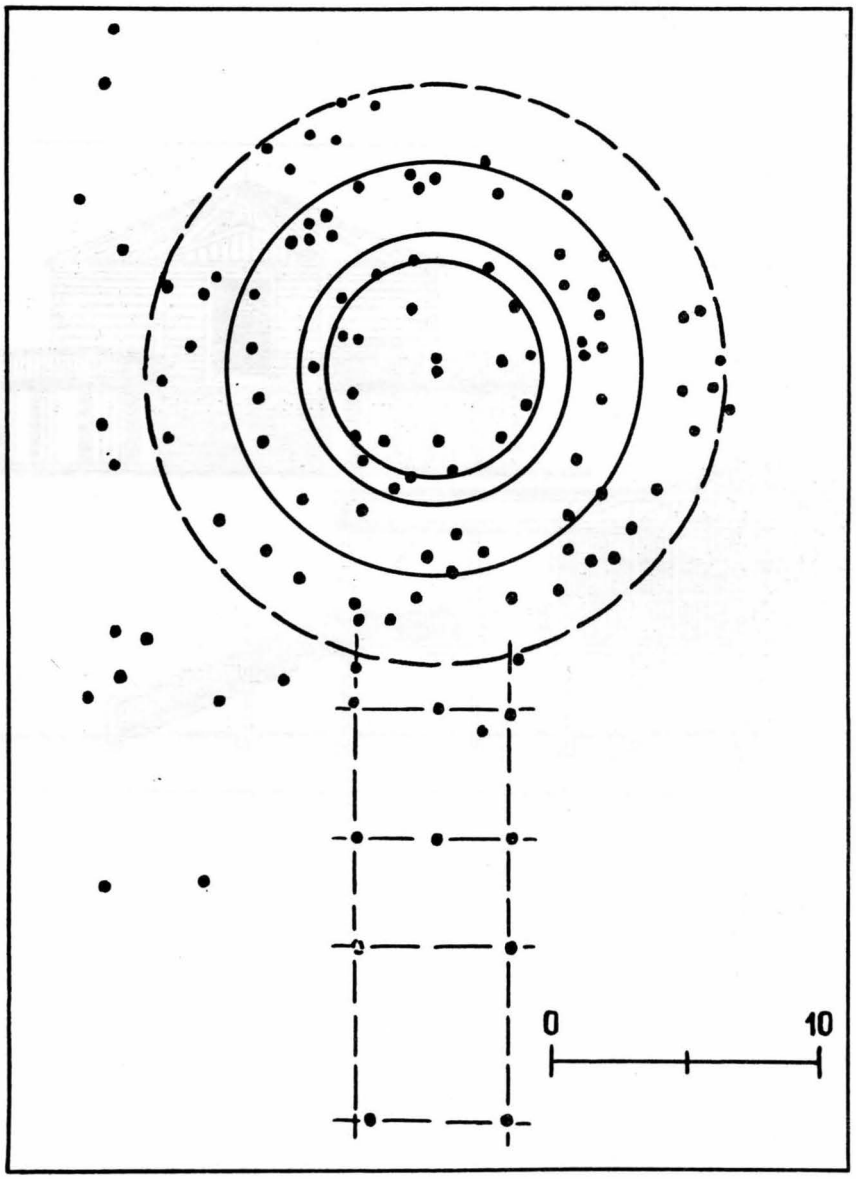


Рис.26. Плиска.
Постройка № 2. Схема расположения столбовых ям

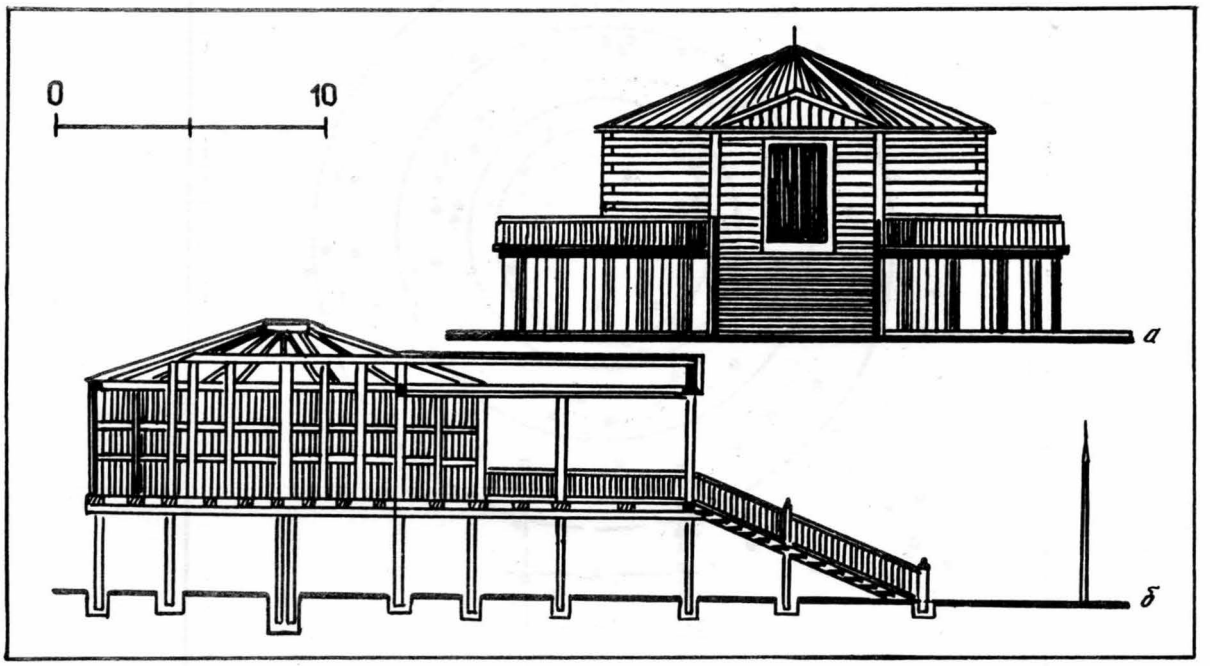


Рис.27. Плиска
Постройка № 2. Реконструкция Р.Рашева и В.Дочевой
(а — вид с фасада; б — вид сбоку)

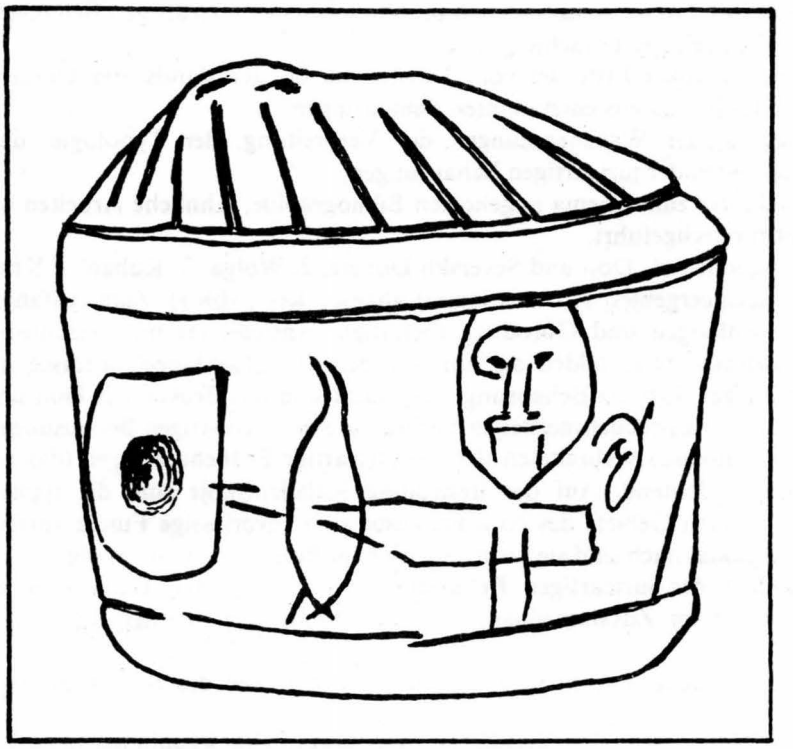


Рис.28. Девня.
Модель постройки типа юрты.

V.S.FL'OROV

OSTEUROPAISCHE JURTEARTIGE BEHAUSUNGEN DES FRUHEN MITTELALTERS

Zusammenfassung

Es handelt sich hier um die hauptsachlich prahbulgarischen jurteartigen Behausungen des Endes 7.-des Anfanges 10.Jh. Die Ziele der Forschung sind:

1. die Aufstellung voller Liste der vom Territorium des Russlands, der Ukraine und der Krim, des Moldawiens und des Bulgariens entstammten Behausungen;

2. die Darlegung der Wahrnehmungen der Verbreitung, der Typologie, der Bauweise und der Regionalbesonderheiten der jurteartigen Behausungen;

3. das Sammeln der zum Thema angehorten Bibliographie. Ahnliche Arbeiten wurden in europaische Archaeologie nicht durchgefuhrt.

Es wurde 7 Regionen (1. Don und Severskij Donetz; 2. Wolga; 3. Kuban'; 4.Krim; 5. Dnepr; 6. Nordwestliches Schwarzemeergebiet; 7. Unterdonau) abgesondert (Abb.1). Zum Anfang der 90 Jahre wurden ungefahr 40 Ansiedlungen und Gorodisce (befestigte Ansiedlung) mit verschiedenartigen jurteartigen Behausungen entdeckt, zwar bilden sie nur auf dem Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Don-Ufer (Abb.3-13) ein einzigen Typ der Behausung. Insgesamt sind das Becken des Don und seines Nebenflusses Severskij Donetz eine Region der meistenen Verbreitung der jurteartigen Behausungen.

Auf dem Nordkaukasus verbreiteten sich die jurteartige Erdbehausungen (das auf der Erdeoberflache befindliche Haus) bedeutend. Auf der Besiedlung Kaladzinskoje sind die typische Hauser geforscht (Abb.19-20). In anderen Gebiete des Nordkaukasus sind zuverlassige Funde vorlaufig unbekannt. Nach aller Wahrscheinlichkeit nach sind sie nicht zahlreich im Bulgarien an der Wolga.

Die Anwesenheit der jurteartigen Behausungen auf slawischen Denkmaler der Pen'kovka-Kultur (Abb.21, 1,3,7) steht im Zusammenhang mit dem Eindringen hierher der Bevolkerung der Khazar-Kaganat.

Einige jurteartige Behausungen sind im nord-ostlichen Teil des Schwarzmeergebietes (Abb.21, 4-6) bekannt.

Nord-ostliches Bulgarien ist ebenso wie das Don-Becken eine Region der bedeutenden Verbreitung der jurteartigen Behausungen (Abb.22-28). Die Typenmannigfaltigkeit ist fur es charakteristisch. Jurteartige Behausungen von einigen Denkmalern des Bulgariens waren den slawischen Einfluss (ein Steinofen in den Behausungen von Nova Cerna und Garvan (Abb.23, 3; 24), die Wande aus Stein und die Ofen in den Behausungen der Durankulak-Ansiedlung (Abb.23, 7-8)) ausgeubt. Das jurteartige Holzbauwerk von Pliska sitzt an der besonderen Stelle (Abb.26-27). Die jurteartige Bauwerke sind in Pliska bis zum Anlaufen des Steinaufbaues weitverbreitend.

Im Abschnitt "Einige Probleme der Forschung der fruhmittelalterlichen, jurteartigen Behausungen" waren die Grundlagen der Klassifikation dieser Bauwerke vorgeschlagen. Der Autor meint, dass das Urbild der jurteartigen Bauwerke nicht nur die klassische Jurte mit dem Klappgestell, sondern auch verschiedenen Typen der Erdbehausungen waren. Es hat sich die ausserordentlichen Mannigfaltigkeit prahbulgarischer jurteartigen Bauwerke erklart. Strenggenommen gibt es im Osteuropa kein Paar der Ansiedlungen mit ganz gleichen jurteartigen Behausungen. Dieser Umstand erschwert ihre typologische Untersuchung, selbst beim Vorhandensein der Gemeinmerkmale. Die Mehrzahl dieser Hauser ist rund oder oval in Plan, hat die Baugrube, offener Herd, kleine runde Aushohlungen des Gestells. Objektives Grund der Abwesenheit der Unterteilung der Jurtetypen im Leben wegen ist die hochst formale Typologie (nach dem Vorbild: "1.Typ", "2.Typ", "3.Typ" u.a.) nicht ausfuhrbar. Ausserdem waren die jurteartige

Bauwerke eine Massenart der Behausungen nicht. Sogar in der Tsiml'anski-Festung am rechtem Don-Ufer sind sie sehr mannigfaltig.

Nun kann man fur die jurteartigen Behausungen des Osteuropas vorlaufig 3 Gruppen der Hauptmerkmale absondern.

I.Gruppe - die Merkmale (genauer die Tendenz zur Erhaltung dieser Mermale) der Nomadenjurten: 1). runder oder ovaler Grundriss, 2). offener Herd, grosstenteils im Zentrum, 3). die Lage auf der Erdeoberflache.

II.Gruppe - die Merkmale eigentlich jurteartiger Behausungen der vor kurzem sesshaft gewordenen Nomaden: 1). die Vertiefung des Unterbaues der Behausung, 2). kleine runde Gestellaushohlungen, 3). die Ausnutzung des Lehmes und abgesondertes Steines.

III.Gruppe - die von slawischen Grubenhauser (halb in den Boden eingegrabenes Bauwerk) entlehnten Merkmale:

1). die Approximation des Grundrisses der Behausung zu das Rechteck, 2). die Benutzung der Stutzpfeiler, 3). die Steinmauerung der Wande der Baugruben, 4). die Herde. Es sei die Abwesenheit der wechselseitigen Zusammenhang der Merkmale der jurteartigen Behausungen und die Moglichkeit ihrer Veranderung ohne Wechselwirkung dabei bemerken.

Die angebotene Systematisierung der jurteartigen Behausungen ist vorlaufig. Wir sagen von allgemeinublicher Erkennenmethode der Gruppen der Behausungen mit gleichem Merkmalesatz. Wir betrachten die Verbreitung der meist charakteristischen fur diese oder jene Gruppe der Behausungen Merkmale. In der Tat, die Eigenschaft der Behausunggestalt gegebener Ansiedlung und ihrer Unterschied von anderer Behausung wurden am haufigsten nur von der 1-2 Merkmale bestimmt. Angebotene Systematisierung wird von dem geographischen Gesichtspunkt, wo es moglich ist, geordnet. Wir beginnen von Unteren Don.

1. Bekannt sind nur die Erdbehausungen. Darauf deuten die Herdespuren auf der Ansiedlung Stanitza Zaplavskaja hin. Das sind chronologisch die fruheste Behausungen, nicht spater des Endes 8.Jh.

2. Die Behausungen mit gleichmassiger Verteilung der Gestellaushohlungen der Wande entlang. Das gibt es in den Erdbehausungen oder in vertieften ins Boden Behausungen.

2.1. Die Behausung von Krymsk-Gorodisce (Abb.2), die Behausung N 58 von Sarkel (Abb.14,1) sind die Beispiele vertiefter ins Boden Behausungen. Solche Bauweise kann man in der Behausung der Novolimar'ovskoje-Ansiedlung (Abb.14,2) verfolgen. Die Regelmassigkeit der Aushohlungen gibt es auf den Bauwerke der Garvan-Ansiedlung (Bulgarien) (Abb.24).

2.2. Die Erdbehausungen mit regelmassigen Verteilung der Aushohlungen sind nun nur im Oberlauf des Kuban bekannt. Das Bauwerk von Pervomajskij-Ansiedlung gleicht der Krymsk-Behausung dank dem Aushohlungsystem (Abb.17).

2.3. Deutliches Aushohlungsystem ist auf den Behausungen der Kaladzinskoje-Ansiedlung verfolgt (Abb.19-20).

2.4. Die Aushohlungketten der Wande der Bauwerke des Humara-Gorodisce sind minder regelmassig (Abb.18).

Insgesamt sind im Don-, Kuban-Gebiet, sowie im nord-ostlichen Bulgarien acht Denkmalern mit regelmassiger Verteilung der Gestellaushohlungen der Behausungwande (Krymsk, Sarkel, Novolimar'ovka, Majatskoje, Pervomajskoje, Kaladzinskoje, Humara, Garvan) bekannt. Die Aushohlunganzahl betragt dort von 9 bis 19, sowie in einem von Humara ist moglicherweise bis 36. Das meist verbreitende Intervall zwischen den Gestellstutzen betragt 30-40 cm, oft bis 70 cm, seltener bis 100-130 cm.

3. Das Bauwerk von Bil'ar-Gorodisce (Bulgarien an der Wolga) ist sogar geographisch abgesondert (Abb.16). Sie hat 40 Aushohlungen mit dem Intervall zwischen ihnen - 20-25 cm.

4. Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Don-Ufer gibt bedeutende Material fur Typologie der Behausungen. Die Anwesenheit der Baugruben, irregulares System der Aushohlungen und zentrale Lage der Herde sind fur diese Bauwerke charakteristisch.

4.1. Der verbreitendeste im Osteuropa rund-ovale Grundriss des Hauses ist ein grundlegendes Merkmal (Abb.3,8,13). Der Durchschnittsdurchmesser der Baugruben der Behausungen (Tsiml'anskoje-Gorodisce) betragt 3,15 m, die Tiefe - 0,48 m. Die Behausungen N59 von Sarkel, von Dmitrievskoje-Ansiedlung (Abb.15, 5-7) sowie von Majaki-Ansiedlung (Abb.14, 3) gleichen den Bauwerke von Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Don-Ufer.

4.2. Die Behausungen der westlichen Regionen (von Osipovka- (Abb.21,1), Etulia-, Sabo- und Bogatoje-Ansiedlungen (Abb.21,1)) sind mit Vorbehalt der Abwesenheit der Gestellaushohlungen wegen zu 4.Gruppe zugeschrieben.

4.3. Die Behausungen von der Styrmen-Ansiedlung (Abb.23,3) ist gleichartig der Tsiml'anski-Bauwerke, zwar der Durchmesser der Stutzen betragt 12-20 cm.

4.4. Die Behausung von Blyskovo (Abb.7) ist die ahnlichste den Tsiml'anski-Bauwerke.

Somit gibt es die rund-ovale Behausungen mit verschiedenenen Stutzsysteme und mit schwankendem Grundriss der Baugrube in allen Regionen des prahbulgarischen Areals ausgenommen das Kuban-Gebiet. Diese Serie ist in der Zukunft den viel exakter Differenzierungsprinzipien nach zu ordnen.

5. Rechtwinkelige Behausungen sind nur auf dem Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Don-Ufer verbreitet (Abb.11, 1; 12, 1). Daran grenzt auch die Behausung von Majatskoje-Ansiedlung (Abb.14,4).

6. Die zweiraumige Behausungen. 6.1. Die Behausungen mit rechtwinkeligem Hauptraum und kleinerem

ovalformigem Raum sind nur auf dem Tsiml'anskoje Gorodisce am rechten Don-Ufer bekannt (Abb.10.; 11, 1; 12, 2).

6.2. Andere Bautraditionen hat zweiraumige Behausung von Pliski (Abb.25).

6.3. Zweiraumige Behausung von Kladentsy-Ansiedlung ist meist eigenstandig und analoglos (Abb.23,3). Die fruheste stadial sind die zweiraumige, eigentlich Erdbehausungen von Pliski- und von Kladentsy-Ansiedlungen.

7. Die Behausung mit Rinnen dem Grundriss entlang. Das ist die Bauwerk N8 von Stetsovka-Ansiedlung (Abb.21,8). Die Rinnen auf einzelnen Stellen der Wande gibt es in der Behausung N14 von Jutanovskoje-Gorodisce und in der Behausung N12 von Dmitrievskoje-Ansiedlung (Abb.14,6).

8. In einer Reihe der Behausungen des Bulgariens vereinigt abgerundeter Grundriss mit der Bauweise des slawischen Grubenhauses.

8.1. In runder, aber sehr tiefer Behausung N8 von Pliski [Pletn'ova S.A., 1992, S.47] wurde ein Versuch slawischer Herd wiederzuerzeugen gemacht.

8.2. Die Behausungen von Nova Cerna-Ansiedlung haben vom Grubenhaus die Eckigkeit des Grundrisses und grosse Tiefe der Baugruben sowie haupsachlich die Steinherde entlehnt.

8.3. Typ "Garvan" (Abb. 24).

8.4. Die Neuerungen in der Behausungen der Durankulak-Ansiedlung (Abb.23, 7-8) sind viel bedeutend. Einerseits in ihre Grundrisse dominieren die Merkmale der Behausungen des Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Don-Ufer, anderseits dort ist die Steinverkleidung der Baugruben erfolgreich verwendet. Die Steinherde sind eine slawischen Elemente in diesen Behausungen.

9. Die Steinverwendung ist in jurteartigen Behausungen des Kuban-Gebietes festgesetzt.

9.1. Die Unterbau der jurteartigen Erdbehausung N3 von Humara-Gorodisce wurde mit der Verwendung des Steines errichtet.

9.2. Einzelne Steine sind in der Behausungen der Kaladzinskoje-Ansiedlung benutzt (Abb.19-20).

10. Die Bauwerke mit Steinverkleidung von Gorodisce "Ukazatel'" bei Kislovodsk sind abgesondert (Kovalevskaja V.B., 1976, 1977). Ihre Verbindung mit jurteartigen Behausungen ist diskutabel.

11. Die "einapsiden" und "zweiapsiden" (diese Termini sind missraten) Bauwerke wurden auf der Durunkulak- und Vinitsa-Ansiedlungen (Bulgarien) entdeckt (Abb.23, 6).

12. "Vertretungsjurte" (das Bauwerk N12 von Pliski) ist einzigartig vorlaufig (Abb.26-27). Es ist nicht ausgeschlossen, dass ahnliche holzerne Bauwerke gab es in anderen Zentren Bulgariens.

Die Merkmale der jurteartigen Behausungen sind kein Datierungsgrund. Die fruheste Behausungen stammen von Zaplavskoje- (nicht spater des Endes 8.Jh.), Osipovka- (nicht spater 7.Jh.) und Nova Cerna-Ansiedlungen (nicht spater der ersten Halfte 8.Jh.).

Tsiml'anskoje-Gorodisce am rechten Ufer sowie jurteartige Behausungen von Durankulak-Ansiedlung sind erste Halfte 9.Jh. datiert. Die Bauwerk von Blyskovo - nicht spater 9.Jh. Die Datierung der meistene Behausungen des Osteuropas wird noch prazisiert. Nach Autors Meinung nach datiert man der Anfang der Verbreitung der jurteartigen Behausungen 8.Jh.

Die Lebenszeit aller osteuropaischen jurteartigen Behausungen ist mit der Zeitspanne, die man der Analogie der Grossen Volkerwanderung nach die Epoche der Grosse Ansassigwerden, die zur Entstehung des Grossen Bulgariens im Azov-Gebiet, des Khazar-Kaganats, des Ersten Bulgarenreiches an der Donau gebracht ist, nennen kann, verbunden.

Es muss zugegeben werden, dass die Versuche der Umgestaltung der Nomadenbehausung - die Jurte - in stationare Behausung originell, aber erfolglos waren. Der Ubergang zur Ansassigkeit setzte prinzipielle neuer Typ der Behausung voraus. In der Tat sind die rechtwinkelige Grubenhauser einen Massentyp der Behausungen schon in 8.Jh. geworden.

Jurteartige Bauwerke sind die Behausungen der Ubergangsstufe vom Nomadenleben zur Ansassigkeit. Ihre Verbreitung war nicht weit.

Jurteartige Behausungen ist einen wichtigsten chronologische Index des Ubergangs gegebener konkreten Gesellschaft zur Ansassigkeit. Darin besteht die haupsachliche Bedeutung der jurteartigen Behausungen als archaeologische Quelle fur die Forschung der fruhmittelalterlichen Gesellschaften der Steppen-Region und der benachbarten Territorien.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПИСАНИЯ, КОММЕНТАРИИ ... 8

ДОН — СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ ... 8
- Заплавская станица, поселение ... 8
- Городище у хутора Крымский ... 9
- Правобережное Цимлянское городище ... 9
- Саркел ... 22
- Новолимаревское поселение ... 23
- Маяки, селище ... 23
- Нетайловское поселение ... 23
- Дмитриевское поселение ... 24
- Ютановское городище ... 24
- Маяцкое селище ... 24

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ ... 26
- Биляр ... 26

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ... 27
- Первомайское городище ... 27
- Хумаринское городище ... 28
- Кизиловая балка, городище ... 29
- Каладжинское селище ... 29
- Хазар-кала, городище ... 31

КРЫМ ... 32
- Кордон-Оба ... 32

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ ... 33
- Луг I, поселение ... 34
- Стецовка, поселение ... 35
- Осиповка, поселение ... 35
- Чернеччина, поселение ... 36

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ... 37
- Шабо, поселение ... 37
- Богатое, поселение ... 37
- Этулия, поселение ... 38

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ ... 39
- Блысково (Блъсково) ... 39
- Кладенци ... 40
- Стырмен (Стърмен) ... 40
- Нова Черна ... 41
- Виница ... 41
- Дуранкулак ... 42
- Гарван ... 43
- Плиска ... 44
- Балчик ... 47
- Ятрус — Кривина ... 47
- Девня ... 47

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЮРТООБРАЗНЫХ ЖИЛИЩ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 49

ПРИМЕЧАНИЯ 61

ЛИТЕРАТУРА 63

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 67

ИЛЛЮСТРАЦИИ 68

ZUSAMMENFASSUNG 96

Флёров Валерий Сергеевич

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(научное издание)

Тех. редактор, корректор *В.С.Флёров*
Компьютерное макетирование *Е.Катышева*

Подписано к печати 17.06.96 г.Формат 60 x 90 (1/8).
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 1000 экз.
Цена договорная.